

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально.

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate
professor, honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

БРАЖНИКОВ Д.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

BRAZHNIKOV D.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЦИШКОВСКИЙ Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России

TSISHKOVSKIY E.A.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАЧИЛА В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
Академия МВД Республики Беларусь

BACHILA V.V.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Academy of the Ministry of the Interior
of the Republic of Belarus
(Belarus)

БОГДАЛЬСКИ П.,
кандидат юридических наук,
Высшая школа полиции
в г. Щитно

BOGDALSKI P.,
Candidate of Legal Sciences,
Police Academy in Szczytno
(Poland)

БОХЧУЛУУНЫ Б.-Э.,
кандидат юридических наук, профессор,
Институт управления
Университета правоохранительной
службы Монголии

BOKHCHULUUNY B.-E.,
Candidate of Legal Sciences, professor,
University of law enforcement service
of Mongolia
(Mongolia)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO YU.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУСАК В.А., доктор юридических наук, Управление организации оперативно-розыскной деятельности Главного управления уголовного розыска МВД России	GUSAK V.A., Doctor of Legal Sciences, Main Department of Criminal Investigation of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., кандидат юридических наук, доцент, Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Scientific and Practical Center for Strengthening the rule of law to the General Prosecutor of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Гамбургский университет	SIEGMUNT O.A., PhD, Hamburg University (Federal Republic Germany)
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральская государственная юридическая академия	KOZACHENKO I.YA., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law Academy
КОРЖ В.П., доктор юридических наук, профессор, Харьковский национальный университет внутренних дел Украины	KORZH V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, Kharkiv National University of Internal Affairs (Ukraine)
ЛАКЛЕМАНС П., PhD, профессор, Научно-исследовательский центр Национальной школы полиции	LACLEMENCE P., PhD, professor, Research Center of the National School Police (France)
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПОВАЦ К., PhD, Криминалистическая полицейская академия Республики Сербия	LIPOVAC K., PhD, Academy of Criminalistic and Police Studies (Republic of Serbia)

ЛУНЕЕВ В.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Институт государства и права
Российской академии наук

LUNEEV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Институт государства и права
Российской академии наук

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences

МОЛДАБАЕВ С.С.,
доктор юридических наук, профессор,
академик Казахской национальной
академии естественных наук,
Академия финансовой полиции
Республики Казахстан

MOLDABAEV S.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Academy of Financial Police
of Republic Kazakhstan
(Republic of Kazakhstan)

ПОЙМАН П.,
PhD,
Институт международных исследований
Карлова университета

POJMAN P.,
PhD,
Charles University
(Czech Republic)

ПФАЙФЕР Х.,
Криминологический исследовательский центр
Управления криминальной полиции
Нижней Саксонии
Федеративной Республики Германия

PFEIFFER H.,
Criminological research center
of the criminal police agency of Lower Saxony
(Federal Republic Germany)

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

**Включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов и изданий;
в Российский индекс научного цитирования.**

**Included in the list of the Russian
reviewed scientific journals;
in the Russian Science Citation Index.**

Адрес редакции:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Editorial Board's address:
Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region,
625049, Russia.

<http://www.tipkmvd.ru/naukatui.htm>; +7 3452 598 516; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-51965 от 29.11.2012 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Кузнецова, А.А. Пантелеев.
Подписано в печать 18.03.2014. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 19,3. Уч.-изд. л. 17,3
Тираж 1000 экз. Заказ N 35. Цена свободная.
© ФГКОУ ДПО «ТИПК МВД России», 2014.

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАЛЬКО А.В., РУДКОВСКИЙ В.А.
Правоприменительная политика как фактор
оптимизации осуществления права

Section 1. Methodology of law enforcement activities

MAL'KO A.V., RUDKOVSKIY V.A.
Law-enforcement policy as a factor
of right exercise optimization

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ПОРОХ В.И., КАТРУНОВ В.А., ЗАСЫПКИНА Е.В.
Основы концепции обеспечения прав пациента

Section 2. Human rights protection

POROKH V.I., KATRUNOV V.A., ZASYPKINA E.V.
The principles of ensuring the patient rights

ДОЦКЕВИЧ М.В. Защита прав
и свобод личности в деятельности
органов внутренних дел как способ
предупреждения правонарушений

DOTSKEVICH M.V. Protection of individual
rights and freedoms in law enforcement
agencies' activities as a way of crime
prevention

Раздел 3. Уголовный закон

ЗАЛОВ А.Ф. Проблемы квалификации
продолжаемых изнасилований

Section 3. Criminal Law

ZALOV A.F. Problems of qualification
of continued rapes

ЕРМАКОВА О.В. Влияние объекта
посягательства на конструкцию состава и момент
окончания преступлений против собственности

ERMAKOVA O.V. Influence of the offense
object on the construction of elements of
crime and the end of crimes against property

МОРОЗОВ В.И., ПОПОВА А.С.
Правовое регулирование эвтаназии: какой
должна быть позиция России?

MOROZOV V.I., POPOVA A.S.
Legal regulation of euthanasia: What
position should Russia adhere to?

ОСОКИН Р.Б. Общественное мнение
как условие криминализации
общественно опасных деяний
(на примере занятия проституцией)

OSOKIN R.B. Public opinion as a condition
of criminalization of socially dangerous
actions (the case of prostitution)

Раздел 4. Криминологическая наука

МАЛАХОВ С.Ю. Понятие «вандализм» как
предмет криминологического исследования

Section 4. Criminology

MALAKHOV S.Y. The concept of "vandalism"
as the subject of criminological research

Раздел 5. Правоохранительная политика

КОРЖИКОВ О.Н., ДАВЫДОВ П.А.
Научные основы концепции судебной
политики в Российской Федерации

Section 5. Law enforcement policy

KORZHIKOV O.N., DAVYDOV P.A.
Scientific basis of the concept of judicial
policy in the Russian Federation

ГОРЮНОВ В.Ю. Новая процессуальная
политика уголовного преследования по делам
частно-публичного обвинения

GORYUNOV V.YU. New procedural policy
of prosecuting the cases of private
and public prosecution

Раздел 6. Уголовно-процессуальное обозрение

АЛЕКСАНДРОВ А.С., АЛАЕВ Р.С.
Прекращение уголовного преследования
(дела) в связи с амнистией

Section 6. Criminal procedural review

ALEXANDROV A.S., ALAYEV R.S.
The termination of criminal prosecution
(case) due to the amnesty

КРИВОЩЕКОВ Н.В., БУЛДАКОВА В.К.
Наложение ареста на имущество как основная
мера обеспечения возмещения вреда,
причиненного преступлением

**Раздел 7. Совершенствование
правоохранительной практики**

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф. Основания ответственности
родителей (иных законных представителей)
несовершеннолетних за неисполнение
обязанностей по их содержанию и воспитанию

**Раздел 8. Экспертно-криминалистическое
обеспечение правоохранительной
деятельности**

МИХАЙЛОВА Л.В. Основные виды
и способы совершения преступлений на
объектах морского транспорта (по материалам
ОВД Дальневосточного федерального округа)

**Раздел 9. Компаративистика
и зарубежный опыт**

ЗИГМУНТ О.А. Возможности международного
сравнения уголовной статистики
ГАРУСТ Ю.В. Принципы обеспечения прав
граждан Украины в налоговой сфере в условиях
построения правового государства

ТУЧЕК Ф. Европейский Союз
и его политика безопасности

**Раздел 10. Кадровое и морально-
психологическое обеспечение деятельности
правоохранительных органов**

ВОЗЖЕНИКОВА О.С., ПЕТРОВА А.С.
Психологические проблемы развития
управленческой компетентности руководителей
органов внутренних дел

**Раздел 11. Проблемы юридической науки
и правоохранительной практики:
взгляд молодых исследователей**

ФАРБЕРОВА Л.И. Незаконное предоставление
имущественного права как предмет
взяточничества
НИКИТЧЕНКО И.И. Формирование личных
доказательств в ходе производства следственных
и судебных допросов по уголовному делу
ФЕДОРОВ В.В. Статус депутата
Государственной Думы Российской Федерации:
конфликт интересов,
неосновательное обогащение,
конституционно-правовая ответственность

KRIVOSHCHEKOV N.V., BULDAKOVA V.K.
Property seizure as a basic compensation
measure of harm caused by a crime

**Section 7. Improving law
enforcement practice**

KHAMETDINOVA G.F. Grounds of minors'
parents (other legal representatives)
liability for the failure to perform the
duties of their maintenance and education

**Section 8. Criminalistic provision
of law enforcement activities**

MIKHAILOVA L.V. The main types and
ways of committing crimes on the
maritime transport objects (based on the
materials of law enforcement agencies
of the Far East Federal District)

**Section 9. Comparative studies
and foreign experience**

SIEGMUNT O.A. Comparability
of international criminal statistics
GARUST YU.V. Principles of ensuring
the Ukrainian citizens' rights in the tax area
under the conditions of constitutional
state formation
TUCEK F. The European Union
and its Security Policy

**Section 10. Personnel, moral
and psychological support of law
enforcement agencies activities**

VOZZHENIKOVA O.S., PETROVA A.S.
Psychological problems of developing
management competence of law
enforcement agencies' heads

**Section 11. The problems of legal
science and law enforcement practice:
young researchers' view**

FARBEROVA L.I. Illegal granting
of property rights as a subject
of bribery
NIKITCHENKO I.I. Forming personal
evidence during investigative and judicial
interrogations in a criminal case
FEDOROV V.V. Status of the deputy
of the Russian Federation State Duma:
conflict of interests, unjust enrichment,
constitutional responsibility

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

МАЛЬКО А.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, igp@sgap.ru Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук; 410028, г. Саратов, Чернышевского, 135	MAL'KO A.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, igp@sgap.ru Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chernyshevskogo St. 135, Saratov, 410028, Russian Federation
РУДКОВСКИЙ В.А., доктор юридических наук, доцент, rudk-viktor@yandex.ru Кафедра теории и истории права и государства; Волгоградский государственный университет, 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100	RUDKOVSKIY V.A., Doctor of Legal Sciences, associate professor, rudk-viktor@yandex.ru Chair of Theory and History of Law and State; Volgograd State University, Universitetskiy avenue 100, Volgograd, 400062, Russian Federation

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА

Реферат. В 90-х годах прошлого века при формировании новой правовой системы России существенное внимание уделялось правотворческой политике. В настоящее время задача формирования правовых основ выполнена, на передний план выходит политика реализации и применения права. Отмечена слабая научно-теоретическая разработанность правоприменительной политики. Определяется, что принятие и введение в действие самых демократичных законов не гарантирует социальной стабильности и правопорядка, если государство на всех уровнях своего аппарата не проводит внятную правовую политику на этапе реализации таких законов. Правоприменительная политика рассматривается как разновидность правовой политики. Дается характеристика отличительных признаков правоприменительной политики, таких как: форма конкретизации политико-правовой стратегии; особый объект (отношения в сфере осуществления права) и предмет (правоприменительная деятельность); специфические формы выработки и реализации ее содержания, особый субъектный состав; связи с иными направлениями государственно-правовой политики; фактор совершенствования законодательства; гарантия обеспечения прав и свобод личности, законности, правопорядка. Показано значение правоприменительной политики путем анализа групп ее основных функций, зависящих от выполняемых задач (обеспечение и защита прав и свобод личности; укрепление законности и правопорядка; развитие правосознания и правовой культуры); места и назначения в механизме осуществления права (идеолого-воспитательная; организаторская; информационная; регулятивная; охранительная); сферы осуществления (внутренние и внешние); направлений реализации (ценностно-ориентационная; прогностическая; планово-организаторская; контрольно-координационная). Показана особая роль гражданского общества в формировании и осуществлении эффективной правоприменительной политики. Гражданское общество из разряда объектов должно перейти в категорию субъектов такой политики.

Ключевые слова: правовая политика, правоприменительная политика, функции правоприменительной политики, правоприменение, правореализация.

LAW-ENFORCEMENT POLICY AS A FACTOR OF RIGHT EXERCISE OPTIMIZATION

Abstract. In the 90s of the last century while forming a new legal system of Russia, considerable attention was paid to the law-making policy. Currently, the mission of forming the legal framework

is performed; enforcement of the law comes to the forefront. The article concerns poor principled development of law-enforcement policy. The adoption and enactment of the most democratic laws does not guarantee social stability, law and order, if the state at all levels of its apparatus does not carry out a distinct legal policy at the stage of such laws implementation. The law-enforcement policy is regarded as a sort of legal policy. The author describes the specific characteristics of the law-enforcement policy: the form of specification of a political and legal strategy; special object (relations in the sphere of law exercise) and the object (law enforcement activities), the specific forms for the formulation and implementation of its content, special subject structure, connection with other state legal policies, the factor of legislation improvement, guarantee of rights and freedoms ensuring, law and order. The author shows the importance of the law-enforcement policy by means of analysis of its basic functional groups depending on: the accomplished missions, place and purpose in the mechanism of right realization, the sphere of implementation (internal and external); directions of realization. The article shows a special role of civil society in the formation and implementation of effective law-enforcement policy. Civil society should move to the category of subjects (not objects) of this policy.

Keywords: legal policy, law-enforcement policy, functions of law-enforcement policy, law-implementation, law-realization.

В России с начала 90-х годов, когда обрушили одну правовую систему (советскую) и принялись создавать другую (постсоветскую), явно уделяли больше внимания правотворческой деятельности, которая как раз и закладывает основы любой правовой системы и создает нормативную базу правового развития общества. В связи с этим естественно, что первоначально основные усилия ученых и практиков были направлены на формирование новой системы российского законодательства. Отсюда и заметный «перекос» внимания и усилий государства и общества в сторону правотворчества и, соответственно, правотворческой политики.

В настоящее время костяк системы российского законодательства, хотя и достаточно противоречивый и в целом еще малоэффективный, сформирован. Поэтому на передний план выходит правореализационная проблематика, и в первую очередь комплекс вопросов, связанных с оптимизацией правоприменительной деятельности в нашей стране. Соответственно, объективно возрастает значимость правоприменительной политики, которая призвана выражать научно обоснованную стратегию и тактику (цели, принципы, задачи, приоритеты и т.д.) Российского государства в сфере реализации правовых норм.

Проблематика правоприменительной политики пока, к сожалению, разработана слабо [1; 2]. Между тем «проблема правореализации и особенно правоприменения традиционно была у нас и до сих пор остается “ахиллесовой пятой” всей юри-

дической практики» [3, с. 16]. Опыт последних десятилетий еще раз убедительно показал, что принятие даже самых, казалось бы, демократичных законов, мало что дает в плане обеспечения социальной стабильности, правопорядка, прав личности, если государство не проводит внятную правовую политику на этапе реализации принятого законодательства. Сама практика правового регулирования «понуждает» государственную власть вырабатывать определенные приоритеты в сфере реализации принятого законодательства, сосредоточивать политические усилия на тех или иных участках, направлять и координировать правоприменительную деятельность в соответствии со стратегическими целями и текущими задачами государства, иными словами, вырабатывать и проводить в жизнь определенную правоприменительную политику.

Как разновидность правовой политики правоприменительная политика, естественно, «наследует» все основные характеристики первой. Вместе с тем ей присущи и специфичные черты, отражающие ее особое место в системе выработки и реализации государственно-правовой стратегии.

Во-первых, правоприменительная политика представляет собой форму конкретизации общей политико-правовой стратегии применительно к такому специфичному участку правового регулирования, как реализация права. Данное понятие (и явление) интегрирует в себе те свойства, признаки, закономерности и т.д., которые присущи правовой

политике на этапе реализации правовых предписаний.

Во-вторых, объектом политико-управленческого воздействия правоприменительной политики являются общественные отношения, формирующиеся в сфере осуществления права, а непосредственным предметом указанного воздействия выступает правоприменительная деятельность, ее цели, задачи, принципы, методы, приоритеты и т.д. Правоприменительная политика — это идейно-теоретическая основа, организующий и направляющий фактор властной деятельности компетентных субъектов в сфере осуществления права.

В-третьих, правоприменительная политика характеризуется специфичными формами выработки и реализации ее содержания, особым субъектным составом, способами внешней объективации и рядом других признаков.

В-четвертых, правоприменительная политика находится в закономерных связях с иными направлениями государственно-правовой политики, прежде всего, политикой правотворческой [4]. Содержание и общая направленность правоприменительной политики определяются системой действующих нормативно-правовых предписаний. В этом смысле правоприменительная политика имеет подзаконный характер, призвана создавать необходимые идеологические, организационно-управленческие и иные условия для надлежащей реализации воли законодателя. Наряду с этим, рассматриваемая политика выполняет и определенные компенсационные функции, внося коррективы и восполняя проблемы правотворческой политики на этапе реализации права.

В-пятых, правоприменительная политика является важным фактором совершенствования законодательства и всей системы правового регулирования в стране. Она не только создает необходимые политико-управленческие предпосылки для оптимальной реализации воли законодателя, позволяет сосредоточивать государственные усилия на наиболее важных участках правового регулирования, но и стимулирует принятие (изменение, отмену) правотворческими органами таких правовых предписаний, которые в наибольшей мере отвечают задачам правовой полити-

ки и при этом учитывают возможности и потребности правоприменительной практики.

В-шестых, научно обоснованная правоприменительная политика — необходимая гарантия практического обеспечения прав и свобод личности, упрочения законности и правового порядка, решения других жизненно важных задач. В известном смысле именно на этом уровне правовая политика становится «реальной политикой», опредмечиваясь в деятельности органов правоприменения и оказывая непосредственное воздействие на поведение субъектов права. Вопросы гарантированности прав личности, неотвратимости юридической ответственности и другие актуальнейшие проблемы современного Российского государства здесь переходят из разряда внешне привлекательных формул в плоскость их практической реализации.

Указанные и некоторые другие особенности говорят о том, что речь идет не только о качественно самостоятельном, но и чрезвычайно важном направлении правовой политики современного государства.

Значимость правоприменительной политики в оптимизации правореализационных процессов наиболее отчетливо проявляется в ее функциях.

Функции правоприменительной политики — это основные направления ее целенаправленного воздействия на процессы реализации правовых норм, а также другие аспекты (стороны, элементы) правового регулирования, в которых проявляются и конкретизируются ее сущность, социальное назначение, творчески-преобразующая роль в механизме обеспечения поступательного правового развития государства и общества.

Классификация функций правоприменительной политики, как и функций других государственно-правовых явлений, может проводиться по различным критериям.

Так, в частности, в зависимости от характера решаемых правоприменительной политикой задач можно выделить: функцию обеспечения и защиты прав и свобод личности; функцию укрепления, совершенствования и развития законности и правопорядка; функцию развития правосознания и правовой культуры правоприменителей и иных субъектов правореализации и др.

К правоприменительной политике можно подойти и с точки зрения ее места и назначения в механизме осуществления правовых норм. В таком случае можно выделить идеолого-воспитательную, организаторскую, информационную, регулятивную, охранительную и некоторые другие функции. Все они акцентируют внимание на тех или иных сторонах управленческого воздействия указанной политики на процессы реализации правовых норм.

В зависимости от сферы осуществления допустимо выделять внутренние (направленные на решение внутривнутриполитических задач) и внешние (направленные на решение внешнеполитических задач) функции правоприменительной политики.

Внешнеполитический аспект функционирования правоприменительной политики приобретает особое значение в связи с углублением интеграционных процессов в современном мире, интернационализацией международной преступности, усилением взаимозависимости современных государств, требующей выработки согласованных и скоординированных правовых решений по самым разным вопросам (обеспечение прав и свобод личности, борьба с преступностью и т.д.).

Поскольку основное назначение правоприменительной политики состоит в обеспечении наиболее целесообразного, законного и эффективного развития правореализационных процессов, то в теоретическом и практическом плане важно показать, по каким основным направлениям реализуется эта задача. С учетом такого подхода можно выделить: ценностно-ориентационную, прогностическую, планово-организаторскую и контрольно-координационную функции правоприменительной политики. На анализе указанных функций мы и остановимся подробнее.

Суть ценностно-ориентационной функции правоприменительной политики заключается в определении основных ценностных ориентиров правоприменительной деятельности и обеспечении их неуклонного проведения в жизнь. Речь идет о таких нравственных и политико-правовых идеалах, как человеческое достоинство, права и свободы личности, справедливость, законность, ответственность, и др.

Важнейшие ценностные установки правоприменительной деятельности в

настоящее время получили официальное признание и формально-юридическое закрепление в Конституции РФ и других законодательных актах. Однако, к сожалению, уровень их практической реализации в деятельности судебных, правоохранительных, исполнительно-распорядительных и иных органов нашего государства остается низким. Сохраняется реальная опасность дискредитации прав человека, правового государства, свободы, демократии, опасность «заболтать» их, «заговорить», превратить в банальности [5, с. 273]. Поэтому усиление гуманистических начал правоприменения является одной из насущных задач государственной политики.

Принципиально важно, в частности, обеспечить устойчивую ориентацию всего правоприменительного механизма на права личности как основной показатель и критерий эффективности его работы. Практика последних десятилетий показывает, что, несмотря на кажущуюся очевидность такого подхода, его претворение в жизнь представляет одну из самых сложных задач. Предпринимаемые в указанном направлении меры (в частности, соответствующие решения Пленума Верховного Суда РФ) оказываются малоэффективными. Правоприменительная деятельность по-прежнему ориентируется на сугубо внешние показатели (количество возбужденных дел и пр.). Глубинная причина такого положения, очевидно, состоит в серьезной деформированности профессионального правосознания на уровне ментальных установок, в слабости так называемого «правоуважающего сознания» [6, с. 101]. А это значит, что усиление ценностно-ориентирующих начал правоприменительной деятельности должно быть более четко увязано с проблемами формирования профессиональной правовой культуры и правосознания, совершенствованием системы юридического воспитания, образования. Иными словами, речь, в сущности, идет о тех проблемах, которые повсеместно звучат как крайне важные, но, к сожалению, систематического решения на уровне государственной политики, в том числе кадровой, не получают.

Еще одной важной функцией правоприменительной политики является прогностическая. Она состоит в определении вероятных тенденций развития правореа-

лизационных процессов в целях выработки соответствующих мер превентивного (стимулирующего или ограничивающего) управленческого воздействия. «Определяя смысл прогнозируемых событий в сфере правовой жизни, их связи и тенденции развития, мы обретаем способность так воздействовать на соответствующие условия, среду и факторы, что эти события изменяются в нужном нам направлении» [7, с. 389].

Возможность осуществления обоснованных прогнозов составляет базу любой политики. И правоприменительная политика здесь не является исключением. Более того, она не может эффективно выполнять свои задачи, если практика правоприменения будет идти впереди нее. Только при условии опережающего отражения могут быть приняты своевременные меры упреждающего характера в отношении тех тенденций, которые противоречат преследуемым политико-правовым целям, а также предприняты шаги по стимулированию, поддержке социально полезных направлений. Такое состояние правоприменительной политики возможно лишь в тех случаях, когда ее субъекты будут осуществлять целенаправленную деятельность по выявлению формирующихся тенденций правоприменения, изучению их свойств, факторов, оказывающих влияние на их развитие, и прогнозированию их будущих состояний.

Разумеется, степень достоверности даваемых прогнозов напрямую обусловлена научной состоятельностью соответствующих методов и методик. Разработкой и систематическим применением подобных методов, по мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, должна заниматься особая наука — политика права. В частности, по определению А. Подгурецкого, «политика права (как наука о рациональном осуществлении социальных изменений, производимых с помощью права как инструмента этих изменений), опираясь на систему общепризнанных ценностей, а также на знание закономерностей социального поведения, занимается разработкой директив о планировании и реализации социальных изменений» [8, с. 305-306].

К сожалению, правовое прогнозирование у нас пока реализуется эпизодически, например, в связи с предполагаемым

принятием конкретного закона. Прогностические задачи решают некоторые научные центры (например, НИИ правовой политики и проблем правоприменения Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации). Вместе с тем ясно, что без налаживания систематической прогностической работы невозможно эффективно решать задачи в сфере профилактики и борьбы с правонарушениями, стратегического правового планирования, определения приоритетных направлений организации и деятельности судебных, надзорных, регистрационных, следственных и иных правоприменительных органов государства. Поэтому прогностическая функция является одним из «сквозных» направлений осуществления не только правоприменительной, но и иных видов правовой политики.

С прогностической функцией тесно связана планово-организаторская функция. Ее содержанием является выработка реалистичной программы действий субъектов правоприменения по реализации поставленных задач и созданию необходимых для этого организационных условий и предпосылок. В ходе осуществления указанной функции определяются этапы, последовательность, темпы, сроки, средства реализации целей правоприменительной политики. Для того чтобы план был обоснованным и реальным с точки зрения его практической реализации, он должен опираться на результаты соответствующих прогнозов относительно состояния и перспектив развития объекта управления, а также исходить из объективных возможностей тех средств (в широком смысле), при помощи которых планируется достичь желаемого результата.

В сфере правоприменительной политики планово-организаторская функция осуществляется органами законодательной, исполнительной, судебной власти в присущих им формах и с использованием соответствующих методов. Указанная деятельность выражается в разработке и принятии соответствующих государственных планов (например, Национальный план противодействия коррупции), концепций (например, Концепция правовой реформы в Российской Федерации, Концепция административной реформы в Российской Федерации и пр.), в формировании необ-

ходимых управленческих структур (например, Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции) и т.д.

Функции планов выполняют некоторые исполнительно-распорядительные акты органов управления, постановления высших судебных инстанций; указания, распоряжения Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров; решения координационных совещаний по борьбе с преступностью; решения коллегий органов прокуратуры, МВД и других правоохранительных структур об основных направлениях деятельности соответствующих органов по решению наиболее актуальных задач. Рассматриваемая функция охватывает не только сферу непосредственной реализации права, но и такие области деятельности, которые составляют необходимые организационные «тылы» правоприменения: обеспеченность кадрами, финансовыми и материальными ресурсами и т.п.

Самостоятельным направлением осуществления правоприменительной политики является контрольно-координационная функция. Объективная обусловленность данной функции состоит в необходимости обеспечения состояния законности, целесообразности и эффективности правореализационных процессов, повышения социально-правовой активности граждан и правоприменителей. Для этого требуется осуществление постоянного мониторинга в указанной сфере, налаживание соответствующей системы контроля и координации, позволяющей обеспечивать согласованность и единство в реализации долгосрочных и текущих государственных задач.

Содержание указанной функции правоприменительной политики состоит в определении основных целей (задач), принципов, эффективных средств, методов и форм контрольной и координационной деятельности в правоприменительной сфере, в создании (реорганизации, совершенствовании и т.д.) необходимых организационных структур, информационных ресурсов, в налаживании продуктивного взаимодействия с институтами гражданского общества.

Указанная функция осуществляется по трем основным направлениям: во-первых, обеспечение согласованности и

подконтрольности правоприменительных процессов; во-вторых, координация усилий субъектов правоприменения и правотворчества; в-третьих, совершенствование взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества по вопросам осуществления права.

В сфере правоприменения особая роль в осуществлении контрольно-координационных функций принадлежит высшим судебным инстанциям, органам прокуратуры, Минюсту РФ и ряду других инстанций. Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, в частности, координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенной службы и других правоохранительных органов. В этих целях созываются соответствующие координационные совещания, формируются рабочие группы и т.д.

Эффективной организационной формой осуществления контрольно-координационной функции является создание специализированных структур, отвечающих за конкретные участки правоприменительной политики. В качестве примера можно сослаться на Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции (учрежден Указом Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. N 815). Основными задачами названного Совета определены: подготовка предложений, касающихся выработки и реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции; координация деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления по реализации государственной политики в области противодействия коррупции; контроль за реализацией мероприятий, предусмотренных Национальным планом противодействия коррупции.

Как и ранее рассмотренные функции, функция контроля и координации является универсальной с точки зрения реализации задач правоприменительной политики. В результате ее осуществления выявляются данные, служащие базой построения соответствующих прогнозов и планов, а также указывающие на необходимость усиления ценностно-ориентационного воздействия на определенные сферы и направления правоприменительной практики.

Важной политической предпосылкой повышения эффективности право-реализационных процессов в стране является усиление координирующих начал в деятельности правотворческих и правоприменительных органов Российского государства. Оно должно осуществляться по нескольким взаимосвязанным направлениям. Во-первых, по линии совершенствования нормативных основ и юридической процедуры участия субъектов правоприменения в правотворческом процессе (речь идет, в частности, о целесообразности наделения Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы). Во-вторых, по линии усиления ответственности исполнительной власти за качество проводимой политики в сфере обеспечения прав и свобод личности, реализации судебной и иной реформ. Важным шагом в этом направлении является, например, предложение Президента РФ по расширению контрольных функций российского парламента в отношении исполнительной власти. В-третьих, в направлении кооперации усилий правотворческих и правоприменительных органов на этапе реализации принятого законодательства, оперативного устранения выявленных пробелов, противоречий и т.д.

Вряд ли возможно добиться серьезных позитивных сдвигов в сфере ре-

ализации права без активизации усилий гражданского общества. К сожалению, в правовой политике современного Российского государства демократический компонент развит слабо. По общему правилу ее установки спускаются «сверху». Гражданское общество сегодня является скорее объектом, нежели полноправным субъектом указанной политики. В таких условиях трудно достичь того уровня гражданской инициативы и сознательности, который необходим для обеспечения полноценного и ответственного функционирования всех звеньев государственного механизма по реализации норм Конституции РФ и законодательства. Поэтому налаживание конструктивного диалога между государством и гражданским обществом является еще одним исключительно важным направлением анализируемой функции.

Рассмотренные функции правоприменительной политики, как несложно заметить, тесно взаимосвязаны. Они отражают специфику ее содержания и назначения как специфического управленческого процесса (искусства политического управления процессами реализации права) и, следовательно, одного из факторов, обуславливающих состояние правореализационных процессов в стране. Вместе с тем изложенный подход отнюдь не исчерпывает всех аспектов затронутой проблематики.

Список литературы

1. Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления: материалы Международного круглого стола, г. Волгоград, 16 мая 2013 г. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2013.
2. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: монография / под ред. Н.Н. Вопленко. Волгоград, 2009. 336 с.
3. Матузов Н.И. Правовой идеализм как оборотная сторона правового нигилизма // Правовая культура. 2013. № 1. С. 8-17.
4. Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2013.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 512 с.
6. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. 2-е изд., изм. и перераб. Саратов, 2008. 212 с.
7. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. 472 с.
8. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М., 1974. 328 с.

References

1. *Pravoprimenitel'naya politika v sovremennoy Rossii: problemy formirovaniya i osushchestvleniya: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola, g. Volgograd, 16 maya 2013 g.* [Enforcement policy in modern Russia: problems of formation and implementation: Proceedings of the International Roundtable, Volgograd, May 16, 2013]. Volgograd, State University Publ., 2013.

2. Rudkovskiy V.A. *Pravovaya politika i osushchestvlenie prava* [Legal policy and realization of the right]. Volgograd, 2009. 336 p.
3. Matuzov N.I. Pravovoy idealizm kak oborotnaya storona pravovogo nigilizma [Legal idealism as the flip side of legal nihilism]. *Pravovaya kul'tura* – Legal Culture, 2013, no. 1, pp. 8-17.
4. *Pravotvorcheskaya politika v sovremennoy Rossii* [Lawmaking policy in modern Russia]. Saratov, 2013.
5. Matuzov N.I. *Aktual'nye problemy teorii prava* [Actual problems of legal theory]. Saratov, 512 p.
6. Bayniyazov R.S. *Pravosoznanie i pravovoy mentalitet v Rossii* [Legal awareness and legal mentality in Russia]. Saratov, 2008. 212 p.
7. Kerimov D.A. *Filosofskie problemy prava* [Philosophical problems of law]. Moscow, 1972. 472 p.
8. Podguretskiy A. *Ocherk sotsiologii prava* [Essay on the Sociology of Law]. Moscow, 1974. 328 p.

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

ПОРОХ В.И., доктор исторических наук, vi-porox@mail.ru Кафедра теоретической и прикладной политологии; Саратовская государственная академия права, 410056, Саратов, Вольская, 1	POROKH V.I., Doctor of Historical Sciences, vi-porox@mail.ru Chair of theoretical and applied political science; Saratov State Law Academy, Vol'skaya St. 1, Saratov, 410056, Russian Federation
--	---

КАТРУНОВ В.А., кандидат философских наук, v494281@mail.ru Кафедра философии, гуманитарных наук и психологии; Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 410012, Саратов, Большая Казачья, 112	KATRUNOV V.A., Candidate of Philosophical Sciences, v494281@mail.ru Chair of philosophy, humanities and psychology; V.I. Razumovsky Saratov State Medical University; Bol'shaya Kazach'ya St. 112, Saratov, 410012, Russian Federation
--	---

ЗАСЫПКИНА Е.В., кандидат медицинских наук, belza@inbox.ru Кафедра философии, гуманитарных наук и психологии; Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, 410012, Саратов, Большая Казачья, 112	ZASYPKINA E.V., Candidate of Medical Sciences, belza@inbox.ru Chair of philosophy, humanities and psychology; V.I. Razumovsky Saratov State Medical University; Bol'shaya Kazach'ya St. 112, Saratov, 410012, Russian Federation
--	---

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПАЦИЕНТА

Реферат. Феномен прав пациента является основополагающим в современном праве и медицинской этике. Права пациента как явление, термин и юридическая конструкция производны от прав человека постольку, поскольку пациент — личность. Права человека — это неотчуждаемые права каждого индивида, присущие ему от рождения. Права пациента присущи только тем лицам, которые обладают соответствующим специальным правовым статусом. Основы концепции прав пациента нашли закрепление в международном праве и национальных правовых системах (в документах этико-правового характера), что само по себе служит критерием развития общества. Безусловно, права пациента — это не только его личные свободы и интересы, но и требования, притязания, которым должны соответствовать встречные обязанности государства. Двойственность природы прав пациента заключается в том, что они должны иметь юридическую фиксацию и одновременно этическую обоснованность. Права пациента — это система закрепленных законом конкретных возможностей граждан, являющихся пациентами. Анализ медицинской практики показывает, что отечественное здравоохранение еще не готово к решению сложных и назревших проблем оказания качественной медицинской помощи и соблюдения основных прав пациента, до сих пор широко распространены случаи их нарушения. Первоочередной шаг — совершенствование законодательства об охране здоровья граждан, в том числе установление адекватной юридической ответственности исполнителя медицинских услуг. Этому, в свою очередь, должно предшествовать комплексное научное исследование гражданско-правовой ответственности врачей и лечебных учреждений при оказании

медицинской помощи, а также выявление форм и методов защиты прав потребителей медицинских услуг.

Ключевые слова: права пациента, индивидуальные права пациента, ограничение прав пациента, концепция, биоэтика.

THE PRINCIPLES OF ENSURING THE PATIENT RIGHTS

Abstract. The phenomenon of patient rights is fundamental in modern law and medical ethics. Patient rights as a phenomenon, term and legal construction are derived from the human rights since every patient is a person. Human rights are inalienable rights to which all humans are inherently entitled. Patient rights are inherent to those persons who have relevant special legal status. The patient rights principles are enshrined in international law and national legal systems (in documents of ethical and legal nature) which serve as a criterion of social development. The patient rights are proved to be not only personal liberties and interests, but also demands and claims which must comply with the state's counter duties. The patient rights have dual nature, that is they must be both legally fixed and ethically validated. The patient rights is the system of specific possibilities of citizens being patients which are enshrined in law. According to the results of medical practice analysis the public health of our country is not ready to solve the problems of providing quality medical care and honoring the patient rights. The first-priority task is the improvement of legislation on citizens' health protection, including establishing legal liability of the health care provider. It must be preceded by comprehensive research study of doctors' and patient care institutions' civil liability when delivering health care, as well as detecting the forms and methods of protecting the rights of health care consumers.

Keywords: patient rights, individual patient rights, limitation of patient rights, concept, bioethics.

Одна из фундаментальных проблем современного права и медицинской этики состоит в том, что охрана здоровья должна быть правом человека, а не привилегией для ограниченного круга лиц, которые в состоянии себе ее позволить. Однако это юридическое и этическое моральное требование представляет сегодня все большую актуальность. Индивиды должны рассматриваться как равные в том, что связано с их человеческими качествами — достоинством, свободой, индивидуальностью, а также в обеспечении равных прав в охране здоровья.

Современная медицинская система, которую можно описать как модель технократического типа, не готова к самостоятельному решению ряда проблем, затрагивающих человека как личность, его права и свободы.

Выступая важной отраслью экономики и субъектом рыночных отношений, медицина лишь частично является элементом системы социальной защиты. В такой системе человек воспринимается в основном как объект применения медицинских технологий. При этом врач вынужденно или осознанно, вольно или невольно относится к пациенту как к объекту профессиональной деятельности и средству осуществления экономически необходимой деятельности, а медицинское вмешательс-

тво, по сути, сводится к соматической компенсации болезни.

Следствием применения указанной модели в отношении больных, в особенности безнадежно больных пациентов, является ограничение их прав. Например, право больного иметь правдивую информацию о диагнозе и прогнозе развития заболевания; право участвовать в принятии решений относительно медицинского вмешательства; право на достойную жизнь в ее финальной фазе и достойную смерть.

«Внедрение в медицину агрессивных лечебных манипуляций, инвазивных инструментальных и лабораторных исследований, лавина новых лекарственных препаратов, достижения медицины критических состояний, появление большого количества платных медицинских услуг и безудержное внедрение в медицину рыночных отношений потребовали не только и не столько морально-этической, сколько правовой регламентации медицинской помощи». И здесь к современной модели взаимоотношений «врач — пациент» представляется возможным добавить «модель правового и неправового их взаимодействия» [1, с. 4-5].

«На фоне роста общей правовой культуры общества произошло столкновение интересов и прав пациентов и медицинского персонала» [1, с. 5]. При этом

«можно с уверенностью утверждать, что большинство врачей знают о юридических аспектах врачевания меньше, чем их больные. Часто абсолютно не осведомлены о своих правах и обязанностях не только рядовые работники, но и руководители здравоохранения» [1, с. 5].

Любая область права, прежде всего, определяет пределы своей компетенции. Когда же дело касается права человека на охрану здоровья, то одновременно возникают проблемы других отраслей права, связанные с законами в области образования, культуры, труда и т.д. При обращении за медицинской помощью для пациента важен в первую очередь результат лечения, а также обязанности медицинских работников и его личные права в лечебном процессе. Для медицинских работников на первое место выходят четкое определение своих прав и обязанностей по отношению к пациенту и ответственность перед пациентом и законом за результаты своей деятельности, а также правовая защищенность при необоснованных и неправомерных претензиях со стороны пациентов.

Права пациента — это не только его личное дело, но и задача государства и общества. Они должны быть регламентированы с юридической точки зрения и быть вполне легитимными с этической позиции.

Права пациента — это система положений и норм, определяемых законом, указывающих на конкретные возможности граждан, находящихся в роли пациентов. Права пациентов отражают рамки их поведения в лечебном учреждении, а также определяют некоторые эτικο-юридические требования к тем, кто оказывает больному медицинскую помощь. Права пациентов — это:

- «инструмент» для поиска и получения качественной медицинской помощи;
- средство для управления своей личной безопасностью при обращении за медицинской помощью;
- способ защиты от медицинских услуг, опасных для здоровья.

Иными словами, смысл концепции прав пациента состоит в том, чтобы определить в общих чертах, а применительно к конкретному пациенту — индивидуально, основные эτικο-юридические принципы взаимоотношений врача и пациента в

современной системе здравоохранения. Важно установить не только то, насколько медицинская помощь соответствует законам, но и то, насколько это нравственно, т.е. легитимно с моральной точки зрения, и то, что корректно с позиций современного права.

В советском законодательстве о здравоохранении понятие прав пациента вообще отсутствовало. Более того, в Законе СССР от 19 декабря 1969 г. «Об утверждении законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении», принятом VII сессией ВС СССР, по существу, человек был включен в государственную систему здравоохранения и обязывался к послушанию ей с момента рождения до момента смерти.

Общество стабильно и устойчиво развивается только тогда, когда этические и правовые знания и практика соответствуют интересам и потребностям человека. Важную роль в утверждении нравственных основ прав пациента играет биоэтика. Биоэтика воспитывает в людях умение сочетать личные и общественные интересы в процессе разрешения противоречий, конфликтов, руководствуясь принципом приоритетности прав человека. Биоэтика, опосредованная идеей прав человека, дает возможность осмысления взаимосвязи права и морали как социальных регуляторов нравственных основ прав человека. Диалектика права и морали в биоэтике состоит в том, что право должно быть нравственным, но нравственность не должна заменять право.

Видный российский пульмонолог Александр Чучалин, выступая на заседании российско-французского круглого стола по проблемам биоэтики и медицинской этики в апреле 2010 г., заметил, что биоэтику определяют три фундаментальных права человека. Первое, и самое главное — право на сострадание. Это отличает врачебную этику от других областей. Второе — право пациента требовать высокого уровня компетенции от медиков. Третье — право передавать знания. Оно в первую очередь касается врачей [2].

Специфика биоэтики определяется тем, что в правовом и нравственном регулировании медицинской деятельности затрагиваются такие наиболее значимые ценности, как жизнь и здоровье человека,

его фундаментальные свободы и права. Биоэтика как социальный институт позволяет медику в сложных ситуациях не утратить понимание значимости социальной миссии своей профессии, обеспечивая надежную защиту прав пациента на медико-социальную помощь. В ней происходит объективирование прав человека. В нормативной форме этико-юридического характера закрепляются духовно-нравственные ценности и социальные достижения современного общества, что способствует преодолению произвола и социальной несправедливости при оказании медицинской помощи.

Основополагающим правовым документом, на базе которого строится концепция прав пациента, является Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году. 4 ноября 1950 г. была заключена Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Важную роль в определении ключевых положений в области прав пациента сыграл документ «Основы концепции прав пациента в Европе: общие положения», принятый Европейским консультативным совещанием ВОЗ по правам пациентов (г. Амстердам, 28-30 марта 1994 г.). Сформулированный в этом документе перечень прав пациента отражает формирующиеся прогрессивные тенденции сегодняшнего дня и соответствует развитию современного права и здравоохранения. Этот документ ставит своей целью гарантировать защиту основных прав человека и способствовать гуманизации помощи всем категориям пациентов, включая наиболее уязвимых, таких как дети, пациенты психиатрического профиля, пожилые и тяжелобольные. По своей сути, здесь отражено стремление людей не только к улучшению качества получаемой ими лечебно-профилактической помощи, но и к более полному признанию их прав как пациентов.

Впервые в нашей стране в систематизированной форме права пациента были изложены в Конституции Российской Федерации (1993 г.), в Основах законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. N 5487-1, Законе РФ от 28 июня 1991 г. N 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации». Кроме того, были приняты специальные законы о

правах пациента по отдельным направлениям медицинской помощи: Закон РФ от 2 июля 1992 г. N 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», Закон РФ от 22 декабря 1992 г. N 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Права пациента нашли свое отражение также в Этическом кодексе российского врача (1994 г.), Кодексе врачебной этики (1997 г.), Этическом кодексе медицинской сестры (1997 г.).

В современных условиях нормативно-правовая база оказания медицинской помощи расширяется за счет усиления норм правовой защищенности пациента и врача, совершенствования механизма реализации законодательно закрепленных положений и правовой ответственности врача и пациента. Примером этого является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»* (далее — ФЗ «Об основах охраны здоровья»). Чему в нем уделено особое внимание? Во-первых, определены правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан (ст. 1). Во-вторых, изложены основные принципы охраны здоровья граждан (ст. 4). Государство объявляет, что обеспечивает гражданам охрану здоровья независимо от пола, расы, этнической и религиозной принадлежности, социального статуса, должностного положения и места жительства (ст. 5). В-третьих, подчеркивается приоритет интересов и прав пациента при оказании медицинской помощи (ст. 6), ее доступность и качество (ст. 10). В-четвертых, четко определена программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи (ст. 80).

ФЗ «Об основах охраны здоровья» отражает факт законодательного признания за пациентом статуса равноправного субъекта в отношениях, связанных с оказанием ему медицинской помощи посредством подкрепления конкретных прав пациента конкретными обязанностями врача и медицинского учреждения. Новационным в этом законе является закрепление прав граждан при чрезвычайных ситуациях и в экологически неблагоприятных регионах.

* Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.

Наиболее важными являются именно те правовые нормы, которые носят универсальный характер применительно ко всем категориям больных.

Отмечая несомненный успех в области законодательного обеспечения прав граждан в сфере здравоохранения, надо сказать, что некоторые правовые нормы, закрепленные в ФЗ «Об основах охраны здоровья», как раз и содержат в себе явную противоречивость их определения: с одной стороны, широкий спектр прав пациента в области охраны здоровья (например, ст.ст. 18-21 и др.), а с другой — жизненная практика, т.е. реальная возможность их осуществления, особенно учитывая растущую коммерциализацию медицины и высокий уровень бюрократизма в сфере здравоохранения.

Так, декларируя в п. 9 ч. 5 ст. 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья» возмещение вреда, причиненного здоровью пациента при оказании ему медицинской помощи, законодатель не определяет четкого и понятного механизма реализации этой нормы, механизма защиты пациента от врачебных ошибок и преступлений, врачебных злоупотреблений.

Кроме того, в ФЗ «Об основах охраны здоровья» дается общий перечень прав пациента. Однако здесь, по существу, отсутствует определение индивидуальных прав пациента. А это важно. Врач имеет дело не с пациентом вообще, а с конкретным больным человеком, носителем особых культурных ценностей, который характеризуется своим особым психосоматическим статусом. Поэтому так необходимо четкое определение индивидуальных прав пациента, которые включают в себя:

- признание и уважение автономии личности пациента, его суверенности;
- невмешательство в частную жизнь;
- уважение культурных ценностей и религиозных убеждений пациента.

Конечно, построение гражданского общества, максимальная защита прав граждан при оказании медицинской помощи требуют от законодателя адекватного реагирования в сфере регулирования гражданско-правовой ответственности исполнителя медицинских услуг. Назрела острая необходимость в комплексном научном исследовании гражданско-право-

вой ответственности врачей и лечебных учреждений при оказании медицинской помощи, а также в выявлении форм и методов защиты прав потребителей медицинских услуг.

Говоря о серьезных сдвигах в области обеспечения прав пациента при оказании медицинской помощи, следует отметить также то, что нередко случаи нарушения этих прав. Это касается прежде всего:

- необоснованного отказа от оказания медицинской помощи либо оказания медицинской помощи низкого качества;
- причинения вреда жизни и здоровью пациента в результате врачебной ошибки или врачебного преступления;
- профессиональных и должностных злоупотреблений со стороны медицинских работников;
- уменьшения и неправомерного расширения перечня платных медицинских услуг;
- отмены льгот по лекарственному обеспечению;
- снижения качества и объема гарантированной бесплатной медицинской помощи.

Мы достаточно часто видим грубые нарушения прав на охрану жизни и здоровья в нашей стране вопреки ст. 41 Конституции РФ, гарантирующей качественное и бесплатное оказание медицинской помощи в государственных и муниципальных лечебно-профилактических учреждениях. Можно предположить, что нарушение норм права и морали при оказании медицинской помощи очень часто связано с низкой правовой культурой не только среди врачей, но и пациентов. В связи с этим правовые знания, прежде всего знание законов, регулирующих оказание медицинской помощи, — это средство защиты от произвола в сфере здравоохранения [3, с. 88].

Несомненно, правовая культура и развитое правосознание врача и пациента — это важное средство или условие защиты своих прав. Однако сегодня все возрастающее значение приобретает профессиональная и моральная ответственность врачей при оказании медицинской помощи. Это обусловлено прежде всего растущими возможностями современной медицины и повышенной степенью риска медицинского вмешательства, что, в свою очередь, накладывает на врача высокую професси-

ональную и моральную ответственность за качество медицинской помощи и соблюдение прав пациента. Иными словами, только в сочетании развитой правовой культуры и правосознания с высокой профессиональной и моральной ответственностью врача, лечебного учреждения возможно более эффективно решать задачи защиты прав пациента.

Основными организационными мероприятиями по обеспечению прав граждан при оказании медицинской помощи являются:

- проведение анализа причин обращений граждан при получении медицинской помощи;
- организация контроля качества медицинской помощи;
- формирование специального фонда по возмещению ущерба пациентам через страхование профессиональной ответственности медицинских работников;
- проведение организационных мероприятий в лечебно-профилактических учреждениях, обеспечивающих, прежде всего, информированность населения и медицинских работников по вопросам медицинского права;
- организация подготовки медицинских кадров по вопросам медицинского права.

Развитие современной медицины, потребности общества в качественной медицинской помощи и защите прав пациента выявили насущную необходимость в создании общезначимого и общепризнанного документа, основанного на принципах биоэтики и права, в которых были бы четко определены:

- пределы компетенции медицины по охране здоровья человека — ее лечебно-диагностические, медико-профилактические и фармацевтические аспекты;
- основные эτικο-юридические понятия, которые в настоящее время широко применяются, но по-разному трактуются;
- врачебное и медицинское вмешательство;
- врачебные, фельдшерские, сестринские действия и процедуры;
- единые правила ведения медицинской документации;
- реальные права медицинского и фармацевтического персонала, их обязанности;
- порядок получения информированного согласия пациента и его оформление в медицинских документах;
- правомерность различного рода расписок пациентов, практикующихся в настоящее время.

Список литературы

1. Глыбочко П.В., Жданов Г.Г., Хижняк Д.Г. Правовые аспекты медицины. Саратов, 2006. 94 с.
2. Фонд «Вечная молодость»: научно-популярный портал. URL: <http://www.vechnayamolodost.ru> (дата обращения: 15 янв. 2014 г.).
3. Леонтьев О.В. Медицинская помощь: права пациента. СПб.: Невский проспект, 2002. 158 с.

References

1. Glybochko P.V., Zhdanov G.G., Khizhnyak D.G. *Pravovye aspekty meditsiny* [Legal aspects of medicine]. Saratov, 2006. 94 p.
2. Available at: <http://vechnayamolodost.ru> (Accessed 15 January 2014).
3. Leont'ev O.V. *Meditsinskaya pomoshch': prava patsienta* [Medical care: patient's rights]. St. Petersburg, Nevsky prospect Publ., 2002. 158 p.

ДОЦКЕВИЧ М.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
ratibor7777@bk.ru
Кафедра административной
деятельности органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации, 625049,
г. Тюмень, Амурская, 75

DOTSKEVICH M.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
ratibor7777@bk.ru
Chair of administrative activities
of the law enforcement bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Реферат. Обеспечение и защита прав и свобод личности осуществляются различными субъектами. Важнейшая роль закономерно принадлежит государству и его органам. Особое место в механизме гарантирования прав и свобод занимают органы внутренних дел, что определяется методами их деятельности, включая способы, средства воздействия, применяемые для осуществления возложенных на органы внутренних дел задач. Основными методами их деятельности, так же как и у других органов государственного управления, являются убеждение и принуждение. Перед полицией стоят задачи одновременно и по обеспечению реализации прав граждан, и по их охране (защите). Наиболее объемным направлением работы полиции является административная деятельность, особым видом которой (применительно к обеспечению прав) выступает охрана общественного порядка, личной и общественной безопасности. Показано, что деятельность органов внутренних дел по охране прав и свобод гражданина состоит прежде всего в профилактике их нарушений. Обоснована важная роль правового воспитания и пропаганды в деятельности полиции, специфика которых заключается в административно-правовых и уголовно-правовых механизмах такой деятельности. Наряду с охраной, важным средством обеспечения прав и свобод гражданина является защита, осуществляя которую, полиция вмешивается в поведение субъектов правоотношений, когда это поведение не соответствует требованиям специального режима реализации прав и свобод гражданина (неправомерное поведение). В случае нарушения прав и свобод гражданина органы внутренних дел специальными правовыми средствами осуществляют их восстановление. Основные направления деятельности полиции, такие как «защита личности, общества, государства от противоправных посягательств» и «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений», неразрывно связаны между собой и гармонично дополняют друг друга.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, механизм гарантий прав и свобод личности, органы внутренних дел, охрана общественного порядка.

PROTECTION OF INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES' ACTIVITIES AS A WAY OF CRIME PREVENTION

Abstract. Ensuring and protection of individual rights and freedoms are carried out by different subjects. The most important role belongs to the state and its bodies. A special place in the mechanism of rights and freedoms guarantee is occupied by law enforcement agencies, which is determined by the methods of their activities, including the ways and means of influence used to implement the tasks entrusted with law enforcement agencies. The main ways are persuasion and enforcement. The police simultaneously face the problems of ensuring the citizens' rights implementation and guarding (protection). One of the most important lines of police work is administrative activity, special kind of which is protection of public order, personal and public safety. It is shown that law enforcement agencies' activities concerning guarding of individual rights and freedoms primarily consist in preventing offences. An important role of legal education and propaganda in policing and specific features of its administrative and criminal law mechanisms are emphasized. Along with the guarding an important means of ensuring individual rights and freedoms is protection. The police interfere in the behavior of

legal relations subjects in cases where this behavior doesn't comply with the requirements of special regime of individual rights and freedoms implementation (is illegal). In case of violation of citizen's rights and freedoms law enforcement agencies restore them by special legal means. The main lines of police work (protection of individual, society and state against illegal encroachments, prevention and suppression of crimes and offences) are inseparably linked and complement each other.

Keywords: rights and freedoms of man and citizen, mechanism of individual rights and freedoms guarantees, law enforcement agencies, public order maintenance.

Развитие современного мира неразрывно связано с решением проблем прав человека. История прав человека — это история очеловечивания людей [1, с. 107]. Проблема обеспечения прав человека по-прежнему остается одной из основных в юридической науке. Права человека в настоящее время выступают мерилем зрелости общества и государства, так как они присутствуют практически в каждой сфере деятельности человека.

Признание высокой ценности прав и свобод и их соблюдение стало одной из приоритетных задач во внутренних делах государств, а также цивилизованности в межгосударственном общении. Это закономерно и объяснимо. В них воплощены универсальные общечеловеческие категории добра, справедливости, свободы, равенства, демократизма, милосердия, утверждена приоритетная роль личности в ее взаимоотношениях с властью.

Эволюция человечества неразрывно связана с возникновением и развитием прав и свобод человека, их признанием вначале на внутригосударственном, а позже и на международном уровне. Неотъемлемой составной частью обеспечения реализации гражданами своих прав и свобод является отлаженный социально-правовой механизм защиты российских граждан от нарушений их прав и свобод.

Провозглашение в Конституции Российской Федерации прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2) возлагает особую ответственность на органы внутренних дел. Вместе с тем их деятельность нередко связана и с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, именно работникам правоохранительных органов необходимо владеть твердыми знаниями о порядке и формах реализации гражданских прав. Изучение круга вопросов, связанных с правами человека, способствует выработке мировоззрения, духовному совершенствованию и профессиональному

становлению сотрудников органов внутренних дел.

Безопасность гражданина в обществе и государстве обеспечивает механизм защиты всей системы социальных прав и свобод человека и гражданина: личных (гражданских), политических, экономических, культурных. Охрана законных прав и свобод личности является одной из основных функций государства, которая осуществляется через деятельность системы правоохранительных органов [2, с. 104].

Для того чтобы определить место органов внутренних дел в механизме гарантий прав и свобод человека и гражданина, необходимо дать краткую оценку указанному механизму в целом. В широком смысле он представляет собой комплекс общих социальных условий, а также специальных юридических средств, которые придают правам и свободам характер реально воплощаемых на практике, т.е. обеспечивают их правомерное и полноценное использование, а в необходимых случаях — охрану. Как уже отмечалось, для полноценной и безопасной реализации прав и свобод личности необходим эффективный механизм (система) гарантий. Его основой являются общие социальные гарантии обеспечения прав, без которых невозможна их реализация.

Настоящие гарантии классифицируются на экономические, политические, идеологические. Эти гарантии образуют комплекс базовых условий, который предопределяет в целом реальность всех прав и свобод человека и гражданина, является решающей предпосылкой формирования у индивида заинтересованности в их осуществлении. Однако сами по себе общие социальные факторы далеко не всегда могут обеспечить полноценное использование прав и свобод, а тем более защищать от нарушений. Для этого существуют специальные юридические средства — гарантии. Они подразделяются на юридические средства, которые обеспечивают

правомерную реализацию прав и свобод, и юридические средства, охраняющие (защищающие) права и свободы в случае посягательств.

Юридическое обеспечение прав и свобод личности берет начало с самого их признания государством и соответствующего закрепления в законе. Основные права и свободы закреплены в Конституции России как непосредственно действующие (ст. 18), что придает им высшую юридическую силу в отношении правотворческой, правоисполнительной, правоохранительной деятельности соответствующих государственных органов и должностных лиц.

В целом гарантии охраны (защиты) прав и свобод личности определяют уровень развития демократического института ответственности государства перед своими гражданами за нарушение их прав и свобод. Конституция Российской Федерации установила не только охрану прав потерпевших от злоупотреблений власти (ст. 52), но и вообще право каждого на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53). В перечень наиболее распространенных основных гарантий непосредственно охраны прав и свобод человека и гражданина входят: выявление фактов нарушений прав и свобод; средства их восстановления; меры юридической ответственности; меры пресечения действий, нарушающих права и свободы или создающих такую угрозу, установленные законом процедуры защиты прав и свобод.

Обеспечение и защита прав и свобод личности осуществляются различными субъектами. Важнейшая роль закономерно принадлежит государству и его органам. Государство — основной властный гарант стабильности демократического правового положения личности, реального воплощения составляющих его прав, свобод и обязанностей. В Конституции Российской Федерации не случайно подчеркнуто, что государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2).

Особое место в механизме гарантий прав и свобод занимают органы внутренних дел. Перед ними стоят задачи одновременно и по обеспечению реализации прав

граждан, и по их охране (защите). Между тем большинство подразделений ОВД выполняют исключительно правоохранительные функции, в том числе и в отношении прав и свобод человека и гражданина. По сути, охрану прав и свобод можно считать основной задачей. Министерство внутренних дел Российской Федерации* в соответствующем положении определяется в качестве федерального органа исполнительной власти, осуществляющего в пределах своих полномочий государственное управление прежде всего в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 1), а разработка и принятие мер по защите прав и свобод называются первыми в перечне основных задач министерства (п. 1 ст. 7). Это не случайно. Ведь в основе прав и свобод лежат важнейшие для личности (нередко и для общества) блага в личной, экономической, политической, духовной, социальной, культурной сферах, а большинство преступлений и административных правонарушений, с которыми борются органы внутренних дел, прямо или косвенно посягают на данные блага, т.е. жизнь, здоровье, личную свободу, имущество и т.д.

С точки зрения защиты прав и свобод личности можно рассматривать многие нормативные акты МВД России, которые регламентируют работу конкретных служб и подразделений в области борьбы с преступлениями и другими правонарушениями, в том числе посягающими непосредственно на права и свободы личности или создающими реальную угрозу такого посягательства.

Существуют нормативные правовые акты МВД России, регулирующие общие проблемы упрочения законности, соблюдения прав и свобод личности, следования профессиональной этике при отправлении должностных полномочий, наконец, регулирующие вопросы организации работы по обеспечению правомерного осуществления российскими гражданами, иностранными гражданами и лицами без гражданства права на выезд за границу, права собственности на автотранспорт и др.

* Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. N 248; ред. от 25 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 10. Ст. 1334; 2013. N 52 (ч. II). Ст. 7142.

Место органов внутренних дел в механизме гарантий прав и свобод личности во многом определяется методами их деятельности, включая способы, средства воздействия, применяемые для осуществления возложенных на них задач. Основными методами, так же как и у других органов государственного управления, являются убеждение и принуждение.

Как метод воздействия убеждение состоит в передаче нравственных, интеллектуальных, эмоциональных и других представлений от одного субъекта к другому; «...являясь наиболее естественным способом воздействия на человека, призвано воспитывать у граждан внутреннюю потребность и стойкую привычку правомерного поведения» [3, с. 8]. Убеждение как метод деятельности органов внутренних дел заключается в воздействии на волю и сознание людей с целью побуждения их к осмысленному правомерному поведению, отказу от противоправных начинаний, строгому соблюдению нормативных актов, в особенности регулирующих общественные отношения в уголовно-правовой, административно-правовой сферах. Это воздействие выражается прежде всего в нравственном, правовом воспитании граждан. Можно упомянуть и поощрение граждан, содействующих полиции, и др. Первоочередная задача использования метода убеждения — повышение общей правовой культуры людей, объединение усилий в поддержании правопорядка.

Органы внутренних дел (прежде всего полиция) в качестве гаранта прав и свобод личности наряду с убеждением применяют и принуждение, органично свойственное их деятельности как деятельности силовой структуры. Являясь специфическим методом правового регулирования, принуждение неоднородно, оно включает в свой объем самые различные формы и меры, посредством и на основе которых компетентные органы государства и его должностные лица осуществляют конкретизированное воздействие на поведение людей в целях упорядочения, охраны, защиты или вытеснения из жизни общества соответствующих нежелательных общественных отношений [4, с. 287].

Применяемые меры административного и уголовно-процессуального принуждения направлены на защиту прав и

свобод потерпевших и подвергаемых преступным и иным посягательствам граждан. Настоящие меры, как известно, достаточно жестки, однако не имеют цели причинить человеку физические или нравственные страдания, ущемить в связи с содеянным его права, унижить достоинство. Принуждение в таких случаях является законным силовым противодействием государства правонарушителю.

Одной из существенных особенностей применяемых органами внутренних дел мер принуждения является их подкрепленность особым правом сотрудников полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие. Оказываемое таким образом «давление» на правонарушителя является одной из самых жестких, вынужденных акций государственной защиты важнейших прав человека на жизнь, здоровье, свободу и др. Разумеется, оно должно осуществляться в строгом соответствии с действующим законодательством, сообразно обстоятельствам, т.е. быть необходимым и достаточным.

В целом место органов внутренних дел в механизме обеспечения и охраны прав и свобод личности весьма наглядно определяется по деятельности наиболее крупного и функционально емкого структурного подразделения органов внутренних дел Российской Федерации — полиции. Специфика компетенции полиции состоит в том, что она обладает властью, предусматривающей право и обязанность использовать ее, когда этого требуют обстоятельства [5, с. 67].

Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (ст. 1) полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности*.

Наиболее объемным направлением работы полиции является административная деятельность. Среди ее видов особой, многофункциональной значимостью в деле гарантирования субъективных прав

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 3 февр. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

выделяется охрана общественного порядка, личной и общественной безопасности. Поддерживая правопорядок на улицах, площадях, в парках, местах проведения крупных культурно-зрелищных мероприятий, зонах массового отдыха людей, полиция в известном плане создает условия безопасной, благоприятной реализации ими права на труд, отдых, благоприятную окружающую среду, пользование достижениями культуры и др., не говоря уже о защите непосредственно жизни, здоровья, собственности.

Роль полиции как гаранта прав и свобод личности проявляется и в процессе охраны правопорядка, обеспечения личной и общественной безопасности; она повышается в ситуациях чрезвычайного характера. Речь идет о стихийных бедствиях, крупных авариях и катастрофах, эпидемиях, массовых беспорядках, вооруженных межнациональных конфликтах, совершении актов терроризма и др. Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина в подобных ситуациях приобретает повышенную сложность вследствие известного роста количества правонарушений, необходимости спасения большого числа людей, из-за сопутствующих эксцессов и во многом зависит от эффективности работы сотрудников полиции и других структур органов внутренних дел.

Права и свободы личности обеспечиваются и охраняются в процессе осуществления полицией и других видов деятельности. К примеру, ГИБДД, контролируя соблюдение Правил дорожного движения и регулируя его, производя регистрацию, учет автотранспортных средств, оценивая подготовку (экзаменуя) будущих водителей, осуществляя иные возложенные на нее обязанности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, имеет главной целью сохранение жизни и здоровья граждан. Непосредственно охране имущественных прав граждан подчинена проводимая на основе договоров деятельность службы вневедомственной охраны, которая и создана для защиты имущества собственников. Применительно к правам и свободам личности могут быть оценены и иные виды деятельности полиции, в частности выдача согласно Федеральному закону от 13 декабря 1996 г. N 150-ФЗ

«Об оружии»* разрешений (лицензий) на приобретение, хранение, ношение гражданами разных видов оружия и, соответственно, на право пользования ими.

Можно констатировать, что фактически самостоятельный блок в административной деятельности полиции образуют ее мероприятия по целенаправленному организационно-правовому содействию гражданам в реализации определенных прав. Сюда традиционно относятся: розыск без вести пропавших родственников, с которыми человек утратил связь; предоставление гражданам информации в рамках компетенции; оказание неотложной медицинской и иной помощи лицам, пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также находящимся в общественных местах в беспомощном состоянии, и др. В целом же возложение на полицию таких функций обосновывается тем, что она чаще любых других структур оказывается в ситуациях, когда кому-либо требуется помощь; из всех государственных служб находится в наибольшем контакте с населением вследствие круглосуточного характера работы; имеет широкие возможности в области информации, связи и транспорта; может быть быстро мобилизована.

Непосредственно охране человека, его прав и свобод от преступлений подчинена оперативно-розыскная деятельность полиции, которая осуществляется на основании Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»**. Примечательно, что среди ее целей Федеральный закон в первую очередь называет защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, не умаляя, разумеется, важности выполнения задач защиты собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Оперативно-розыскная деятельность сама по себе не восстанавливает нарушенные преступлениями права личности, не

* Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ: ред. от 2 июля 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 51. Ст. 5681.

** Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 авг. 1995 г. N 144-ФЗ: ред. от 21 дек. 2013 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 33. Ст. 3349; 2013. N 51. Ст. 6689.

включает в себя применение к виновным мер ответственности, но во многом предопределяет успешное предварительное следствие по уголовным делам и последующее правосудие, обеспечивая тем самым защиту прав потерпевших.

В тех же случаях, когда согласно уголовно-процессуальному закону производство предварительного следствия по некоторым делам не обязательно, полиция ведет расследование в полном объеме, начиная с возбуждения уголовного дела. Так, к примеру, расследуются многие дела о хулиганстве, сопряженном с посягательством на личность, и тем самым обеспечивается восстановление нарушенных в результате хулиганства прав.

Отдельным направлением работы полиции как гаранта прав и свобод личности является выполнение определений, постановлений, поручений, указаний суда, прокурора, следователя о производстве предусмотренных законом розыскных и следственных действий по делам, связанным с преступным посягательством на личность, ее права и свободы.

В силу своей специфики приобретает обособленное и одновременно важное значение такая правоохранительная функция органов внутренних дел (в данном случае полиции), как обеспечение государственной защиты судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, судебных исполнителей и должностных лиц контролирующих органов при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство, имущество указанных лиц в связи с их служебной деятельностью, а также их близких. Похожи по смыслу задачи обеспечения безопасности лиц, содействующих правоохранительным органам, непосредственно участвующих в раскрытии, расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Речь идет об осуществлении полицией правовых, организационно-технических и прочих мер, направленных на охрану потерпевших, свидетелей, экспертов и т.д.

Органы внутренних дел являются важным системообразующим элементом механизма обеспечения прав и свобод гражданина, что подтверждается их местом и ролью в указанном механизме. Роль органов внутренних дел характеризуется динамической стороной механизма обес-

печения посредством анализа содержания различных форм их организационно-правовой деятельности в сфере обеспечения прав и свобод гражданина. Место органов внутренних дел в исследуемом механизме определяется его статической стороной. При этом особую значимость приобретает компетенция, которая определяется типовыми и индивидуальными положениями о том или ином органе внутренних дел, а также специальными нормативными актами, которые выделяют круг прав и обязанностей ряда органов, действующих в системе МВД Российской Федерации.

Основное содержание охраны прав и свобод гражданина применительно к деятельности органов внутренних дел включает в себя профилактику их нарушений, в которой они занимают ведущее место. Одним из важных направлений деятельности органов внутренних дел является правовое воспитание и пропаганда, его специфика заключается в том, что орган внутренних дел реализует преимущественно административно-правовые и уголовно-правовые механизмы правового воспитания.

Помимо охраны, важным организационно-правовым средством в деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения прав и свобод гражданина является защита, осуществляя которую, они вмешиваются в поведение субъектов правоотношений, когда это поведение не соответствует требованиям специального режима реализации прав и свобод гражданина (неправомерное поведение). В случае нарушения прав и свобод гражданина органы внутренних дел специальными правовыми средствами осуществляют их восстановление. В частности, органы внутренних дел в пределах своей компетенции с помощью присущих им средств и методов проводят значительную работу по восстановлению прав необоснованно пострадавших в сфере уголовного судопроизводства, возврату похищенного имущества и др. Место органов внутренних дел в рассматриваемом механизме в значительной степени определяется и методами их деятельности, которые должны строго отвечать требованию принципа: запрещено все, что не разрешено законом.

Таким образом, основные направления деятельности полиции, такие как «защита личности, общества, государства

от противоправных посягательств» и «предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений»,

неразрывно связаны между собой и гармонично дополняют друг друга.

Список литературы

1. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 2001. 317 с.
2. Филиппова Э.М. К вопросу о юридических гарантиях охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: «Право». 2010. № 38. Вып. 24. С. 104-108.
3. Капустянский В.Г. Убеждение и принуждение в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1983. 25 с.
4. Цыганкова Е.А. Классификация мер государственного принуждения по целевой направленности // Общество и право. 2009. № 4. С. 287-292.
5. Ларрсон П. Предупреждение преступности и роль полиции // Новейшие правовые исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2008. С. 63-70.

References

1. Nersesyants V.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, 2001. 317 p.
2. Filippova E.M. K voprosu o yuridicheskikh garantiyakh okhrany i zashhity prav i svobod cheloveka i grazhdanina [On the question of legal protection and safeguards to protect the rights and freedoms of man and citizen]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Pravo"* – Herald of the South Ural State University. Series: "Law", 2010, no. 38, edition 24, pp. 104-108.
3. Kapustyanskiy V.G. *Ubezhdenie i prinuzhdenie v ugolovnom protsesse. Avtoref. Cand. Diss.* [Persuasion and coercion in criminal proceedings. Autoabstract Cand. Diss.]. Leningrad, 1983. 25 p.
4. Tsygankova E.A. Klassifikatsiya mergosudarstvennogoprinuzhdeniya potselovoy napravlennosti [Classification of measures of state coercion targeting]. *Obshchestvo i pravo* – Society and Law, 2009, no. 4, pp. 287-292.
5. Larrson P. Preduprezhdenie prestupnosti i rol' politsii [Crime prevention and the role of police]. *Noveyshie pravovye issledovaniya* [The newest legal research]. Moscow, 2008. Pp 63-70.

Раздел 3. Уголовный закон

ЗАЛОВ А.Ф., artlaw1986@mail.ru Апелляционный отдел уголовно-судебного управления; Прокуратура Республики Башкортостан, 450000, г. Уфа, Крупской, 19	ZALOV A.F., artlaw1986@mail.ru The Appellate Division of Criminal-Judicial Directorate; The Prosecutor's Office of the Republic of Bashkortostan, Krupskoy St. 19, Ufa, 450000, Russian Federation
--	--

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОДОЛЖАЕМЫХ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

Реферат. Анализируются признаки продолжаемых преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Подробно рассмотрены действующие разъяснения высшей судебной инстанции относительно критериев разграничения единичных и множественных половых посягательств, выявлены сильные и слабые стороны постановления Пленума Верховного Суда РФ, проведено его сравнение с ранее действовавшими актами нормативного судебного толкования. Обосновывается изменение формулировок, используемых Верховным Судом для описания продолжаемых изнасилований. Доказана важность признака времени как индикатора раздельности умысла при совершении преступных посягательств, дается предостережение и от его переоценки. Этот признак должен учитываться в совокупности с другими признаками преступления при определении его продолжаемого характера. Выдвигается несколько теорий, в рамках которых определяется сущность продолжаемых изнасилований. Теория психического контроля во главу угла ставит эмоциональное состояние потерпевшей, которое, преломляясь в сознании преступника, определяет единство его намерения при совершении действий сексуального характера. Теория физического контроля первостепенную роль отводит насилию (в том числе и психическому), которое при непрерывном применении дает основание квалифицировать несколько половых актов как единичное деяние. Рассмотрен и другой способ совершения изнасилования — использование беспомощного состояния потерпевшей. На конкретных примерах из судебной практики исследованы признаки этой формы преступного посягательства, которые учитываются правоприменителем при решении вопроса о единичности деяния. Особо подчеркивается мысль о невозможности оценки половых посягательств в отношении нескольких потерпевших одним преступлением, поскольку при таких обстоятельствах благо, на которое воздействует злоумышленник, неразрывно связано с личностью пострадавшего лица.

Ключевые слова: половые посягательства, продолжаемое деяние, множественность посягательств, единый умысел, судебная практика.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CONTINUED RAPES

Abstract. The attributes of continued crimes encroaching upon sexual freedom and inviolability of person are analyzed in the article. The author dwells on the existing explanations of the supreme judicial authority concerning the criteria for distinguishing single and multiple sexual assaults, reveals strengths and weaknesses of the specified Resolution of the Plenum of the RF Supreme Court, compares it with the previous documents of this kind. The necessity to change the wordings used by the Supreme Court to describe the continued rapes is proved. The importance of time as an indicator of intent separation while committing criminal assaults and the risk of its overestimate are emphasized. Time must be considered together with another elements of crime when determining its continued character. There are several theories determining the nature of continued rapes. The theory of mental control considers the victim's emotional state as the main factor determining the unity of criminal's intention to commit sexual assaults. The theory of physical control gives the key role to violence (including mental one) which, having a continuous character, gives a base to classify several sexual intercourses as a single act. Using the helpless state of a victim as another way of committing rape is also examined. Basing on the court practice examples, the elements of such criminal assaults taken into account by law enforcer when deciding whether the act is a single one or no are analyzed

by the author. The impossibility of classifying sexual assaults against several victims as one crime is emphasized.

Keywords: sexual assaults, continued act, multiplicity of encroachments, single intent, court practice.

Неоднократность вступления в половой акт с потерпевшей в ходе изнасилования является довольно распространенной формой преступного поведения злоумышленника.

Соответственно, у правоприменителя резонно возникает вопрос о том, как в таких случаях оценивать содеянное виновным: совершено ли им одно преступление или совокупность оных. На первый взгляд, довольно четкий ответ на этот вопрос содержится в одном из разъяснений Пленума Верховного Суда России: в тех случаях, когда несколько половых актов либо насильственных действий сексуального характера не прерывались либо прерывались на непродолжительное время и обстоятельства совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера свидетельствовали о едином умысле виновного лица на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям статьи 131 или статьи 132 УК РФ*.

На первый взгляд, все предельно ясно. Пленум предлагает квалифицировать деяние как единое продолжаемое посягательство, если несколько актов совокупления происходят при реализации единого замысла на изнасилование. Однако в приведенном соображении и обнаруживаются первые несогласованности при построении Верховным Судом логической цепочки. По существу, нам разъясняют закон следующим образом: продолжаемое изнасилование будет иметь место лишь в случае, если генитальные контакты осуществлялись при продолжаемом изнасиловании. Налицо логическая ошибка в определении понятий, когда дефинируемая категория разъясняется посредством

самой себя, пусть и высказанной в несколько иной форме [1, с. 51].

В результате не ясно, какие противоправные действия подпадают под признаки продолжаемого изнасилования.

Интересно отметить, что указанный акт судебного толкования является единственным документом подобного рода, в котором обстоятельства времени специально оговорены при характеристике продолжаемого деяния. С одной стороны, данный факт является положительным примером реализации Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) конституционных полномочий по разъяснению правил применения действующего законодательства, поскольку предпринята попытка более детально очертить свойства исследуемого института применительно к насильственным преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

С другой стороны, вызывает сожаление решение органа судебского сообщества придать временному континууму роль самостоятельного (наряду с единым умыслом) признака при определении продолжаемого характера посягательства.

Представляется, что в основе анализируемого правового феномена лежит единство преступного намерения, которое, в свою очередь, может определяться посредством установления других объективных и субъективных признаков состава преступления, в том числе и обстоятельств времени. Основная опасность представления высшей судебной инстанции о признаках продолжаемого изнасилования в интерпретации постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г. состоит в том, что правоприменитель, следуя изложенным в данном постановлении рекомендациям, установив единый умысел на половое посягательство, должен дополнительно решить, насколько продолжительными были временные промежутки между половыми актами.

В этом и заключается проблема: одна ситуация складывается, когда необходимо

* Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. N 11 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определить величину интервалов применительно к единству субъективной стороны содеянного (по иным составам преступления правоприменительная практика следует именно такой логике), — в этом случае эти интервалы можно сопоставить с другими признаками преступления, свидетельствующими (или не свидетельствующими) о едином умысле, и в итоге на основе такого соотношения сделать вывод о его наличии (отсутствии).

Совершенно иной подход к той же самой проблеме требуется, когда промежутки времени между сексуальными контактами рассматриваются в качестве самостоятельного условия квалификации содеянного одним преступлением. Если анализировать данные обстоятельства абстрактно, в отрыве от других признаков, то дилемма практически неразрешима: непродолжительное время применительно к прерыванию полового акта — это сколько: 15 минут, 1 час, 6 часов?

Ответ на вопрос очевиден: длительность периода времени определяется каждый раз самостоятельно — применительно к конкретным обстоятельствам дела, но тогда мы возвращаемся на исходные позиции: необходимо соотносить временные интервалы с другими характеристиками посягательства, которые служат индикаторами общности намерения, а в этом случае теряется смысл выделения правоприменителем именно двух критериев продолжаемого изнасилования: умысла и времени.

И все-таки рациональное зерно в судебном разъяснении усматривается: именно в случае с посягательствами на половую неприкосновенность и половую свободу личности обстоятельствам времени отводится первостепенная роль как признаку преступления, непосредственно указывающему на единство умысла. Объясняется это довольно просто: в основной своей массе преступления такого рода совершаются спонтанно и обусловлены стремлением немедленно удовлетворить половую потребность, иначе говоря, реализовать сексуальное возбуждение, которое ограничено во времени; по окончании сексуального контакта (одного, двух и т.д. в зависимости от физиологических особенностей, в том числе и половой конституции субъекта преступления) возбуждение спадает, что, как правило, свидетельствует

о завершенности умысла; возникновение же нового сексуального желания удовлетворить половую потребность говорит о самостоятельности субъективной стороны очередного акта насильственного совокупления.

В свете сказанного понятно стремление Верховного Суда особо выделить временной континуум среди иных характеристик продолжаемого изнасилования, только вот текстуальную форму, в которую облечена эта попытка, по вышеназванным причинам нельзя признать удачной. Более приемлемым вариантом могло бы стать придание единому умыслу статуса единственного критерия продолжаемого деяния, при этом предписывалось бы устанавливать его на основании совокупности признаков и, в первую очередь, обращать внимание на продолжительность перерывов между половыми контактами.

И все же, в чем существо единого умысла при изнасиловании, ведь временной интервал является лишь его индикатором, но отнюдь не наполняет содержание данной психолого-юридической категории?

Конечно, можно подойти к вопросу просто и считать количество совершенных преступлений по числу «сексуальных проникновений» (термин, используемый некоторыми европейскими законодателями для характеристики содержания полового акта как сексуального действия, иначе, введение полового члена мужчины в женские гениталии [2, с. 214]). В обоснование такого подхода можно сослаться на восприятие потерпевшей совершаемых в отношении ее действий, ведь физическая боль и (или) нравственные переживания сопровождают каждое насильственное половое сношение, для жертвы сексуального насилия не имеет значения, связаны ли акты совокупления общим намерением виновного. Однако рассуждая в таком русле, мы будем вынуждены признать и совокупность посягательств, предусмотренных ст. 116 УК РФ, в действиях лица, которое несколько раз ударило противника (причем количество эпизодов будет равно числу ударов, поскольку каждый из них причиняет потерпевшему боль как физического, так и морального плана), что является юридическим нонсенсом.

Количество ударов, как, впрочем, и количество половых контактов, при единстве субъективной стороны деяния, несомненно, должно отражаться на мере ответственности, но не посредством вменения множественности преступлений, а путем учета степени общественной опасности содеянного, которая тем выше, чем большее количество противоправных действий осуществлено.

Тем более указанный критерий разграничения единичных и множественных преступлений неприменим к таким деяниям, предусмотренным ст. 132 УК РФ, объективная сторона которых выполняется без сексуального проникновения. В противном случае, учитывая единую природу половых посягательств, пришлось бы квалифицировать преступное поведение индивида, подсчитывая количество «сексуальных прикосновений», каждое из которых может представлять собой окончанный состав насильственных действий сексуального характера.

Среди юристов-практиков распространено мнение о возможности рассматривать очередной половой контакт как самостоятельное преступление в том случае, если перерыв между актами сношения предполагал наличие у потерпевшей возможности сообщить о совершаемых в отношении ее противоправных действиях правоохранительным органам. Речь идет о так называемом критерии физического контроля: согласно высказанной точке зрения, изнасилование продолжается, пока жертва находится в обладании виновного. Выход женщины из-под власти насильника даже на непродолжительное время означает завершенность полового посягательства.

Мысль заслуживает внимания, и мы к ней еще вернемся, однако уже на данном этапе исследования можно констатировать некоторую неполноту представленной теории: анализ способов совершения преступлений, предусмотренных ст.ст. 131, 132 УК РФ, вскрывает следующую ее уязвимость: дело в том, что об информировании (вернее, о возможности такового) правоохранительных органов о совершаемом деликте как о некоем водоразделе в сознании преступника между актами посягательства всерьез можно рассуждать только при применении насилия (физи-

ческого или психического) как средства преодоления сопротивления потерпевшей. Если виновный использовал беспомощное состояние жертвы, особенно когда последняя в силу различных причин не осознавала фактический характер осуществляемых в отношении ее действий, злоумышленник прекрасно понимает, что женщина не воспринимала посягательство в качестве преступного и, следовательно, не будет обращаться за помощью. В данном случае выход потерпевшей из-под физического контроля виновного является не более чем формальностью, ничего не значащей для обеих, а потому не способной разбить умысел индивида.

Таким образом, используя критерий контроля в описанной интерпретации как универсальное мерило единства умысла, мы невольно дискриминируем потерпевшую, например, по возрастному признаку, ведь на практике совершение нескольких актов насильственного сношения при одинаковых обстоятельствах в отношении взрослой женщины требовало бы квалификации по совокупности преступлений, в отношении же малолетней — оценивалось бы судом как продолжаемое изнасилование, что, очевидно, нельзя было бы признать обоснованным и справедливым правоприменением.

Общепризнано, что объективная сторона изнасилования, совершенного в форме насильственного полового акта, имеет сложную структуру, так как состоит из двух обязательных действий: физического или психического насилия и полового сношения [3, с. 63]. При этом первое из них является способом совершения преступления, тогда как второе выступает актом объективирования человеческой воли, составляющим существо рассматриваемого деяния. Применение насилия с намерением вступить в сексуальный контакт есть покушение на преступление; полное же выполнение объективной стороны и последующее периодическое исчезновение из неправомерной деятельности виновного признака акта совокупления (иными словами, насилие применяется вне рамок интимной близости) отнюдь не означает окончание преступного деяния, несмотря на неполноту состава посягательства в конкретный момент времени, — иное толкование закона привело бы к необходи-

мости дополнительно квалифицировать содеянное как посягательство на здоровье или телесную неприкосновенность потерпевшей. Посягательство может рассматриваться как завершенное лишь при полном окончании всех действий, составляющих его объективную сторону.

Если же не прерывается половое сношение (даже в случае окончания насилия), то нельзя говорить даже и о завершенности преступного действия (а тем более об окончании деяния) в смысле элемента, составляющего продолжаемое преступление, поскольку действием в уголовно-правовом смысле является генитальный контакт в целом, а не отдельные телодвижения насильника.

А поскольку одним из основополагающих признаков исследуемого института является неоднократность действий, то рассматриваемая ситуация не может быть квалифицирована как продолжаемое деяние: система телодвижений злоумышленника при совокуплении с жертвой представляет собой органическое единство, являющееся единым и неделимым актом поведения (по терминологии А.П. Козлова, одномоментное деяние, которое характеризуется кратковременным при незначительной пространственной динамике однохарактерным системно-поступательным поведением [4, с. 17-18]), и в качестве такового сама способна выступить звеном в цепи продолжаемого посягательства.

Указанное умозаключение означает, что непрерывное осуществление сексуального контакта, по своему существу, вопреки современному судебному толкованию не является продолжаемым деянием, в связи с этим анализировать такие криминальные ситуации на предмет наличия в них признаков рассматриваемого феномена особого смысла нет: они априори должны оцениваться как одно преступление. Следовательно, к продолжаемым деяниям, в собственном смысле слова, можно относить лишь те деяния, в рамках которых между половыми актами имел место перерыв.

Аналогичный вывод неприменим к насилию как к действию, составляющему объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 131 УК РФ, поскольку оно (насилие) является способом посягательства, а требование неоднократности предъявля-

ется к действию — существу преступления, в данном случае — к половому сношению.

Тогда, может быть, насилие и является тем связующим элементом, придающим неоднократным половым актам характер продолжаемого деяния?

Рассмотрим один пример из судебной практики*. В студенческом общежитии была изнасилована П. при следующих обстоятельствах. В один из вечеров П. с подругами пригласили на день рождения. После празднования П. осталась наедине с Бобровым и его друзьями Сидоровым и Князевым. Бобров начал приставать к П. Она оттолкнула его и собралась уходить, но Сидоров и Князев насильно ее удержали, заломили руки за спину и толкнули на кровать, угрожали убить. Потом изнасиловали ее по очереди. После этого П. отпустили, но предупредили, что если она кому-нибудь расскажет или заявит в милицию, то убьют ее. В течение двух месяцев после происшедшего они периодически приходили к П. в комнату или приводили ее к себе, где совершали с ней половой акт.

Суд квалифицировал действия виновных как изнасилование по признаку неоднократности (по нынешнему уголовному закону в действиях злоумышленников суд усмотрел бы совокупность преступлений, предусмотренных ст. 131 УК РФ).

Что в этом, казалось бы, обычном правовом казусе привлекло наше внимание? Интерес представляет следующий момент: по мысли правоприменителя, Бобров и другие соучастники преступления, на протяжении двух месяцев насилуя потерпевшую, совершили множество самостоятельных посягательств на ее половую свободу. Учитывая, что между насильственными половыми сношениями перерыв составлял не менее суток, это вполне логичное юридическое умозаключение.

Вместе с тем из обстоятельств дела видно, что при первом изнасиловании осужденные, преодолевая сопротивление потерпевшей, применили в отношении ее физическую силу, а также высказывали угрозы, в том числе и убийством. При совершении последующих преступных деяний в отношении П. последняя, осознавая, что силы не равны, перестала оказывать нападавшим какое-либо сопротивление. В

* Уголовное дело N 1-34/03 // Архив Кировского районного суда г. Уфы за 2003 г.

результате злоумышленники вступали в половой контакт с жертвой, фактически не применяя насилия. Беспомощным состояние студентки по вполне понятным причинам также назвать нельзя.

Очевидно, что виновные занимались сексом с потерпевшей вопреки ее воле и согласию, что и составляет существо изнасилования, однако закон есть закон: при избранной судом квалификации в действиях Боброва, Сидорова и Князева при последующих посягательствах на П. отсутствует состав преступления, поскольку насилие, составляющее неотъемлемую часть объективной стороны рассматриваемого деяния, ими не использовалось.

Однако если бы суд счел противоправное поведение осужденных продолжаемым преступлением, то проблема бы даже и не возникла: насилие в деянии применялось. При этом диспозиция соответствующей статьи Особенной части УК России не предусматривает необходимость использовать физическое воздействие при каждом акте совокупления, если в целом это единое деяние, значит, в действиях насильников содержится полный состав преступления.

При ином мнении можно дойти до абсурда: для того чтобы хищение всех ценностей с применением насилия, опасного для здоровья, полностью входило в объективную сторону разбоя, от виновного требовалось бы при каждом изъятии определенной вещи производить удар по телу потерпевшего.

Разумеется, ставить квалификацию преступного деяния в угоду целесообразности есть грубое нарушение принципа законности, — важно разобраться в сути явления.

Для любого здравомыслящего человека очевидно, что при указанных обстоятельствах осужденные по делу лица каждый раз вступали с потерпевшей именно в насильственное, а не добровольное половое сношение. Но на чем основывается такая уверенность, если никаких угроз при последующих изнасилованиях виновные в адрес П. не высказывали (не говоря уже о применении физической силы)? Из поставленного вопроса вытекает еще один: почему потерпевшая, будучи несогласной на половой акт с Бобровым, начиная со второго посягательства на ее половую сво-

боду, не стала оказывать сопротивление, ведь и при первом насилии студентка прекрасно понимала, что не справится с тремя здоровыми парнями?

Ответ лежит на поверхности: воля девушки к сопротивлению была подавлена физическим и психическим насилием, примененным виновными на первоначальной стадии реализации преступного замысла. И насильники пользовались угнетенным состоянием потерпевшей, совершая в отношении ее все новые и новые половые деяния. Таким образом, возможность осужденных на протяжении длительного периода времени беспрепятственно удовлетворять свою половую страсть обусловлена результатом первоначально примененного насилия, выразившимся в душевном надломе П., которая просто боялась активно выразить свое несогласие относительно совершаемых с ней действий.

Это умозаключение созвучно следующему постулату теории квалификации: изнасилование не есть простое сочетание насилия и генитального контакта, сила должна применяться именно с целью преодолеть сопротивление потерпевшей. Если насилие привело к желаемому эффекту — подавлению воли жертвы, то все последующие действия сексуального характера, к коим относится и половой акт [3, с. 68], осуществленные с использованием подобного состояния женщины, независимо от их временной отдаленности от акта применения силы, необходимо рассматривать как входящие в объективную сторону единого преступления. По сути, насилие в данном случае обладает всеми свойствами единой приготовительной деятельности, поскольку его применение создает благоприятную обстановку для многократного выполнения объективной стороны посягательства, а последнее выступает характерным признаком продолжаемого посягательства.

Таким образом, звеном, связующим половые сношения в единое деяние, выступает моральная подавленность потерпевшей как психический эффект насилия (не путать с психическим насилием как таковым).

Здесь, однако, уместно сделать несколько оговорок.

Во-первых, каждый случай вступления в половую связь должен охватываться единым умыслом виновного, то есть яв-

ляться не изолированным внезапно вспыхнувшим намерением, а составлять элемент определенной линии противоправного поведения. Иными словами, насильник должен ассоциировать половой акт с ранее примененным насилием. В противном случае о продолжаемом характере посяательства говорить не приходится ввиду отсутствия единства его субъективной стороны — каждое действие сексуальной направленности будет оцениваться по правилам о совокупности преступлений.

Во-вторых, субъект изнасилования должен осознавать сам факт того, что последующие «ненасильственные» половые акты стали возможными не по доброй воле потерпевшей, а в результате ее угнетенного состояния, возникшего «благодаря» проведенной злоумышленником соответствующей силовой подготовке. Если последний не понимал действительных причин согласия женщины, то ставить ему в вину акты совокупления без применения насилия, по существу, будет означать отступление от принципа субъективного вменения.

В-третьих, вновь возникшая необходимость преодолевать сопротивление потерпевшей (в том числе и в случаях, когда потерпевшая не находится в так называемом физическом обладании виновного) не всегда свидетельствует о наличии в действиях индивида самостоятельного состава деяния, предусмотренного ст. 131 УК РФ. Отпор, который жертва дает насильнику при систематическом совершении в отношении ее преступлений рассматриваемой категории, зачастую может быть формальным: подчеркнуть несогласие женщины на интимную близость.

В таких ситуациях важно определить, что лежит в основе вынужденности вступления в половой контакт: воля, сломленная ранее примененным насилием (при предыдущем сношении), или физическое (психическое) воздействие, оказываемое непосредственно перед актом совокупления (или во время такового).

Первый вариант развития событий означает связанность актов насилия в единую деятельность, когда вновь примененная сила — лишь продолжение (а скорее, даже завершающий штрих) системы действий по преодолению сопротивления потерпевшей. Появившееся у жертвы чувс-

тво утраты возможности самостоятельно определять, с кем и как удовлетворять и удовлетворять ли вообще половую потребность, является сильнейшим стимулом совершения все новых и новых актов сексуальной агрессии со стороны злоумышленника, одновременно синтезируя их в сознании виновного в единое посягательство, несмотря на формальное приложение последним определенных физических усилий.

При втором варианте насильник вынужден вновь подавлять волю женщины к противостоянию, что свидетельствует уже не о возобновлении начатого сексуального насилия, а о реализации самостоятельного намерения на насильственную половую связь с потерпевшей, выраженного в повторении в полном объеме объективной стороны состава анализируемого посягательства. Раздельность умысла при таких обстоятельствах налицо: виновный пытался заняться сексом, рассчитывая на покладистость жертвы, а в итоге, чтобы исполнить задуманное, ему необходимо снова пытаться сломить ее сопротивление, применяя физическое и психическое угнетение. Безусловно, такое поведение лица должно оцениваться судом как множественность преступлений.

Далее следует вернуться к теории физического обладания потерпевшей, способности данного критерия разграничивать единичные и множественные деяния, его соотношению с концепцией психического контроля.

Не рассматривая крайние варианты, следует заметить, что наиболее вероятной причиной отсутствия у жертвы возможности обратиться за помощью, в том числе и к правоохранительным органам, является лишение ее свободы передвижения и общения как ввиду нахождения в непосредственной близости насильника, немедленно пресекающего любые попытки контакта с окружающими, так и в связи с пребыванием в изолированном пространстве, то есть в таких физических условиях, при которых исключается сама возможность взаимодействия с кем-либо извне.

В соответствии с традицией, сложившейся в российском уголовном праве, ограничение физической свободы человека относят к одной из разновидностей проявления насилия [2, с. 40]. Следовательно,

воспрепятствование свободе лица взаимодействовать с окружающим его миром — это, по существу, непрерывный акт применения к нему насилия. Таким образом, половые акты с таким потерпевшим, совершенные благодаря беспрепятственному доступу злоумышленника к телу жертвы при одновременной невозможности полноценно распоряжаться им самим пострадавшим, составляют единое деяние, ввиду того что насилие как способ осуществления преступного намерения в таком случае носит продолжаемый характер.

Это материальный аспект проблемы, но есть и более сущностное объяснение невозможности при таких обстоятельствах применять институт совокупности посягательств. Нахождение женщины под физическим контролем преступника создает у него ощущение власти над жертвой. В свою очередь, у последней возникает чувство психологического угнетения, осознаваемое преступником. Иными словами, в системе «насильник — жертва» преобладают те же эмоции, которые характерны при непосредственном применении физической силы к потерпевшей.

Вышеизложенное означает, что психологический эффект обеих форм насилия (лишения свободы и физической силы) предельно схож, что позволяет нам прийти к выводу: эмоциональный фон сексуальных контактов с потерпевшей, ограниченной в физической свободе, влечет восприятие таковых одним продолжаемым преступлением. Даже в случае оказания активного сопротивления злоумышленнику в сознании виновного отражается фактическая беспомощность потерпевшей, причем это состояние не только сопровождает все акты сексуальной агрессии, жертва пребывает в нем и в перерывах между преступными действиями. В связи с этим необходимость приложения дополнительных физических усилий со стороны насильника не способна разбить его умысел: очередное половое сношение органически связано с предыдущим в силу использования лицом при осуществлении противоправной деятельности идентичной обстановки как объективного (материальный мир), так и субъективного плана (эмоциональная сфера насилуемой).

Из всего сказанного вытекает, что именно насилие, в какой бы форме оно

не проявлялось, так или иначе выступает важнейшим индикатором продолжаемого характера неоднократных половых сношений.

Примечательно, что, в отличие от постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г., по делам исследуемой категории в ранее действовавшем акте судебного толкования при характеристике единства полового посягательства внимание правоприменителя как раз и акцентировалось не на половых актах, а на насилии как связующем их звене: «в тех случаях, когда насилие над потерпевшей не прерывалось либо прерывалось на непродолжительное время и обстоятельства совершения насильственных половых актов свидетельствуют о едином умысле виновного, совершение им второго и последующих половых актов не может рассматриваться в качестве обстоятельства, дающего основание для квалификации содеянного по признаку повторности»*.

И если в первой части процитированного постановления позиция Пленума ВС РФ соответствует нашему видению существа продолжаемого изнасилования — половые акты при непрерывном применении насилия составляют единое посягательство, то во втором варианте связи между актами совокупления (если насилие прерывалось на непродолжительное время) верховный правоприменитель вновь пытался оперировать критерием времени, что в силу вторичности данного признака нельзя признать удачной попыткой продемонстрировать сущность института применительно к половым преступлениям.

По нашему убеждению, упор в анализируемом акте толкования должен быть сделан на состояние потерпевшей, которое в силу примененного ранее насилия позволяло беспрепятственно совершать с ней действия сексуального характера, в том числе и генитальные контакты.

Но почему же в постановлении Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г. отказались от предыдущей, более точной и удачной формулировки? Все дело в том, что в документе 1992 года упускался из виду еще

* Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апр. 1992 г. N 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

один способ изнасилования — совершение деяния с использованием беспомощного состояния потерпевшей. Верховный Суд решил, что, если из текста разъяснения исключить упоминание о насилии, то такой вариант трактовки может быть использован для описания продолжаемого изнасилования, осуществленного любым из предусмотренных законом способов. Однако, избрав аморфную формулировку про беспрерывный половой акт, Пленум не смог предложить практическим работникам взятый критерий единого умысла, чем значительно осложнил правоприменение, которое так и не обрело необходимые для обеспечения режима законности предсказуемость и единообразие.

В этом заключается принципиальная ошибка Верховного Суда, который при изложении соответствующего положения документа не принял во внимание, что способ осуществления преступного намерения значительным образом влияет на выбор квалификатором тех уголовно-правовых признаков, которые он будет применять при определении характера деяния. Требовалось лишь просто, разделив продолжаемые изнасилования на совершенные с применением насилия и с использованием беспомощного состояния, описать признаки каждого из них, на которые необходимо ориентироваться правоприменителю при решении вопроса о единичности или множественности преступлений.

Итак, в чем же своеобразие использования беспомощного состояния потерпевшей как способа осуществления умысла в контексте исследуемой проблематики?

Когда мы анализировали насильственный половой акт, то пришли к выводу, что подавленная воля жертвы есть ключ к определению единства посягательства, но как быть, если в целях вступления в интимную связь необходимости подавлять волю женщины нет? Отсутствие воли (точнее, ее внешнего проявления) и составляет существо беспомощного состояния.

Понятно, что имманентно «угнетенная воля» не предполагает возможность оценки половых актов, совершенных с потерпевшей, находящейся в подобном психологическом состоянии, только лишь на этом основании продолжаемым преступлением. Поскольку лишать насильственными действиями женщину способности

свободно распоряжаться своим телом не требуется, постольку данный признак и не может объединять в сознании виновного неоднократные сексуальные контакты в одно целое. Что же способно выступить в качестве такого синтезирующего обстоятельства (время и в этом случае по уже приведенным основаниям таким критерием быть не может)?

Попробуем разобраться в этом вопросе на конкретных примерах из судебной практики.

Приговором Верховного суда Республики Башкортостан от 4 сентября 2012 г., вступившим в законную силу кассационным определением Судебной коллегии ВС РФ от 13 декабря 2012 г., Пейю В.А. осужден за ряд преступлений, в том числе и за мужеложство в отношении малолетнего*.

Судом установлено, что Пейю на протяжении 4 месяцев (с марта по июнь 2006 года), используя беспомощное состояние потерпевшего М., регулярно (не менее 30 актов мужеложства) совершал действия сексуального характера (вводил половой член в ротовую полость и анальное отверстие) в отношении малолетнего сына своей гражданской супруги, пользуясь периодическим отсутствием дома сожительницы.

По версии следствия, осужденным совершено 30 посягательств на половую неприкосновенность потерпевшего (перерыв между сексуальными контактами варьировался от 1 до 7 дней). Несмотря на это, суды двух инстанций пришли к выводу о том, что виновный действовал во исполнение единого умысла, в связи с чем оценили его действия как продолжаемое деяние.

Приговором Верховного суда Республики Башкортостан от 20 марта 2013 года, постановленным на основании обвинительного вердикта коллегии присяжных заседателей, Кужакаев Р.М. признан виновным в совершении 5 преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (приговор оставлен без изменения апелляционным определением Верховного Суда РФ от 29 мая 2013 г.)**.

* Уголовное дело N 3-83/12 // Архив Верховного суда Республики Башкортостан за 2012 г.

** Уголовное дело N 3-26/13 // Архив Верховного суда Республики Башкортостан за 2013 г.

Присяжными заседателями признано доказанным совершение осужденным половых преступлений при следующих обстоятельствах. В ночь с 9 на 10 декабря 2011 года Кужакаев Р.М. после распития спиртных напитков с главой семейства Я-вых дома у последнего, воспользовавшись тем, что ему позволили остаться на ночь, и, дождавшись, пока Я-в И. и его супруга Р. уснут, прошел в комнату, занимаемую детьми хозяина жилища, 7-летней Э. и 10-летней Д., стал прикасаться к половым органам потерпевших. Наутро девочки рассказали о случившемся родителям. В ходе следствия выяснилось, что Кужакаев Р.М. неоднократно при аналогичных обстоятельствах совершал подобные действия с детьми Я-вых (в отношении Я-вой Д. в ночь с 31 декабря 2008 г. на 1 января 2009 г., в отношении Я-вой Д. и Я-вой Э. в один из дней в период с 1 ноября 2010 г. по 31 декабря 2010 г. в ночное время).

Суд, квалифицируя действия виновного, согласился с мнением стороны обвинения о самостоятельности каждого из совершенных сексуальных посягательств.

В обоих криминальных казусах обстоятельства совершенных преступлений против половой неприкосновенности малолетних в существенных чертах схожи: мужчины на протяжении более или менее длительного периода времени осуществляли сексуальное воздействие на детей лиц, с которыми у них сложились доверительные отношения.

Не является ли в таком случае несопадающая квалификация действий осужденных в части решения вопроса о множественности посягательств следствием различного подхода правоприменителя к институту продолжаемого преступления? Думается, нет, и вот почему. На первый взгляд, все дело в пресловутом критерии времени: в одном случае акты мужеложства были разделены несколькими днями, в другом случае посягательства разделены годом и двумя годами. Но неужели виновный, более интенсивно реализовавший свое преступное намерение, в связи с этим обстоятельством должен нести более мягкое наказание?!

По нашему мнению, на проблему необходимо взглянуть под другим углом. Оба насильника пытались осуществить

свой умысел при любом удобном случае, но у Пейю, очевидно, «простор для действий» был гораздо шире, поэтому он и мог чаще, чем Кужакаев, вступать в интимную связь с малолетним.

Попробуем вникнуть в ситуацию глубже. В первом примере виновный имел практически неограниченный доступ к телу ребенка, не понимавшего характер и значение совершаемых с ним действий. Стоило лишь возникнуть сексуальному желанию, как злоумышленник удовлетворял свою половую потребность: необходимо было лишь дождаться ухода супруги на работу (у которой зачастую были и ночные смены) либо просто повести «сына» в душевую кабину якобы для принятия водных процедур. Иными словами, Пейю для совершения преступления не требовалось каких-либо подготовительных мероприятий, разработки плана и тому подобное. Как отмечено в приговоре, вступая в интимную связь с малолетним, осужденный фактически реализовывал единый умысел на половое сожителство с потерпевшим.

Иначе складывались обстоятельства по делу Кужакаева. Последний для осуществления посягательства должен был расположить к себе семью Я-вых так, чтобы его не только приглашали к застолью, но и позволяли оставаться на ночь в квартире потерпевших. И даже когда насильник ночевал у Я-вых, он должен был убедиться в том, что взрослые члены семьи спят, а потом незаметно пройти в комнату к детям и, опасаясь быть разоблаченным (родители в любой момент могли проснуться), совершать надругательство над девочками. О том, что удовлетворение половой потребности при таких обстоятельствах было чрезвычайно сложной задачей, для выполнения которой необходим был план, свидетельствует то, что помимо вмененных эпизодов были и другие, неудачные попытки растлить малолетних (следствие посчитало, что имел место добровольный отказ от совершения преступления, хотя этот вывод неоднозначен).

Таким образом, в ситуации с Пейю обстановка, дававшая возможность беспрепятственно многократно выполнять объективную сторону деяния, признаки которого определены в ст. 132 УК РФ, стирала в сознании виновного грань между актами мужеложства (которые, в принци-

пе, могли быть отделены друг от друга и меньшими промежутками времени, например несколькими часами), превращая все его действия сексуального характера в единое преступление.

Кужакаев же каждый раз должен был создавать соответствующие условия для реализации замысла, выбирать удобный момент, преодолевать возникающие препятствия, пытаться спрогнозировать дальнейшее развитие событий. По сути, и сексуальное желание, и умысел на удовлетворение половой потребности у насильника возникали в момент, когда он осознавал, что появилась реальная возможность остаться с детьми наедине. Указанные обстоятельства и предопределили квалификацию его действий судом по правилам о совокупности преступлений.

Откровенно говоря, несмотря на нашу уверенность в правильной позиции Верховного суда Республики Башкортостан, приговор в отношении Пейю в целом идет вразрез со складывающейся практикой, которая признает регулярное вступление в половую связь при аналогичных обстоятельствах формой множественности посягательств*.

Второй приведенный нами пример (по делу Кужакаева) заслуживает более пристального внимания.

Кужакаев, когда ему удавалось обратиться в детскую, осуществлял идентичное сексуальное воздействие в отношении двух девочек практически одновременно, тем не менее его действия в отношении каждой потерпевшей оценены как самостоятельное деяние. С учетом того, что его поведение реализовывалось в рамках единого намерения, в одинаковой обстановке, при неизменности места и времени, выражалось в тождественных актах, можно задуматься о продолжаемом характере содеянного.

При анализе п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2004 г. может сложиться мнение, что в нем указывается на необходимость в подобных случаях квалифицировать противоправную деятельность как одно преступление: «из-

насилование и насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными группой лиц (группой лиц по предварительному сговору, организованной группой) не только в тех случаях, когда несколькими лицами подвергается сексуальному насилию одно или несколько потерпевших лиц, но и тогда, когда виновные лица, действуя согласованно и применяя насилие или угрозу его применения в отношении нескольких лиц, затем совершают насильственный половой акт либо насильственные действия сексуального характера с каждым или хотя бы с одним из них».

Представляется, однако, что приведенное положение постановления разъясняет исключительно вопросы применения института соучастия и никоим образом не оговаривает правила множественности преступлений. Во всяком случае четких указаний по этому поводу документ не содержит [5, с. 4].

Что касается существа вопроса, то правовая оценка действий осужденного и в этой части несомненна: при посягательстве на правоохраняемый интерес нескольких потерпевших, неразрывно связанный с их личностью, в том числе половую свободу и неприкосновенность, речи о единстве посягательства быть априори не может [6, с. 78].

Таким образом, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности относятся к той категории деяний, пострадавшие от которых своей численностью непосредственно определяют количество совершенных эпизодов. Этот вывод полностью согласуется с правовой позицией Верховного Суда РФ, изложенной в кассационном определении от 11 сентября 2012 г. N 4-О12-70, которым было отменено постановление Московского областного суда, освободившего К. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, в связи с применением принудительных мер медицинского характера.

Органами предварительного следствия К. вменялось совершение насильственных действий сексуального характера в отношении 5 потерпевших, не достигших двенадцатилетнего возраста. Московский областной суд посчитал, что обстоятельства содеянного свидетельствуют о едином

* См., например, кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 дек. 2002 г. N 66-О02-77. URL: <http://www.durex-promo.ru/index.php?ds=1423053>.

умысле К. на совершение полового посягательства, в связи с чем квалифицировал действия подсудимого как одно общественно опасное деяние, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ, отменяя данное постановление, указала, что наличие нескольких потерпевших от насильственных действий К. предопределило раздельность его намерения на осуществление сексуальных контактов с детьми, что влечет необходимость правовой оценки такого противозаконного поведения как множественности преступлений [7, с. 9-10].

Итак, резюмируем:

1. Ключевым признаком, объединяющим несколько половых актов в единое изнасилование, является состояние потерпевшей (состояние подавленности), которое в силу примененного ранее насилия позволяло беспрепятственно совершать с ней действия сексуального характера.

2. Совершение с потерпевшей нескольких половых актов при непрерывном применении насилия (в том числе и психического) квалифицируется как продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

3. При совершении изнасилования с использованием беспомощного состояния потерпевшей единство умысла виновного определяется возможностью беспрепятственно (без соответствующей подготовки) осуществлять преступные действия сексуального характера.

4. Если благо, на которое совершенно преступное посягательство, неразрывно связано с личностью пострадавшего, в том числе половая свобода и неприкосновенность, множественность на стороне потерпевшего исключает возможность оценки такого деяния как продолжаемого, при таких обстоятельствах необходимо применять правила о совокупности преступлений.

Список литературы

1. Кириллов В.И., Старченко А.А. *Логика*. М., 1998. 240 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2004. 640 с.
3. Уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2012. 448 с.
4. Козлов А.П., Севастьянов А.П. *Единичные и множественные преступления*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2011. 915 с.
5. Пейсикова Е.В. *Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам* / под общ. ред. В.М. Лебедева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 99 с.
6. Таганцев Н.С. *Русское уголовное право. Часть общая*. Т. 1. СПб., 1902. 823 с.
7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. N 6. 47 с.

References

1. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Logika* [Logic]. Moscow, 1998. 240 p.
2. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt Publ., 2004. 640 p.
3. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal Law. Special part]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 448 p.
4. Kozlov A.P., Sevast'yanov A.P. *Edinichnye i mnozhestvennye prestupleniya* [Single and multiple crimes]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2011. 915 p.
5. Peysikova E.V. *Kommentariy k postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugolovnym delam* [Comment to the decisions of the Plenum of the Supreme Court on criminal cases]. Moscow, Norma Publ., 2008. 99 p.
6. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part. Vol. 1]. St. Petersburg, 1902. 823 p.
7. *Bulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2013. N 6. 47 p.

ЕРМАКОВА О.В., кандидат юридических наук, ermakova_alt@mail.ru Кафедра уголовного права и криминологии; Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 656038, г. Барнаул, Чкалова, 49	ERMAKOVA O.V., Candidate of Legal Sciences, ermakova_alt@mail.ru Chair of Criminal Law and Criminology; Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Chkalova St. 49, Barnaul, 656038, Russian Federation
--	--

ВЛИЯНИЕ ОБЪЕКТА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА КОНСТРУКЦИЮ СОСТАВА И МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Реферат. Объект преступления, являясь основным элементом состава преступления, отражающим нарушение охраняемых уголовным законом общественных отношений, оказывает непосредственное влияние на конструкцию состава преступления. В частности, если вред охраняемым общественным отношениям невозможно отобразить без указания на преступные последствия, должна использоваться конструкция материального состава преступления. Кроме того, при конструировании преступления необходимо проанализировать, во всех ли случаях совершения деяния причиняется вред охраняемым общественным отношениям. В том случае, когда указанный вред причиняется всегда, оптимальной представляется конструкция формального состава. Применение указанных правил при конструировании составов преступлений против собственности показывает, что законодатель обоснованно использует конструкцию материального состава преступления, поскольку именно указание на преступные последствия в виде причинения имущественного ущерба отображает вред отношениям собственности. К тому же при совершении преступлений против собственности не всегда причиняется вред охраняемым общественным отношениям (например, лицо задержано на месте совершения преступления), что также свидетельствует о целесообразности использования конструкции материального состава преступления. Сформулированный вывод об обоснованности использованной законодателем конструкции составов преступлений против собственности не свидетельствует об удачности момента окончания преступления, поскольку существующее в настоящее время определение момента окончания хищения изъятием имущества и появлением возможности пользоваться или распоряжаться похищенным по своему усмотрению вызывает сложности в правоприменительной деятельности. Принимая во внимание влияние объекта преступления на определение момента окончания хищения, в работе предлагается устанавливать момент окончания изъятием имущества, которым собственник лишается возможности владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом и причиняется имущественный ущерб.

Ключевые слова: конструкция состава преступления, объект преступления, момент окончания преступления.

INFLUENCE OF THE OFFENSE OBJECT ON THE CONSTRUCTION OF ELEMENTS OF CRIME AND THE END OF CRIMES AGAINST PROPERTY

Abstract. Object of crime, being a basic element of a crime, reflecting violation of public relations protected by the criminal law, has a direct influence on the crime construction. If the harm to the protected public relations can not be displayed without the reference to criminal consequences, the construction of materially defined crime should be used. While constructing a crime it is necessary to analyze if the harm is inflicted to the protected public relations. The construction of formally defined crime is supposed to be the best in case the harm is constantly inflicted. Application of these rules while constructing property crimes indicates that the law-maker reasonably uses the construction of materially defined crime, as the very indication to criminal consequences in the form of inflicting property damage shows the harm to property relations. In addition, the commission of crimes against property not always harms the protected public relations, which also indicates the appropriateness of

materially defined crime use. The formulated conclusion about the reasonability of the construction of crimes against property used by the law-maker doesn't show the success of the crime end. The actual definition of the theft end by means of property seizure and opportunity to use or dispose of the stolen property *ad libitum* causes difficulties in law enforcement activity. Taking into consideration the influence of the crime object on the definition of the theft end, it is proposed to set it by property seizure. The owner loses opportunity to possess, use or dispose of the property and property damage is caused.

Keywords: crime construction, object of crime, end of crime.

Положение о том, что момент юридического окончания преступления непосредственно связан с конструкцией состава преступления, отражающей особенности его объективной стороны, в настоящее время в теории уголовного права является аксиомой. С ним согласны даже те исследователи, которые негативно относятся к выделению формальных и материальных составов преступлений. Однако вопрос о том, какие обстоятельства обуславливают выбор законодателем той или иной конструкции состава преступления и тем самым предопределяют регламентацию момента окончания преступления, в науке уголовного права остается открытым. В начале 90-х годов прошлого века С.В. Землюков писал: «Законодатель достаточно произвольно формулирует составы преступлений, диспозиции норм, определяет моменты окончания преступления...» [1, с. 58]. К сожалению, в этой части немного изменилось и к настоящему времени. По крайней мере приходится констатировать, что вместо полного и глубокого изучения обозначенной проблемы осуществлено лишь ее фрагментарное исследование.

На выбор законодателем конструкции состава и законодательной регламентации момента окончания преступления в первую очередь влияет объект преступления.

В.Д. Филимонов справедливо отмечает: «Доминирует в определении содержания и конструкции состава преступления объект преступного посягательства» [2, с. 83]. Известно, всякое преступление как общественно опасное деяние причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны. Деяние, которое не причиняет существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, не может повлечь за собой уголовную ответственность, поскольку оно не обладает общественной опасностью. Однако не всякий причиняемый деянием вред включается в соответствующий состав преступ-

ления как признак его объективной стороны. Степень поражения объекта уголовно-правовой охраны, получающая отражение в составе преступления, может быть различной. Объяснение этого феномена кроется в сложной структуре самого объекта преступления, вопрос о которой разработан в рамках концепции, предложенной В.Д. Филимоновым.

«Объект преступления, — отмечает В.Д. Филимонов, — представляет собой сложное структурное образование. Как система он состоит из двух подсистем — системы охраняемого общественного отношения и системы охраняющего общественного отношения. Первая из этих двух подсистем представляет собой защищаемое уголовным правом общественное отношение (собственность, отношение, выражающее интересы государственной власти, государственной службы и др.), другая — общественное отношение, защищающее первое общественное отношение». Правовым содержанием охраняющего общественного отношения выступает право государства требовать неприкосновенности охраняемого общественного отношения и подвергать наказанию ее нарушителей, а также обязанность нарушителей подвергнуться наказанию, предусмотренному законом за совершенное преступление [3, с. 95].

Вред охраняемым общественным отношениям обычно материализуется в конкретных общественно опасных последствиях (смерть потерпевшего при убийстве, имущественный ущерб владельцу имущества при краже или уничтожении имущества, психические страдания при оскорблении и т.д.). По-иному выглядит вред охраняющему общественному отношению. «Вред, причиняемый преступлением охраняющему общественному отношению, — пишет В.Д. Филимонов, — состоит в том, что это отношение на определенном участке общественной жизни перестает выполнять свою функцию по охране

непосредственного объекта» [3, с. 95-96]. Это происходит потому, что совершенное преступление, во-первых, оказывает провоцирующее воздействие на неустойчивых граждан, во-вторых, негативно влияет на сознание устойчивых в социальном отношении граждан, вызывая у них беспокойство за свою безопасность, за сохранность принадлежащих им благ.

Если бы в каждый состав преступления включались оба вида вреда, то момент фактического окончания преступления и момент его юридического окончания совпадали бы. Однако в силу разных причин делается это далеко не всегда. Вред, причиняемый охраняемому общественному отношению и выражающийся в его разрыве, действительно находит свое отражение в любом составе преступления через описание самого общественно опасного деяния (в узком смысле слова), тогда как вред, причиняемый охраняемому общественному отношению и материализующийся в поддающихся установлению общественно опасных последствиях, вводится законодателем в конкретные составы преступлений в качестве самостоятельного признака объективной стороны весьма избирательно. Именно поэтому некоторые преступления, юридически завершившись в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, фактически становятся оконченными лишь в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, то есть в момент наступления материализованных общественно опасных последствий, находящихся за пределами состава преступления. Так, разбой, будучи преступлением против собственности, юридически считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозой такого насилия. Фактически же он оказывается завершенным лишь с момента причинения вреда собственности как охраняемому общественному отношению.

Однако объяснение феномена существования формальных и материальных составов преступлений через сложную структуру объекта уголовно-правовой охраны и два вида причиняемого ему вреда, предпринятое В.Д. Филимоновым [2, с. 85], тем не менее не дает само по себе ответа на вопрос о том, почему в одних случа-

ях законодатель включает вред охраняемым общественным отношениям в состав преступления, а в других — нет, и какова при этом роль соответствующей подсистемы объекта преступления — охраняемого общественного отношения. Учитывая это обстоятельство, а также то, что характер и степень общественной опасности преступления определяются главным образом данной подсистемой объекта, указанный автор обращается к более глубокому рассмотрению охраняемых общественных отношений с позиций их влияния на конструкцию состава преступления.

«Существует группа общественных отношений, — пишет В.Д. Филимонов, — которые представляют для общества настолько высокую ценность, что признаются объектом преступления не только в случае фактического причинения им вреда, но и тогда, когда в результате тех или иных действий возникает опасность его наступления. К таким общественным отношениям относится, в частности, жизнь и здоровье человека, общественная безопасность как безопасность жизни и здоровья многих людей и внешняя безопасность Российской Федерации. <...> Другую группу охраняемых общественных отношений составляют те, которые участвуют в определении конструкции состава при условии, что им фактически причиняется ущерб. К такого рода общественным отношениям относятся, в частности, отношения собственности. <...> Существуют и такие охраняемые общественные отношения, которые вызывают к жизни составы преступлений независимо от того, что ущерб им причиняется не во всех случаях совершения преступления. Например, при оскорблении одни лица испытывают унижение чести и достоинства, а другие — нет...» [3, с. 189-190].

Соглашаясь с тем, что качественная характеристика охраняемых общественных отношений действительно оказывает воздействие на конструкцию состава преступления, а тем самым — и на момент окончания преступления, подчеркнем, однако, что зависимость эта не столь прямолинейна, как это может показаться на первый взгляд. Так, несмотря на высокую ценность жизни и здоровья, рассматриваемых в качестве охраняемых законом общественных отношений, составы преступлений против жизни и здоровья конструируются как

материальные. Следовательно, существуют некие другие обстоятельства, которые, вопреки исключительной социальной ценности объекта посягательства, заставляют законодателя формировать составы этих преступлений, включая в них причинение вреда охраняемым общественным отношениям в качестве признака объективной стороны.

Отсюда вытекает следующее положение: ценность объекта, значимость образующих его общественных отношений, предопределяя характер общественной опасности преступления, способны в известной степени обуславливать и конструкцию состава. Но универсального правила — чем выше ценность объекта, тем больше оснований для конструирования состава как формального, — здесь нет и быть не может, т.к. слишком многочисленными были бы исключения из него, которые сегодня можно найти в уголовном законе. К тому же нельзя не учитывать, что проблема сравнительной ценности объектов уголовно-правовой охраны в науке уголовного права фактически лишь обозначена, но не решена, а уголовно-правовая аксиология как область научных знаний, которая могла бы предложить такое решение, находится в зачаточном состоянии [4, с. 129-130].

Тем не менее знание специфики охраняемых общественных отношений как одной из подсистем объекта позволяет сделать вывод, во-первых, о том, во всех ли случаях при совершении того или иного преступления им причиняется вред, или могут быть ситуации, когда создается лишь угроза его причинения, во-вторых, о характере этого вреда, в-третьих, об оптимальных способах отражения его в законе. Размышляя над тем, как дать в уголовном законе представление о нарушении того или иного объекта, законодатель должен решить, достаточно ли для этого упомянуть о деянии либо необходимо ввести в состав общественно опасные последствия. Если вред охраняемым общественным отношениям причиняется во всех случаях совершения каких-либо деяний, то оптимальной представляется конструкция формального состава, в обратном случае целесообразно использовать конструкцию материального состава.

Применим изложенную теорию влияния объекта преступления на выбор за-

конодателем конструкции состава относительно преступлений против собственности и проанализируем обоснованность существующей конструкции указанных преступлений.

Вопрос о том, что надлежит относить к объекту преступлений, составы которых объединены в рамках главы 21 УК РФ, в юридической литературе не находит однозначного ответа, причем спектр мнений здесь довольно широк. Одни ученые исходят из того, что видовым объектом этих преступлений, как следует из названия главы, выступает собственность, и дискутируют лишь о том, как ее понимать: как экономическое явление, то есть общественные отношения, связанные с производством и распределением продуктов труда; как позитивное право; как явление, имеющее экономическую и правовую стороны и т.д. [5, с. 8-29]

Другие же исследователи полагают, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 21 УК РФ, имеют более широкий видовой объект. Так, А.И. Бойцов считает, что видовой объект этих преступлений не ограничивается лишь собственностью. «...Тезис о том, что отношения собственности суть отношения вещные, но собственностью вещные отношения не исчерпываются, — пишет он, — подводит к необходимости более широкого взгляда на видовой объект предусмотренных рассматриваемой главой посягательств, позволяя признать его политипным и выделить в его рамках две разновидности общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению вещественными объектами: а) отношения собственности в их непосредственном понимании, возникающие между собственником имущества и не-собственниками, обязанными воздерживаться от вмешательства в имущественную сферу собственника; б) иные вещные отношения, возникающие между лицом, не являющимся собственником, но имеющим ограниченные вещные права на данное имущество, и всеми иными лицами (кроме собственников), обязанными воздерживаться от нарушения имущественной сферы законного владельца уголовно запрещенными способами» [6, с. 63-64]. Более того, А.И. Бойцов обращает внимание на то, что глава 21 УК РФ включает

в себя отдельные нормы о преступлениях, посягающих на отношения, не являющиеся вещными (например, ст. 165 УК РФ) [6, с. 57]. Наконец, некоторые специалисты утверждают, что видовым объектом преступлений, составы которых размещены законодателем в главе 21 УК РФ, собственность вообще не является. В частности, В.В. Векленко указывает, что объектом уголовно-правовой охраны выступают отношения по поводу имущества, в связи с чем и глава должна называться «Преступления против чужого имущества» [7, с. 15]. Отношения собственности хотя и вплетены в данный видовой объект, но лишь постольку, поскольку с цивилистической точки зрения имущество выступает объектом различных гражданских прав, в числе которых и право собственности. Об имущественных отношениях как объекте уголовно-правовой охраны применительно к данному кругу преступлений пишет и А.Г. Безверхов [8, с. 9, 14-19].

Хотя анализ обоснованности различных позиций относительно видового объекта преступлений, ответственность за которые предусмотрена главой 21 УК РФ, не входит в предмет настоящего исследования, без обозначения того, что в рамках данной работы будет признаваться таким объектом, дальнейшие рассуждения невозможны. В части определения границ объекта уголовно-правовой охраны мы придерживаемся позиции А.И. Бойцова, который полагает, что «ядро общественных отношений, образующих видовой объект главы 21, безусловно, составляет собственность, служащая объединяющим началом и формирующим фактором (можно сказать, стержнем) всей структуры данной главы» [6, с. 57]. В то же время только этим видовой объект не исчерпывается, поскольку в него включаются и некоторые другие отношения, в частности иные вещные отношения. При этом собственность, на наш взгляд, нельзя сводить лишь к экономическим отношениям, ее следует понимать более широко — как совокупность экономических и правовых отношений. Именно такой подход к пониманию собственности представлен в работах С.А. Елисеева [5, с. 17-27].

Механизм причинения вреда собственности как объекту уголовно-правовой охраны детерминирован в первую очередь предметом преступления. Предмет пре-

ступления, входящий в структуру объекта, определяет качественную характеристику общественно опасных последствий, причиняемых воздействием на охраняемое общественное отношение. Поскольку предметом преступлений против собственности является чужое имущество, постольку причиняемый вред носит имущественный характер. «...Преступление против собственности (в любой его форме, предусмотренной уголовным законом), — пишет С.А. Елисеев, — является деянием, причиняющим ущерб как экономическим отношениям собственности (субъектно-объектным, субъектно-субъектным), так и правомочиям собственника» [5, с. 27]. «В результате его совершения, — уточняет он, — собственник утрачивает фактическое обладание своей вещью и тем самым терпит материальный (имущественный) ущерб, поскольку лишается возможности реально извлекать из нее те или иные полезные свойства. Собственник также теряет возможность принимать решения по поводу функционирования принадлежащего ему объекта собственности. <...> Юридическая сторона преступления против собственности заключается в нарушении юридического содержания отношений собственности — субъективного права собственности. Преступление нарушает это право как юридическое благо, предоставляющее субъекту общую правовую власть над принадлежащей ему вещью. В результате его совершения собственник практически не может осуществлять свои правомочия в отношении имущества, вышедшего из его обладания» [5, с. 25].

При этом очевидно, что фактически охраняемое общественное отношение (собственность) страдает не во всех случаях совершения рассматриваемых посягательств. Имущественный ущерб собственнику или иному владельцу причиняется далеко не всегда, так как попытка виновного завладеть чужим имуществом или, к примеру, уничтожить его может быть и неудачной. Поэтому при конструировании составов преступлений против собственности имеет смысл отразить в законе причинение вреда охраняемому общественному отношению. Сделать это можно лишь посредством включения в составы общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба. При решении вопро-

са о конструкции составов преступлений против собственности следует принять во внимание и сравнительную ценность рассматриваемого объекта: очевидно, она не столь высока, как ценность некоторых других охраняемых уголовным законом общественных отношений, например отношений в области безопасности жизни, здоровья, конституционного строя Российской Федерации. Следовательно, и в этом плане с учетом особенностей объекта составы преступлений против собственности более логично формулировать как материальные, а не как формальные.

Содержание охраняемых общественных отношений как одной из подсистем объекта преступлений против собственности не позволяет относить к числу материализованных общественно опасных последствий данных преступлений какие-либо другие виды вреда, кроме имущественного. В связи с этим высказываемые иногда в научной литературе предложения о включении в структуру последствий преступлений против собственности морального вреда представляются необоснованными.

В целом же можно прийти к выводу о том, что по общему правилу составы преступлений против собственности должны конструироваться как материальные с включением в них в качестве обязательного признака общественно опасных последствий.

Однако использование материальной конструкции состава хищения не разрешает один из основных вопросов квалификации хищения — определение момента его окончания, поскольку остается не ясным, в какой момент можно констатировать причинение имущественного ущерба.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002 г. N 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»^{*} разъясняет момент окончания хищения, указывая, что «кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)».

^{*} Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. N 2. С. 2.

Анализ современной судебной практики свидетельствует о том, что суды нередко делают вывод о наличии у виновного возможности пользоваться или распоряжаться похищенным лишь в том случае, если виновный скрылся с места совершения преступления с похищенным имуществом. Если же он был задержан на месте преступления или вблизи него, то содеянное, как правило, расценивают как покушение на хищение. В описательной части изученных приговоров нам, например, встретились следующие формулировки: «Крюков был задержан недалеко от места совершения преступления, что дает основания суду квалифицировать действия подсудимого как покушение на грабеж»^{**}; «виновные не смогли довести преступный умысел до конца, поскольку на расстоянии 15-20 метров от места совершения преступления они были замечены сотрудниками милиции, не имея реальной возможности распорядиться похищенным»^{***}.

Сложившееся положение с толкованием момента окончания хищения приводит к тому, что, как справедливо отмечает В.Н. Литовченко, происходит утрата объективного критерия момента окончания преступления и остается широкий простор для субъективных суждений в оценке достижения виновным реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распорядиться им по своему усмотрению [9, с. 50]. Подтверждением тому являются и некоторые примеры из судебной практики. Так, П. встретил на улице М., выхватил из ее рук сумку и побежал. Патрулировавший улицу наряд милиции проследовал за П. и через несколько минут тот был задержан. Октябрьский районный суд г. Барнаула квалифицировал действия П. как оконченное хищение, ссылаясь на то, что у последнего была возможность пользоваться или распоряжаться имуществом по своему усмотрению^{****}. Возникает, однако, вопрос: в какой момент преследования эта возможность появилась у виновного?

^{**} Дело N 1-415 // Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края за 2009 г.

^{***} Дело N 1-461 // Архив Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края за 2003 г.

^{****} Дело N 1-24 // Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула за 2005 г.

Следует констатировать, что определение Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения через такое оценочное понятие, как наличие у виновного реальной возможности пользоваться похищенным имуществом или распорядиться им по своему усмотрению, негативно сказывается на правоприменительной практике.

Несовершенство современного толкования Пленумом Верховного Суда РФ момента окончания хищения приводит к мысли о необходимости поиска иного способа разрешения обозначенной проблемы. По нашему мнению, новый подход к разрешению проблемы определения момента окончания хищения кроется в объекте хищения. Ведь объект преступления влияет не только на законодательную конструкцию состава преступления, но и на определение момента окончания преступления.

В частности, причинение вреда объекту преступления является неотъемлемым условием для признания преступления оконченным. Например, виновный, задержанный в квартире при незаконном изъятии чужого имущества, будет привлекаться к ответственности за покушение на кражу, поскольку отношения собственности вред еще не причинен.

Предложенный в рамках работы вывод о том, что составы преступлений

против собственности должны конструироваться по типу материального состава, предопределяет связь объекта преступления и преступных последствий, а именно: последствия должны отображать вред объекту преступления (например, последствия в виде причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества напрямую связаны с причинением вреда отношениям собственности как объекту преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ).

Таким образом, момент наступления имущественного ущерба должен связываться с моментом причинения вреда отношениям собственности, выступающим объектом соответствующих преступлений. Данные отношения нарушаются в момент лишения собственника возможности владеть, пользоваться или распоряжаться принадлежащим ему имуществом, когда имущество изымается у него виновным помимо или против его воли. Одновременно с нарушением отношений собственности изъятием имущества причиняется ущерб собственнику или иному владельцу имущества. Соответственно, именно с изъятием имущества из владения собственника или иного владельца следует связывать момент окончания хищения.

Список литературы

1. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. 244 с.
2. Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. N 2. С. 83-85.
3. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 281 с.
4. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 432 с.
5. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. Томск, 1999. 176 с.
6. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Векленко В.В. Преступления против собственности как уголовно-правовая фикция // Российский юридический журнал. 2000. N 3. С. 15-19.
8. Безверхов А.Г. Имущественные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. 42 с.
9. Литовченко В.Н. Уголовная ответственность за посягательства на социалистическую собственность (понятие хищения). М., 1985. 71 с.

References

1. Zemlyukov S.V. *Ugolovno-pravovye problemy prestupnogo vreda* [Legal problems of criminal harm]. Novosibirsk, 1991. 244 p.
2. Filimonov V.D. *Obstoyatel'stva, opredelyayushchie sodержanie i konstruktsiyu sostava prestupleniya* [Circumstances determining legal content and structure of the offense]. *Ugolovnoye pravo* – Criminal law, 2003, no. 2, pp. 83-85.
3. Filimonov V.D. *Norma ugodovnogo prava* [Criminal provision]. St. Petersburg: Yuridichesky tsentr Press Publ., 2004. 281 p.

4. Plaksina T.A. *Sotsial'nye osnovaniya kvalifitsiruyushchikh ubiystvo obstoyatel'stv i ikh yuridicheskoe vyrazhenie v priznakakh sostava prestupleniya* [Social determinants of aggravating circumstances of murder and their legal expression in the corpus delicti]. Barnaul: Publishing office of the Altai State University, 2006. 432 p.
5. Eliseev S.A. *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugovnomu zakonodatel'stvu Rossii* [Crimes against property under the criminal legislation of Russia]. Tomsk, 1999. 176 p.
6. Boytsov A.I. *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg, Yuridichesky tsentr Press Publ., 2002. 775 p.
7. Veklenko V.V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti kak ugovno-pravovaya fiktsiya* [Property crimes as a legal fiction in criminal law]. *Rossiyskiy yuridichesky jurnal* – Russian Legal Journal, 2000, no. 3. Pp. 15-19.
8. Bezverkhov A.G. *Imushchestvennye prestupleniya. Avtoref. Doct. Diss.* [Property crimes. Autoabstract Doct. Diss.]. Izhevsk, 2002. 42 p.
9. Litovchenko V.N. *Ugovnaya otvetstvennost' za posyagatel'stva na sotsialisticheskuyu sobstvennost' (ponyatie khishcheniya)* [Criminal responsibility of infringement of socialist property (the concept of theft)]. Moscow, 1985. 71 p.

МОРОЗОВ В.И., кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, vik-mor@mail.ru Кафедра правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	MOROZOV V.I., Candidate of Legal Sciences, associate professor, honoured lawyer of Russia, vik-mor@mail.ru Chair of the legal training of law enforcement officers'; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

ПОПОВА А.С., nastyapopova@inbox.ru Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, 625051, г. Тюмень, 30 лет Победы, 102	POPOVA A.S., nastyapopova@inbox.ru Chair of criminal law disciplines; Tyumen State Academy of World Economy, Management and Law, 30 let Pobedy St. 102, Tyumen, 625051, Russian Federation
---	--

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭВТАНАЗИИ: КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЗИЦИЯ РОССИИ?

Реферат. Показана проблема эвтаназии, занимающая особое место среди множества медицинских, правовых и религиозных проблем современного общества. Конституция РФ закрепляет право каждого на жизнь. Проводится мысль о том, что человеческая жизнь является главной ценностью современной цивилизации. Ценность человеческой жизни по отношению ко всем правовым и нравственным реалиям выводит проблему эвтаназии в ранг общечеловеческих глобальных проблем современности. Статья 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» запрещает медицинским работникам осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Приводятся аргументы (медицинская практика, исследования российских ученых), подтверждающие, что случаи совершения эвтаназии медицинскими работниками организаций здравоохранения любой формы собственности в России встречаются достаточно часто. Таким образом, проблема эвтаназии в медицине требует срочного правового решения, и закрывать на нее глаза больше нельзя. В 2007 году депутатами Мосгордумы были предприняты попытки создания законопроекта об эвтаназии, а именно детальной процедуре ее осуществления, однако многие общественные деятели и медики отнеслись к подобному решению как к шагу легализации эвтаназии. Обосновывается позиция, согласно которой легализация эвтаназии на законодательном уровне лишит государство стимула для финансирования исследований по поиску эффективных средств лечения. Дополнительно аргументируется актуальность проблемы причинения смерти тяжелобольным гражданам медицинскими работниками вопреки положениям действующего законодательства. Проводится детальное отграничение эвтаназии от составов преступлений: неоказание помощи больному, оставление в опасности, а также от согласия потерпевшего на причинение вреда как обстоятельства, исключающего преступность деяния, крайней необходимости и обоснованного риска. С учетом высказанных учеными позиций формулируются рекомендации по предупреждению эвтаназии в Российской Федерации.

Ключевые слова: понятие, формы, аспекты эвтаназии; критерии отграничения от других составов преступлений; ответственность в законодательстве зарубежных стран; профилактические мероприятия по предупреждению эвтаназии.

LEGAL REGULATION OF EUTHANASIA: WHAT POSITION SHOULD RUSSIA ADHERE TO?

Abstract. The problem of euthanasia being one of the topical among numerous medical, legal and religious problems of modern society is studied. According to the RF Constitution everyone has the right to life. The human life is regarded as supreme value of our civilization. Due to this fact the problem of euthanasia becomes the universal problem. Article 45 of the Federal Law "On the principles of RF citizens' health care" forbids health care professionals to conduct euthanasia (an act of putting to death painlessly or allowing to die, as by withholding extreme medical measures, patient to relieve their intractable suffering). Some arguments (medical practice, Russian scientists' researches) proving the frequent use of euthanasia in Russian medical institutions of any pattern of ownership are adduced. Thus, the euthanasia problem requires urgent legal solution. In 2007, Moscow City Duma deputies attempted to propose legislative draft on euthanasia, including its detailed procedure. Many public figures and health care providers interpreted it as a step to euthanasia legalization. The author proves that euthanasia legalizing could cause the state to lose its incentive to finance the search after new effective remedies. The problem of intentionally ending a life of terminally ill person by the health professionals contrary to existing legislation provisions is considered as urgent. The authors distinguish euthanasia from such crimes as: failure to render medical assistance, leaving in danger, victim's consent to bodily injury as an extreme and reasonable risky circumstance precluding criminal act. Some proposals on euthanasia prevention in Russian Federation are made.

Keywords: concept, forms, aspects of euthanasia; criteria for distinguishing from other crimes; responsibility in foreign countries legislation; euthanasia preventive measures.

Проблема эвтаназии относится к числу малоизученных, о чем говорит недостаточное количество специальных монографических исследований, полно и объективно отражающих правовой, и в частности уголовно-правовой аспект эвтаназии. Тем не менее существует большой массив литературы, так или иначе затрагивающей данную проблематику, носящий фрагментарный, публицистический характер, раскрывающий лишь отдельные аспекты проблемы, что, в свою очередь, затрудняет либо делает абсолютно невозможным использование полученных выводов в правовой сфере.

Термин «эвтаназия» составной, он образован путем соединения двух греческих слов: прилагательного «ев» — благо, или эпитетического «ев», что значит добрый, красивый, доблестный, благородный, и слова «thanatos» — смерть. Этот термин введен в научный оборот в XVI веке английским философом Ф. Бэконом.

В медицинской, философской и правовой литературе эвтаназия толкуется по-разному: «безболезненный, щадящий и избавляющий от страданий необратимый исход в небытие»; «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий»; «социальное действие, приводящее к смерти безнадежно больного человека относительно быстрым и безболезненным путем с целью

прекращения страданий» [1, с. 19]. Однако ни в одном из определений не говорится о субъекте, осуществляющем эвтаназию. По нашему мнению, таким субъектом может быть только медицинский работник (врач, фельдшер, медицинская сестра). Если же соответствующие действия (бездействие) совершают иные лица, например родственники больного, то эти случаи следует рассматривать не с позиции эвтаназии, а с позиции более широкого по смыслу понятия — согласия потерпевшего на причинение смерти путем ассистированного суицида (самоубийство, осуществляемое с помощью другого лица).

В качестве основного критерия для классификации форм эвтаназии следует принять характер действий, направленных на умышленное умерщвление больного. С учетом данного критерия эвтаназия может осуществляться в двух формах: активной и пассивной.

Материальные предпосылки, при наличии которых деяние может быть отнесено к активной эвтаназии, следующие:

- действие совершено умышленно;
- установлена неизлечимость пациента, т.е. последний должен быть безнадежно больным человеком с предполагаемым летальным исходом;
- продолжительность применения методов и средств лечения;

- наличие у больного невыносимых физических страданий;

- отсутствие эффективных мер по облегчению страданий больного;

- обязательно наличие добровольной просьбы больного об эвтаназии.

Критерии, при наличии которых деяние может быть отнесено к пассивной эвтаназии:

- бездействие медицинского работника или иного лица;

- наличие у больного неизлечимого заболевания с предполагаемым летальным исходом;

- продолжительность применения методов и средств лечения;

- невозможность нормальной жизнедеятельности без специальной медицинской аппаратуры;

- наличие у больного невыносимых физических страданий;

- обязательное наличие добровольной просьбы больного об эвтаназии [2, с. 427].

Рассмотрение такого явления, как эвтаназия, невозможно без анализа ее аспектов, среди которых обычно выделяют биолого-медицинский, морально-этический, юридический и религиозный.

Морально-этический аспект рассматривался в трудах И.В. Абея, Т.И. Грековой, С.О. Иссика, П.В. Корнеева и др. Большинство ученых считают, что активная эвтаназия противоречит принципам гуманизма и предназначению медицины. Ценность человеческой жизни побуждает бороться за нее даже вопреки объективным медицинским законам и в самых безнадежных ситуациях (причем медицинская практика богата случаями исцеления самых безнадежных больных).

Именно сильные боли становятся обычно причиной просьбы больного ускорить наступление смерти, а потому она является вынужденной и неискренней. Врач должен противостоять им с помощью богатого выбора обезболивающих средств, которыми сегодня располагает медицина, а не идти на поводу у больного. Многие ученые опасаются, что формальное разрешение эвтаназии может стать определенным психологическим тормозом для поиска новых, более эффективных средств диагностики и лечения тяжелобольных, а также способствовать недобросовестности

в оказании медицинской помощи таким больным. И в этом еще одна из причин необходимости правового регулирования данного вопроса. Более распространено мнение, согласно которому эвтаназия с моральной точки зрения допустима только в исключительных случаях, но в таких случаях следует ее узаконить.

Юридический аспект рассматривался следующими авторами: А.Г. Бабичевым, А.Н. Ворониным, С.В. Глушковым, А.А. Жижиленко, О.С. Капинус, А.В. Наумовым и др. Деятнадцатое столетие положило начало дискуссии по поводу вопроса об убийстве из сострадания, о влиянии согласия потерпевшего на квалификацию убийства. На диссертационном уровне исследованием влияния согласия потерпевшего на квалификацию убийства впервые занялся Р. Пферсдорф, за ним — К. Иости [3; 4]. Первая монография, посвященная этой проблеме, написана К. Кеслером в 1884 г. [5]. В 1895 г. А. Йост опубликовал работу «Право на смерть», а в 1908 г. вышла в свет книга К. Хиллера «Право на самого себя» [6; 7].

В начале XX столетия в Германии юрист К. Биндинг и психиатр А. Гохе предложили называть эвтаназией уничтожение так называемых «неполноценных» жизней. Такая чудовищная интерпретация понятия «эвтаназия» получила позже широкое распространение в фашистской Германии и в захваченных ею странах. Начав с одобрения эвтаназии как привилегии для неизлечимо больных арийцев, в сентябре 1939 года Гитлер подписал секретный указ, согласно которому эвтаназии следовало подвергнуть все «формы жизни, которые недостойны жизни». Вопрос о «недостойности» в каждом случае решался врачебной «тройкой». В результате в течение 2 лет было уничтожено, согласно разным источникам, от 100 000 до 275 000 человек. Программа была формально закрыта после того, как 3 августа 1941 года епископ Клеменс фон Гален в своей проповеди назвал нацистскую эвтаназийную программу «чистейшим убийством». Международный военный трибунал в Нюрнберге квалифицировал эти действия как преступления против человечества. Вследствие этого идея любой эвтаназии была очень серьезно скомпрометирована немецкими национал-социалистами. С тех пор один из главных ар-

гументов противников эвтаназии — возможность злоупотреблений, вплоть до уничтожения всех недееспособных [8].

Медико-биологический аспект эвтаназии в своих работах рассматривали Н.М. Амосов, Г.А. Маскаленко и др. Аргументы медиков — противников эвтаназии основываются на врачебной практике. Во-первых, медицине известны факты «самопроизвольного излечения» от рака. Во-вторых, практика военных врачей свидетельствует о способности человека приспособляться к жизни, несмотря на инвалидность (ампутация ног, рук). В-третьих, принятие смерти как «вида» медицинского лечения (боли, страдания) может оказаться мощным препятствием на пути развития самого медицинского знания, которое постоянно стимулируется «борьбой со смертью».

Врач изначально — спаситель жизни. Умерщвление противоречит этой роли. Однако среди врачей есть те, кто оправдывает эвтаназию как способ избавления от мучений. По мнению заведующего кафедрой фармакологии Московской медицинской академии им. И.И. Сеченова профессора А. Кудрина, «лишение больного жизни с целью помочь прекратить мучения вполне обосновано и даже необходимо, если: заболевание делает больного недееспособным и причиняет страдания ему и окружающим; консилиум врачей выносит заключение, что данное заболевание смертельно, вылечить его невозможно; в письменном заявлении главному врачу сам больной просит применить эвтаназию; близкие и родственники согласны с его решением» [9, с. 17].

В России действует Этический кодекс российского врача, ст. 14 которого гласит: «эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента по его просьбе или по просьбе его близких, недопустима, в том числе и в форме пассивной эвтаназии. Под пассивной эвтаназией понимается прекращение лечебных действий у постели умирающего больного. Врач обязан облегчить страдания умирающего всеми доступными и легальными способами»*.

* Этический кодекс российского врача (утвержден 4-ой Конференцией Ассоциации врачей России, Москва, Россия, ноябрь 1994 г.). URL: <http://www.avlo.gekkon.net>

Религиозный аспект проблемы эвтаназии отражен в трудах Т.Н. Грековой, иерея Максима Обухова, Е.В. Карамзина и др. Библейское «не убий» неразрывно связано с отрицательным отношением христианства к самоубийству. Церковь говорит об обреченности самоубийцы на вечную гибель, отказывает им в погребении по христианскому обряду. Жесткость христианского отношения к самоубийству вообще и к эвтаназии в частности связана с жизнеобеспечивающими основаниями социального бытия человека.

Отметим, что Русская православная церковь в лице Церковно-общественного совета по биомедицинской этике недвусмысленно выразила свое отношение к этому явлению. В заявлении совета «О современных тенденциях легализации эвтаназии» говорится: «Православные священнослужители, ученые, врачи считают недопустимым реализацию любых попыток эвтаназии, как действия по намеренному умерщвлению безнадежно больных людей». В социальной доктрине Русской православной церкви, принятой в августе 2000 г., эвтаназия определяется исключительно как особая форма убийства или самоубийства, либо сочетание того и другого.

Таким образом, неоднозначность понятия эвтаназии закономерно содержит комплекс взаимосвязанных аспектов (этический, медицинский, правовой, религиозный), которые невозможно рассматривать по отдельности. Каждый из аспектов наполнен полярными мнениями. Вероятно, все это и сказывается на невозможности принять однозначное решение по вопросу эвтаназии [10].

Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.)** рассматривает право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека. В российском законодательстве право на жизнь впервые провозглашено в 1991 году в Декларации прав и свобод человека и граж-

** Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 дек. 1966 г.). Пакт открыт для подписания, ратификации и присоединения 16 дек. 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII.

данина*. Жизнь человека заняла особое место и в числе объектов уголовно-правовой охраны. В части 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации сказано, что «каждый имеет право на жизнь»**. Но признание права человека на жизнь логически означает и признание его права на смерть.

Статья 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Закон) устанавливает для медицинских работников запрет на осуществление эвтаназии, т.е. ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента***. В то же время предусматривается возможность «добровольного отказа от медицинской помощи» (ст. 20 Закона), что может рассматриваться как пассивная эвтаназия.

В начале 2000-х годов рабочая группа движения «Российские радикалы» несколько лет подряд пыталась вынести на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации законопроект «Об эвтаназии».

В 2006 году депутаты Московской городской думы выступили с инициативой отвести эвтаназии отдельное место в УК РФ. Законопроект, предложенный Мосгордумой, предусматривал достаточно мягкое наказание: за причастность к эвтаназии медицинского работника — установить ответственность в виде ограничения свободы на срок до 2 лет с лишением права занимать должность на срок до 2 лет, а иных лиц — ограничения свободы на срок до 3 лет или лишения права занимать должность на срок от 3 до 7 лет.

* О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление ВС РСФСР от 22 нояб. 1991 г. N 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. N 52.

** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. 21 янв.

*** Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб.

В апреле 2007 года в СМИ появилась информация о том, что в Совете Федерации готовится проект закона об эвтаназии с подробным описанием предполагаемой процедуры [11]. Инициатор документа — председатель комитета по социальной политике Совета Федерации, сенатор В. Петренко — подчеркивала, что эвтаназия в России может быть применена в «исключительных случаях», а именно если об этом попросит сам тяжелобольной человек. При этом больной должен заявить о своем решении уйти из жизни лечащему врачу, написать на его имя заявление и заверить его у нотариуса. Далее данное заявление будет рассматривать медицинский консилиум, который должен подтвердить диагноз. Следующая инстанция — специальный совет по эвтаназии при местном органе исполнительной власти, куда должны входить медики, прокуроры, адвокаты и общественные деятели. Совет в течение двух месяцев будет изучать историю болезни заявителя и проверять, не принято ли его решение под чьим-то влиянием. Если все окажется «чисто», то больному будет введена повышенная доза обезболивающего, в результате чего отключится мозг и наступит смерть [11]. После того как многие общественные деятели и медики отнеслись к подобному решению как к шагу легализации эвтаназии, В. Петренко уточнила, что речь идет только об обсуждении материалов по данному вопросу, поводом к которому послужили многочисленные обращения граждан. Ее слова подтвердил председатель Совета Федерации С. Миронов.

В России отключение от аппаратов жизнеобеспечения, пусть даже и тяжелобольного человека, будет квалифицировано по ст. 105 УК РФ (убийство), которая предполагает назначение наказания в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Мотив сострадания, указанный в перечне привилегированных обстоятельств, предусмотренных в ст. 61 УК РФ, может быть учтен лишь при назначении наказания виновному лицу, но не при квалификации деяния. Убийство по мотиву сострадания квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, т.е. как простое убийство. Что касается склонения к эвтаназии, то УК РФ не

предусматривает ответственности за такое деяние. Предусмотрен лишь состав доведения до самоубийства (ст. 110), предполагающего определенный способ его совершения. По мнению М. Котовой, под склонением больного к эвтаназии следует понимать возбуждение в нем решимости уйти из жизни и обратиться с просьбой об эвтаназии к медицинскому работнику. Подобные действия нельзя рассматривать с позиции института соучастия или какого-либо другого уголовно-правового института. Даже если признать акт эвтаназии формой самоубийства при помощи врача, то и в этом случае нельзя привлечь к ответственности лицо, склонившее больного к эвтаназии [12].

Очевидно, что по ряду признаков эвтаназия тождественна убийству. Вместе с тем особенности эвтаназии не позволяют полностью отождествлять это деяние с убийством, квалифицируемым по ст. 105 УК РФ, поскольку тем самым нарушается один из основополагающих принципов уголовного права, а именно принцип справедливости, требующий, чтобы наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, соответствовали характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Это обуславливает необходимость выделения эвтаназии в самостоятельный состав убийства со смягчающими обстоятельствами путем дополнения УК РФ специальной нормой (носящей привилегированный характер), в которой законодатель, помимо установления ответственности за эвтаназию, дифференцировал бы ее в зависимости от формы осуществления.

Ю.А. Чернышева предложила выделить эвтаназию в самостоятельный состав менее опасного вида убийства, при этом дополнить УК РФ специальной статьей, которая будет носить привилегированный характер, где отличием от простого преступления является объект преступления — жизнь неизлечимо больного человека [13, с. 26].

Основным критерием отграничения эвтаназии от неоказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) и оставления в опасности (ст. 125 УК РФ) является субъективная сторона этих составов преступлений. По

сути, эвтаназия — это убийство по мотиву сострадания, и оно должно указывать мотив и цель содеянного.

С субъективной стороны эвтаназия совершается с прямым умыслом, который направлен на лишение жизни больного.

Что касается неоказания помощи больному, то субъективной стороной данного деяния является прямой умысел: виновный осознает, что не оказывает помощь больному и желает уклониться от выполнения своих обязанностей, хотя имеет возможность оказать такую помощь.

Субъективной стороной деяния, предусмотренного ст. 125 УК РФ (оставление в опасности), является прямой умысел. Виновный осознает, что он, будучи обязанным оказать помощь лицу, заведомо находящемуся в опасном для жизни и здоровья положении, и имея возможность оказать эту помощь, желает уклониться от нее и уклоняется.

В отличие от деяний, предусмотренных ст.ст. 124 и 125 УК РФ, в случае эвтаназии имеет место прежде всего добровольное волеизъявление пациента, который желает уйти из жизни.

У эвтаназии и преступлений, предусмотренных ст.ст. 124 и 125 УК РФ, схожа объективная сторона, а именно бездействие.

Оставление в опасности и неоказание помощи больному имеют с эвтаназией похожие признаки:

- все эти действия осуществляются умышленно;

- совпадает объективная сторона — бездействие.

Критерием отграничения эвтаназии от неоказания помощи больному и оставления в опасности является субъективная сторона данных деяний.

Субъективная сторона убийства по просьбе потерпевшего включает в себя прямой умысел на лишение жизни неизлечимо больного человека с указанием мотива сострадания.

Субъективная сторона деяний, квалифицируемых по ст.ст. 124, 125 УК РФ, не предполагает особого отношения к потерпевшему, т.е. сострадания.

Следующим составом преступления является согласие потерпевшего на причинение вреда как обстоятельство, исключющее преступность деяния. Основным признаком общего понятия обстоятельств,

исключающих преступность деяния, заключается в том, что все они представляют собой сознательные и волевые поступки в форме действия или бездействия, вызванные определенными основаниями.

Современная российская правовая доктрина не рассматривает согласие лица лишиться жизни как обстоятельство, исключающее преступность в действиях лица, исполнившего такую просьбу.

Законодательное признание эвтаназии поможет избежать таких проблем, т.к. ее будет осуществлять специально обученный для такого акта медицинский персонал. В настоящее время в Законе (ст. 45) указано, что медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии.

Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и осуществляет ее, не может ссылаться на согласие потерпевшего и подлежит уголовной ответственности по статье 105 УК РФ.

Еще одним обстоятельством, исключающим преступность деяния, является крайняя необходимость.

Институт крайней необходимости предполагает правомерное причинение вреда в качестве «инструмента» защиты как собственных, так и иных социально значимых благ.

Сравнивая признаки крайней необходимости и эвтаназии, следует определить их различия:

1) при крайней необходимости угроза общественным отношениям не может быть устранена иначе, как причинением вреда охраняемым законом интересам других. При эвтаназии учитываются только интересы одной личности — неизлечимо больного человека;

2) при крайней необходимости все действия характеризуются своевременностью, т.е. выполнением в промежутке времени между возникновением угрозы и ее устранением. При эвтаназии временные границы отсутствуют, т.к. речь идет об избавлении человека от невыносимых страданий;

3) для крайней необходимости причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный. Что же касается эвтаназии, то размер вреда предотвращенного (непереносимые страдания) больше причиненного (быстрая, безболезненная смерть).

Эвтаназию следует ограничивать от обоснованного риска.

Понятие обоснованного риска дается в ч. 2 ст. 41 УК РФ: риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия (ч. 3 ст. 41 УК РФ). Надеясь на то, что мучения и страдания прекратятся, человек идет на самый отчаянный шаг и, рискуя жизнью, выбирает эвтаназию.

Сравнивая эвтаназию с обоснованным риском, можно говорить о том, что человек сознательно идет на то, что избавляет себя от физических страданий. Цель не может быть достигнута иным путем, как через смерть. В этом есть сходство обоснованного риска с эвтаназией. Но также есть и отличия, а именно:

1) важным признаком обоснованного риска является достижение общественно полезных целей, а в случае эвтаназии речь идет о конкретном человеке, о его жизни;

2) при обоснованном риске он не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни. В нашем случае речь как раз об угрозе жизни, более того, неизлечимо больной человек самостоятельно, обдуманно идет на смерть;

3) лицо, совершившее определенные действия при обоснованном риске для достижения общественно полезных целей, освобождается от уголовной ответственности. Лицо, assistiрующее потерпевшему в осуществлении акта эвтаназии, подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Иными словами, обоснованный риск в случае с эвтаназией будет являться риском смертельным.

В некоторых зарубежных государствах убийство по мотиву сострадания, совершенное по просьбе потерпевшего, представляет собой самостоятельный привилегированный вид умышленного причинения смерти. В этих случаях уголовное законодательство предусматривает более мягкое наказание по сравнению с тем,

которое назначается за простое или квалифицированное убийство. Те государства, в которых предусмотрен привилегированный вид убийства, совершенного по просьбе потерпевшего, как правило, включают в свои уголовные кодексы и составы пособничества самоубийству либо склонения к нему. Помощь другому лицу в самоубийстве наказывается в Австрии (§ 78 УК Австрии) и в Дании (§ 240 УК Дании). В УК Швейцарии установлена уголовная ответственность за пособничество самоубийству, совершенное из корыстных побуждений (ст. 115). Согласно УК Польши, тот, кто путем уговоров или оказания помощи доводит человека до покушения на свою жизнь, подлежит наказанию лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет (ст. 151).

Наряду с мотивом и целью в качестве обязательного элемента юридической конструкции рассматриваемого преступления в уголовных кодексах ряда зарубежных стран нередко выступает объективная характеристика состояния потерпевшего. Так, УК Азербайджана характеризует потерпевшего как «больного», УК Грузии — как «умирающего», УК Перу — как «неизлечимо больного», УК Колумбии говорит о «сильных страданиях, причиняемых телесными повреждениями или тяжелой и неизлечимой болезнью». УК Испании обуславливает применение нормы об убийстве по просьбе потерпевшего тем, что жертва «страдала от тяжелой болезни, определенно приведшей бы к смерти или причиняющей ей постоянные тяжкие страдания».

Вместе с тем уголовные кодексы таких зарубежных стран, как Германия, Нидерланды, Португалия, Корея, предусматривают специальную норму об убийстве по просьбе потерпевшего без указания на его мотивы или цели. Так, УК ФРГ устанавливает: «кто убивает другое лицо в результате категорической и настойчивой просьбы потерпевшего лишить его жизни, тот наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до пяти лет» (ст. 216) [14, с. 200].

Особое внимание следует обратить на различия законодательного определения способа выражения больным своего требования или согласия о применении к нему акта эвтаназии. Так, в УК Польши говорится о «требовании»; в УК Германии

— о «категорической и настойчивой просьбе потерпевшего»; в УК Швейцарии — о «серьезном и настойчивом требовании»; УК Испании характеризует просьбу как «настойчивую, серьезную и ясную»; в УК Перу подчеркивается, что просьба должна быть «явно выраженной»; в УК Грузии отмечается необходимость соответствия требования больного «подлинной его воле».

Полагаем, что столь тщательные формулировки призваны исключить вероятность как фальсификации волеизъявления потерпевшего, так и использования виновным необдуманного, скоропалительного заявления, сделанного потерпевшим в состоянии фрустрации.

Проведенное нами сравнительно-правовое исследование показывает, что уголовное законодательство подавляющего большинства зарубежных государств в нормах об ответственности за эвтаназию не учитывает такую ее форму, которая совершается хотя и по мотиву сострадания, однако без наличия на то просьбы или согласия потерпевшего. Исключение составляет лишь УК Колумбии, где в ст. 326 «Убийство из сострадания» не упоминается о необходимости наличия просьбы потерпевшего.

Между тем в наше время проявление такой формы эвтаназии отнюдь не редкость. В современных клиниках можно годами поддерживать жизнь больного даже при полном угасании функций головного мозга. В силу этого врачи по своей инициативе или по просьбе близких родственников таких больных порой вынуждены отключать средства поддержания жизни больного, то есть фактически осуществлять пассивную эвтаназию.

Наконец, необходимо указать и на существенные различия санкций норм, предусматривающих ответственность за данное деяние, которые, как правило, отражают господствующие в данном государстве представления о степени общественной опасности эвтаназии. Так, согласно УК Перу, Португалии, Колумбии убийство по просьбе потерпевшего наказывается лишением свободы на срок до трех лет; Германии, Грузии — до пяти лет; Кореи — до десяти лет. УК Азербайджана предусматривает за эвтаназию наказание в виде исправительных работ на срок до двух лет либо лишение свободы на срок до трех лет.

Как было отмечено выше, в некоторых странах ответственность за пассивную форму эвтаназии значительно строже, нежели за ее активную форму. Так, за пассивную эвтаназию в виде оказания помощи в самоубийстве (если оно повлекло летальный исход) виновному грозит: в Португалии — до трех лет лишения свободы; в Перу — до четырех лет; в Испании — до пяти лет; в Колумбии и Бразилии — до шести лет; в Венесуэле и Республике Корея — до десяти лет; в Италии — до двенадцати лет; в Канаде — до четырнадцати лет лишения свободы [14, с. 206].

Исключение составляет польский законодатель, который в ряде случаев вопрос о наказуемости эвтаназии оставляет на усмотрение правоприменителя. Так, согласно ст. 150 УК Польши, «лицо, убившее человека по его требованию и под влиянием сочувствия к нему, подлежит наказанию лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет, однако в исключительных случаях суд может применить чрезвычайное смягчение наказания и даже отказаться от его исполнения».

Этот краткий анализ законодательного опыта зарубежных стран об установлении ответственности за эвтаназию показывает, что в абсолютном их большинстве любая форма эвтаназии квалифицируется как преступление. Однако, в отличие от России, законодатели подавляющего большинства стран мира включили в свои уголовные кодексы специальные привилегированные нормы об ответственности за анализируемое деяние.

Так, 13 февраля 2014 года в Бельгии принят закон об эвтаназии для несовершеннолетних. Указанный закон предусматривает право несовершеннолетнего, способного принять самостоятельное решение и находящегося в терминальной стадии болезни, причиняющей ему непереносимые физические и душевные страдания, подать прошение об эвтаназии. Такое прошение должно быть подано с письменного согласия родителей либо самими родителями при недееспособности ребенка, а также при рекомендации лечащего врача. В отличие от голландского законодательства, предусматривающего намеренное ускорение смерти неизлечимо больного с 12 лет, в законе Бельгии такой возраст несовершеннолетнего не оговорен.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. В современном обществе остро стоит проблема эвтаназии. Понятие эвтаназии носит крайне противоречивый характер.

По мнению Ю.А. Чернышевой, для предупреждения эвтаназии целесообразно будет во всех медицинских учреждениях ввести программы по ее профилактике, а именно провести мероприятия по разъяснению медицинскому персоналу его ответственности за содействие и проведение акта эвтаназии. Такие мероприятия должны проводиться органами внутренних дел, т.к. полиция обязана предотвращать и пресекать преступления и административные правонарушения.

Еще одним профилактическим мероприятием является ежеквартальная проверка участковым уполномоченным ОВД совместно с медицинским работником неизлечимо больных людей на предмет предупреждения эвтаназии. Участковому уполномоченному полиции на вверенном ему участке более доступна информация о проживающих на нем гражданах. Важное место в системе этой профилактики должно быть отведено родственникам неизлечимо больного человека, с которыми также проводится разъяснительная работа по вопросу эвтаназии.

Кроме того, Ю.А. Чернышева предлагает такую меру предупреждения эвтаназии, как проведение разъяснительных мероприятий и с лечащим врачом, и с неизлечимо больным человеком. В работе с неизлечимо больным человеком должен быть задействован психолог для оказания психологической поддержки [13, с. 26].

В.И. Акопов и Е.Н. Маслов считают, что необходимо однозначное правовое решение вопроса об эвтаназии с указанием недопустимости применения активной эвтаназии и перечня условий разрешения в исключительных случаях пассивной эвтаназии. Принятие такого решения и осуществление эвтаназии должно быть в строгом соответствии с порядком, который с учетом опыта других стран должен быть разработан юристами и медиками и утвержден соответствующими министерствами. Несмотря на то, что в настоящее время ни в какой форме эвтаназия в нашей стране не может быть разрешена, от легализации этой проблемы не уйти. Решение ее

надо начинать с правового обеспечения и разработки порядка жесткого контроля за каждым случаем эвтаназии. А пока врачам надо помнить, что побуждение и осуществление любой формы эвтаназии в соответствии с законодательством Российской Федерации является преступлением. Отказ от медицинского вмешательства во избежание неоднозначной трактовки должен быть обоснован и правильно документально оформлен [15, с. 121].

Таким образом, с учетом отечественной правовой мысли, законодательного опыта зарубежных стран, а также анализа точек зрения ученых по данной проблеме предлагаем дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации нормой, предусматривающей ответственность за привилегированный состав убийства, совершенного по мотиву сострадания и просьбе потерпевшего, в следующей редакции:

Статья 105.1. Убийство по мотиву сострадания (эвтаназия)

1. Убийство неизлечимо больного человека по его добровольной просьбе,

совершенное по мотиву сострадания с целью избавления больного от невыносимых физических страданий, вызванных имеющимся заболеванием, при отсутствии эффективных мер к облегчению страданий больного, —

наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, —

наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Список литературы

1. Крылова Н.Е. Эвтаназия: уголовно-правовой аспект // Вестник Московского университета. Сер. 11: «Право». 2000. N 2. С. 19-20.
2. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М., 2000. 472 с.
3. Pfersdorf P. Die Einwilligung des Verletzten als Strafanschlussgrund. Diss. 1897.
4. Josti K. Die Einwilligung des Verletzten. Diss. Bernburg, 1899.
5. Kesler K. Die Einwilligung des Verletzten in ihrer strafrechtlichen Bedeutung. Berlin und Leipzig, 1884.
6. Jost A. Das Recht auf den Tod: Sociale Studie. Göttingen, 1895.
7. Hillur K. Das Recht über sich selbst. Heidelberg, 1908.
8. Жарова М.Н. Этические проблемы окончания жизни человека [Электронный ресурс] // RELGA. 2010. N 10 [208]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2668&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 20 янв. 2014 г.).
9. Лобастов О.С. Об эвтаназии // Военно-медицинский журнал. 2001. Т. 322. N 2. С. 16-19.
10. Церковно-общественный совет по биомедицинской этике: Заявление «О современных тенденциях легализации эвтаназии» // Православная газета. 1999. Май.
11. Героева А., Коробов П. Законотворчество не на жизнь, а на смерть // Коммерсантъ. 2007. 17 апр.
12. Котова М. Эвтаназия: сочувствие тяжело больному или преступление? // СЛОВО. 2013. N 46 (1065).
13. Чернышева Ю.А. Уголовно-правовые вопросы причинения смерти потерпевшему по его просьбе (эвтаназия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008, 26 с.
14. Капинус О.С. Эвтаназия как социально-правовое явление: монография. М.: Буквоед, 2006, 400 с.
15. Акопов В.И., Маслов Е.Н. Право в медицине. М.: Книга-Сервис, 2002. 352 с.

References

1. Krihlova N.E. Ehtanaziya: ugodovno-pravovoy aspekt [Euthanasia: criminal and legal aspect]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 11: "Pravo"* – Vestnik of Moscow University. Series 11: "Law", 2000, no. 2, pp. 19-20.
2. Guseynov A.A., Apresyan R.G. *Ehtika* [Ethics]. Moscow, 2000. 472 p.
3. Pfersdorf P. Die Einwilligung des Verletzten als Strafanschlussgrund. Diss. 1897.
4. Josti K. Die Einwilligung des Verletzten. Diss. Bernburg, 1899.
5. Kesler K. Die Einwilligung des Verletzten in ihrer strafrechtlichen Bedeutung. Berlin und Leipzig, 1884.

6. Jost A. Das Recht auf den Tod: Sociale Studie. Gottingen, 1895.
7. Hillur K. Das Recht über sichselbst. Heidelberg, 1908.
8. Zharova M.N. Ehticheskie problemih okonchaniya zhizni cheloveka [Ethical problems of end of life]. *RELGA* – RELGA, 2010, no. 10 [208]. Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2668&level1=main&level2=articles> (Accessed 20 January 2014).
9. Lobastov O.S. Ob ehvtanazii [On euthanasia]. *Voenno-meditsinskiy zhurnal* – Military medical journal, 2001. Vol. 322, no. 2, pp. 16-19.
10. Tserkovno-obshchestvennyy sovet po biomeditsinskoy etike: Zayavlenie «O sovremennykh tendentsiyakh legalizatsii evtanazii» [Church-public Council for biomedical ethics: the Statement «About modern trends of the legalization of euthanasia»]. *Pravoslavnaya gazeta* – The Orthodox newspaper, 1999, May.
11. Geroeva A., Korobov P. Zakonotvorchestvo ne na zhizn', a na smert' [Lawmaking is not a life and death]. *Kommersant* – Kommersant, 2007, 17 April.
12. Kotova M. Ehvtanaziya: sochuvstvie tyazheloboljnomu ili prestuplenie? [Euthanasia: sympathy for the seriously ill or crime?]. *SLOVO – WORD*, 2013, no. 46 (1065).
13. Chernishsheva Yu.A. *Ugolovno-pravoviye voprosy prichineniya smerti poterpevshemu po ego prosjbe (ehvtanaziya). Avtoref. Cand. Diss.* [Criminal-legal issues of causing the death of the victim by his request (euthanasia). Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2008, 26 p.
14. Kapinus O.S. *Evtanaziya kak sotsial'no-pravovoe yavlenie* [Euthanasia as a social and legal phenomenon]. Moscow, Bukvoved Publ., 2006. 400 p.
15. Akopov V.I., Maslov E.N. *Pravo v medicine* [Right in medicine]. Moscow, Kniga-Servis Publ., 2002. 352 p.

ОСОКИН Р.Б.,
кандидат юридических наук, доцент,
osokinr@mail.ru
Управление организации научной
и редакционно-издательской
деятельности;
Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
117437, Москва, Академика Волгина, 12

OSOKIN R.B.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
osokinr@mail.ru
Department of organization of scientific
and editorial-and-publishing activities;
Moscow University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Academician Volgin St. 12, Moscow, 117437,
Russian Federation.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗАНЯТИЯ ПРОСТИТУЦИЕЙ)

Реферат. Исследуется роль и значение общественного мнения как условия криминализации деяний (на примере занятия проституцией), рассматриваются разновидности государственного контроля над проституцией. Приводятся позиции российских ученых относительно эффективности тех или иных механизмов контроля над проституцией. Отмечается неразработанность в теории уголовного права природы и значения условий криминализации деяний, без знания которых невозможно выбрать правильный вектор криминализации общественно опасных деяний. Раскрывается три подхода к государственному контролю над проституцией: административно-правовое регулирование, уголовно-правовое регулирование, законодательное разрешение (легализация) проституции. Подчеркивается, что для дискуссии о выборе вида государственного контроля над проституцией весьма полезно изучение мнения российских граждан. В подтверждение тезиса о том, что общественное мнение является показателем развития общества, отражением степени признания и утверждения общечеловеческих, нравственных ценностей, приводятся результаты социологического опроса об отношении российских граждан к проституции. По результатам опроса следует вывод, что общество не едино в абсолютно негативной оценке проституции, но, несмотря на это, преобладает негативное отношение к проституции как к социальному явлению, ставшему спутником жизни россиян. Аргументируется мысль, что легализация проституции государством в настоящее время преждевременна, т.к. к этому не готово российское общество. Анализируется шведский закон о криминализации действий потребителя секс-услуг, согласно которому преступным признается не деятельность проститутки, а приобретение ее сексуальных услуг клиентом. В результате в Швеции сформировалось негативное отношение к мужчинам — покупателям сексуальных услуг, что повлекло сокращение спроса и, как следствие, количества проституток. На основе проведенного исследования признается, что изучение общественного мнения как условия криминализации общественно опасных деяний обязательно, оно является необходимой предпосылкой в принятии законодательного решения о признании посягательств на охраняемые законом общественные отношения уголовно наказуемыми.

Ключевые слова: общественное мнение, общественная нравственность, криминализация, занятие проституцией, общественно опасные деяния.

PUBLIC OPINION AS A CONDITION OF CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTIONS (THE CASE OF PROSTITUTION)

Abstract. Public opinion as a condition of the criminalization of actions, the types of state control over prostitution are analyzed. The article provides the positions of Russian scientists concerning effectiveness of different mechanisms of control over prostitution. The author marks that criminal law theory lacks understanding of nature and meaning of conditions of actions criminalization. The article describes three approaches to state regulation of prostitution: the administrative and legal regulation, criminal legal regulation, prostitution legalization. For discussion about the choice of a state control method it is quite useful to study the opinion of Russian citizens. Public opinion is an indicator of social development, a reflection of the level of recognition and approval of universal human values. The results of the sociological survey on Russian citizens' attitude towards prostitution are given. It can be

concluded that the society is not unified in a totally negative assessment of prostitution. The author emphasizes the idea that the prostitution legalization in Russia is currently premature step as the society is not ready yet. The author reviews the Swedish law that considers crime not the prostitute's activities but the purchase of sexual service by a client. As a result a negative attitude towards men buyers of sexual services was formed in Sweden. That in its turn resulted in lower demand and decrease of number of prostitutes. The study of public opinion as the condition of criminalization of socially dangerous actions is an essential precondition for legislative decision-making about the recognition of encroachment upon social relations protected by law criminally liable.

Keywords: public opinion, public morality, criminalization, prostitution, socially dangerous actions.

При исследовании механизма криминализации тех или иных общественно опасных посягательств ученые-криминологи (А.Д. Антонов, Г.А. Злобин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, А.И. Коробеев, В.В. Луцев, Н.А. Лопашенко, Л.М. Прокументов, Н.И. Хавронюк и др.) вводят в научный оборот определенную терминологию: «криминализационные основания», «криминализационные поводы», «криминализационные принципы».

Критериями эффективности криминализации тех или иных деяний являются правильное определение социальной потребности, проходящей разные уровни: от случайности единичных фактов совершения общественно опасных деяний к объективной необходимости, адекватное социальной потребности правильное определение природы общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране.

Изучение специальной юридической литературы, посвященной анализу криминализационного процесса, свидетельствует об игнорировании российской уголовно-правовой наукой значения общественных явлений и процессов (условий), познание которых позволит выбрать правильное направление в движении к криминализации тех или иных общественно опасных деяний. Одним из таких условий является общественное мнение, позволяющее выявить наличие или отсутствие социальной потребности уголовно-правового регулирования общественных отношений.

Поскольку в последнее время в среде ученых-правоведов не утихает дискуссия относительно такого социально-негативного явления, как проституция, представляется целесообразным рассмотреть разновидности государственного контроля за проституцией, выявить условия ее криминализации.

Развитию проституции, по справедливому замечанию А.И. Елистратова, способствует невежество — духовная темнота народа, нигилизм, алкоголизм, наркомания, грубость нравов и т.д. [1, с. 17]. При глубокой связанности половых отправления со всею человеческой личностью, обращение тела в объект торга и купли, а вместе с тем и самой личности в вещь, представляет собой тяжелый пережиток рабства [2, с. 4].

Принимая во внимание эти и некоторые другие аргументы, международный законодатель презюмировал, что проституция несовместима с достоинством и ценностью человеческой личности и угрожает благосостоянию человека, семьи и общества*, а на внутригосударственном уровне признано, что эпидемиологическая ситуация осложняется недостаточно эффективным контролем за проституцией, который возможен только на основе пропаганды традиционных для России нравственных ценностей**.

Как видно, проституция, являясь социальным злом, требует государственного контроля.

В юридической науке, иных областях знаний сформировались позиции, аккумулировав которые, можно утверждать о наличии трех подходов к государственному контролю за проституцией: административно-правовое регулирование, уголовно-правовое регулирование, законодатель-

* Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 дек. 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280-290.

** Об утверждении СП 3.1.5.2826-10 «Профилактика ВИЧ-инфекции»: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 11 янв. 2011 г. N 1 // Рос. газ. 2011. N 81.

ное разрешение (легализация) проституции. Очевидно, инструментом в реализации государственной политики в сфере проституции должно стать право.

В частности, по мнению Я. Подгайновой, А.П. Дьяченко, наиболее эффективным видом контроля над проституцией является уголовно-правовой контроль [3].

С точки зрения ряда специалистов, необходимо на государственном уровне установить эффективный механизм контроля за проституцией путем ее легализации по причине криминализации отрасли, угрожающего нации роста инфекций, передающихся половым путем, отсутствия контроля за денежными потоками в сфере секс-индустрии [4; 5, с. 16-17; 6]. С этой целью А.Ю. Вульфом был подготовлен соответствующий законопроект, снятый, однако, 19 апреля 2004 г. с рассмотрения Советом Государственной Думы в связи с отзывом автором*.

Приверженцы традиционных нравственных устоев демонстрируют негативное отношение к проституции и считают, что легализация проституции приведет к развращению молодежи, падению нравов, снижению ценностей чувств, сведению взаимоотношений между мужчиной и женщиной исключительно к сексу, нивелированию института семьи, вовлечению на вполне законных основаниях в проституцию новых, в том числе несовершеннолетних, потерпевших, поспособствует развитию торговли людьми как объектами сексуальной эксплуатации, активизирует спрос на проституцию, не защитит проституирующих лиц от сексуального насилия [7; 8, с. 4, 150].

Дискуссия о выборе способа государственного контроля за проституцией может быть разрешена путем анализа мнения российских граждан. Актуальность изучения общественного мнения и его влияния на правообразовательные процессы обуславливается тенденцией, направленной на развитие институтов гражданского общества.

По словам А.С. Демидова, изучение общественного мнения призвано способствовать конструированию истинных пот-

ребностей и интересов российского социума, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности общества [9, с. 4-5].

Состояние общественного мнения является показателем развития общества, отражением степени признания и утверждения общечеловеческих, в том числе нравственных, ценностей.

В подтверждение данного тезиса следует привести результаты социологического опроса об отношении российских граждан к проституции.

Так, по данным опроса 1 500 респондентов, проведенного фондом «Общественное мнение» в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России, женщин, оказывающих сексуальные услуги за материальное вознаграждение, осуждают 42 % опрошенных, а доля респондентов, которые таких женщин не осуждают, – менее 35 %. Если, согласно результатам опроса, женщины примерно одинаково относятся и к проституирующим лицам, и к потребителям сексуальных услуг (первых осуждают 47 %, не осуждают – 30 %; вторых – 44 % и 28 % соответственно), то мужчины демонстрируют большую толерантность в отношении потребителей сексуальных услуг, нежели проституирующих лиц (проститутки осуждают 36 %, их клиентов – 27 %). 43 % опрошенных высказались в пользу запрета проституции, а 38 % – за законодательное разрешение проституции и установление государственного контроля за ней [10].

В ходе проведенного автором исследования результатов опроса 872 респондентов в некоторых регионах России об их отношении к проституции было выявлено, что 42 % опрошенных выступают против ее легализации, 28 % граждан из числа опрошенных респондентов считают возможным легализацию проституции, 20 % опрошенных полагают возможным признать проституцию уголовно наказуемым деянием**.

Как видно из имеющихся данных опросов, общество не едино в абсолютно негативной оценке проституции по причи-

* Проект федерального закона N 403261-3 «О регулировании платных услуг сексуального характера» (в части легализации проституции). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант эксперт».

** Опрос респондентов проведен в ряде регионов Центрального, Северо-Западного, Южного федеральных округов по гендерному принципу (совершеннолетние мужчины и женщины, проживающие как в городе, так и в сельской местности).

не усиления роли рационально-материальных факторов в мотивации поведения индивида. Вместе с тем если общественную нравственность понимать как совокупность господствующих (доминирующих, преобладающих) в конкретном обществе этических требований, имеющих надындивидуальный характер и предъявляемых индивидом к самому себе, то рассуждать об общественном мнении как о критерии общественной нравственности необходимо при оценке того или иного социального явления. И, несмотря на отсутствие жесткого осуждения проституции в российском обществе, преобладает отрицательное отношение российских граждан к проституции как к социально-негативному явлению, ставшему спутником жизни россиян.

Как правило, формирование нравственных ценностей происходит под воздействием системы ценностей, сложившейся в обществе в конкретно-исторический период. В связи с этим легализация государством проституции в настоящее время является преждевременным шагом, а российское общество не подготовлено к тому, чтобы проституция стала легальным видом деятельности. Криминализация занятия проституцией не позволит законодателю использовать весь потенциал регулятивных и охранительных возможностей уголовного закона в части предупреждения занятия проституцией.

По мнению некоторых юристов, противодействие проституции следует начинать не с легализации проституции, а с принятия закона о криминализации покупателя секс-услуг, как, например, в Швеции [11, с. 128], где преступлением является не деятельность проститутки, а приобретение клиентом ее сексуальных услуг [12; 13]. Понимая причины проституции как следствие дискриминации женщин и спроса со стороны мужчин, квинтэссенция шведской уголовно-правовой политики в сфере противодействия оказанию сексуальных услуг состоит в запрете использования бедности, бесправия и необразованности женщин. Вследствие введения этого закона в Швеции началось формирование негативного общественного мнения по отношению к мужчинам — покупателям сексуальных услуг и сокращение проституирующих лиц. До 10 января 2014 г. в России, в отличие от

Швеции, отсутствовал уголовно-правовой запрет получения платных сексуальных услуг. В КоАП РФ 2001 г. не предусмотрен состав аналогичного административного правонарушения. Вместе с тем следует отметить решимость законодателя Белгородчины на установление в 2012 г. административной ответственности за получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией*.

28 декабря 2013 г. Государственная Дума Федерального Собрания РФ окончательно приняла законопроект об установлении уголовной ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ) ввиду наличия прямого основания для криминализации этого деяния против общественной нравственности (выполнение соответствующего международного обязательства)**.

В результате может получиться, что введенная в действие ст. 240.1 УК РФ будет конкурировать с действующей в некоторых субъектах Российской Федерации нормой об административной ответственности за получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией. В связи с этим в обозримом будущем при применении ст. 240.1 УК РФ 1996 г. можно будет получить ответ на вопрос об обоснованности редакции принятой уголовно-правовой новеллы.

Учитывая вышеизложенное, следует признать, что изучение общественного мнения как условия криминализации тех или иных общественно опасных деяний является обязательным и необходимым этапом перед принятием законодательного решения — признания общественно опасных посягательств на охраняемые уголовным законом общественные отношения уголовно наказуемыми.

* О внесении изменений в закон Белгородской области «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области»: закон Белгородской области от 20 июня 2012 г. N 113 // Белгородские известия. 2012. 22 июня.

** О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. N 380-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 52 (ч. 1). Ст. 6945.

Список литературы

1. Елистратов А.И. Задачи государства и общества в борьбе с проституцией: публичные лекции. М.: Издание Московского общества борьбы с детской смертностью, 1911. 44 с.
2. Елистратов А.И. Борьба с проституцией в Европе. Казань: Типолиитография Император. ун-та, 1909. 494 с.
3. Подгайнова Я. Коррекция понятия проституции // Мировой судья. 2009. N 5. С. 78-79.
4. Ландо А., Маркелова Е. Статус юридических лиц, оказывающих и предоставляющих коммерческие сексуальные услуги // Российская юстиция. 2001. N 5. С. 23-24.
5. Федик Е.Н. Ответственность за действия, связанные с проституцией: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 182 с.
6. Спектор Е.И. Правовые основы легализации проституции в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2004. N 6. С. 76-79.
7. Кон И.С. Сексуальная культура XXI века // Юридическая психология. 2007. N 2. С. 17-19.
8. Смирнов А.М. Мужская проституция в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
9. Демидов А.С. Право и общественное мнение: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 32 с.
10. Отношение к проституции: по материалам опроса населения [Электронный ресурс]. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d074824> (дата обращения: 2 янв. 2013 г.).
11. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. и предисл. Н.Ф. Кузнецовой и С.С. Беляева; пер. со швед. и англ. С.С. Беляева. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 320 с.
12. Реймонд Д. Десять причин не легализовать проституцию // Предупреждение трэффика: законотворческий и правовой аспекты. Российский и международный опыт: сб. материалов. Челябинск, 2006. С. 46-53.
13. Вересковская М. Столичных проституток будут переучивать на парикмахерш [Электронный ресурс]. URL: http://naviny.by/rubrics/society/2008/06/06/ic_articles_116_157451/ (дата обращения: 2 янв. 2013 г.).

References

1. Elistratov A.I. *Zadachi gosudarstva i obshchestva v bor'be s prostitutsiei: Publichnye lektzii* [The tasks of the state and society in the prevention of prostitution: Public lectures]. Moscow, 1911. 44 p.
2. Elistratov A.I. *Bor'ba s prostitutsiei v Evrope* [Control of prostitution in Europe]. Kazan, 1909. 494 p.
3. Podgaynova Ya. *Korreksiya ponyatiya prostitutsii* [Correction of the notion of prostitution]. *Mirovoy sud'ya* – Magistrate Judge, 2009, no. 5, pp. 78-79.
4. Lando A., Markelova E. *Status yuridicheskikh lits, okazyvayushchikh i predostavlyayushchikh kommercheskie seksual'nye uslugi* [The status of legal persons, rendering and providing commercial sexual services]. *Rossiyskaya yustitsiya* – Russian justice, 2001, no. 5, pp. 23-24.
5. Fedik E.N. *Otvetstvennost' za deystviya, svyazannye s prostitutsiei: ugolovno-pravovoy i kriminologicheskoy aspekty. Cand. Diss.* [Responsibility for the actions connected with prostitution: criminal law and criminological aspects. Cand. Diss.]. Ekaterinburg, 2003. 182 p.
6. Spector E.I. *Pravovye osnovy legalizatsii prostitutsii v Rossiyskoy Federatsii* [The legal basis of legalisation of prostitution in the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Law and economics, 2004, no. 6, pp. 76-79.
7. Kon I.S. *Seksual'naya kul'tura XXI veka* [Sexual culture of the XXI century]. *Yuridicheskaya psikhologiya* – Juridical psychology, 2007, no. 2, pp. 17-19.
8. Smirnov A.M. *Muzhskaya prostitutsiya v Rossii* [Male prostitution in Russia]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012.
9. Demidov A.S. *Pravo i obshchestvennoe mnenie: voprosy teorii. Avtoref. Cand. Diss.* [Law and public opinion: theory. Autoabstract Cand. Diss.]. Saratov, 2008. 32 p.
10. *Otnoshenie k prostitutsii: po materialam oprosa naseleniya* [Attitude to prostitution: on the basis of the survey population]. Available at: <http://bd.fom.ru/report/map/d074824> (Accessed 2 January 2013).
11. *Ugolovnyy kodeks Shvetsii* [The Swedish penal code]. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2001. 320 p.
12. Reymond D. *Desyat' prichin ne legalizovat' prostitutsiyu* [Ten reasons not to legalize prostitution]. *Preduprezhdenie treffika: zakonotvorcheskiy i pravovoy aspekty. Rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Prevention of trafficking: the legislative and legal aspects. Russian and international experience]. Chelyabinsk, 2006. Pp. 46-53.
13. Vereskovskaya M. *Stolichnykh prostitutok budut pereuchivat' na parikmakhersh* [Capital prostitutes will retrain the hairdresser]. Available at: http://naviny.by/rubrics/society/2008/06/06/ic_articles_116_157451/ (Accessed 2 January 2013).

Раздел 4. Криминологическая наука

МАЛАХОВ С.Ю., malakhov.sergey@mail.ru Главное управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Московской области, 125009, Москва, Никитский пер., 3	MALAKHOV S.Y., malakhov.sergey@mail.ru Main Department of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, on the Moscow region, Nikitskiy Lane 3, Moscow, 125009, Russian Federation
--	--

ПОНЯТИЕ «ВАНДАЛИЗМ» КАК ПРЕДМЕТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Реферат. В науке и в быту понятие «вандализм» во всех его проявлениях имеет отрицательное значение вследствие своего разрушительного начала. Идеи вандализма — это идеи протеста. Генезис уголовной ответственности за вандализм свидетельствует о наказуемости подобных деяний во всех крупных законодательных памятниках. В современной трактовке вандализм охватывает и предусмотренные уголовным законодательством самостоятельные преступные деяния — умышленное повреждение чужого имущества, хулиганство, уничтожение или повреждение объектов культурного наследия, надругательство над телами умерших и местами их захоронения и некоторые другие. Вандализм — форма незаконного протестного выражения взглядов, позиций, оценка деятельности законной власти. Вандализм может быть индивидуальным и групповым, стихийным и программным, духовным и материальным. Этимология вандализма берет свое начало от группы древнегерманских племен. В 1973 г. С. Коухен предложил классификацию вандализма на основе концепции разрушения, присутствующей в любом определении вандализма (корыстный вандализм, тактический вандализм, идеологический вандализм, вандализм «из мести», вандализм в виде игры, граффити, умышленный вандализм). Впервые термин использован в 1794 г. Приводятся точки зрения на происхождение исследуемого термина. В докладе А. Грегуара это расправа республиканцев армии молодой Французской республики над французскими крестьянами. В отчете ФБР 1975 г. «О состоянии преступности» вандализмом признано умышленное разрушение, включая обезображивание и порчу, собственности (имущества) без согласия собственника. В зависимости от субъективного представления лица о совершаемых им действиях и от отношения к этому общества выделяются негативный и позитивный вандализм. Делается вывод о том, что вандализм как явление — это не только преступление, предусмотренное ст. 214 Уголовного кодекса Российской Федерации. Предмет его значительно шире.

Ключевые слова: вандализм, этимология слова, история происхождения, классификация вандализма, предмет вандализма.

THE CONCEPT OF "VANDALISM" AS THE SUBJECT OF CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Abstract. In modern science and everyday life the concept of «vandalism» has negative meaning due to its destructive principle. The genesis of criminal responsibility for vandalism indicates its punishability in all major legislative documents. In modern interpretation vandalism also covers independent crimes provided by criminal legislation, such as intentional damage to property, hooliganism, destruction or damage of cultural heritage objects, desecration of the dead bodies and places of their burial and others. Vandalism is the form of illegal protest expression of opinions, attitudes. Vandalism can be individual and group, spontaneous and planned, spiritual and material. The word etymology originates from a group of old Germanic tribes. In 1973 S. Cohen proposed the classification based on the destruction concept (tactical, ideological, malicious vandalism, vandalism as a way to purchase, as revenge and as a game). The term was first used in 1794. The author of the article presents different points of view on the origin of the analyzed term. According to A. Gregoire's report, vandalism is massacre of the young French Republic's Army of the French peasants. In FBI report of 1975 vandalism is to willfully or maliciously destroy, injure, disfigure, or deface any property without the consent of the owner. Depending on the person's subjective idea of actions committed by him and society's attitude

towards it, positive and negative vandalism can be distinguished. The author comes to the conclusion that vandalism is not only a crime provided by Art. 214 of the Russian Federation Criminal Code, its subject is much wider.

Keywords: vandalism, word etymology, history of origin, vandalism classification, vandalism subject.

Вандализм можно отнести к тем антисоциальным явлениям, которые достаточно давно известны человечеству, в том числе и на уровне законодательного опосредования наиболее распространенных его форм.

В современной науке понятие «вандализм» во всех его проявлениях имеет отрицательное значение по причине своего разрушительного начала. Во всех сферах жизнедеятельности общества термин «вандализм» употребляется и ассоциируется с некультурным, варварским, отклоняющимся поведением. Для культурного человека вандализм — это шок и трепет, т.к. идет вразрез со всеми общепринятыми нормами. Культурный вандал — не просто низвергатель («варвар-разрушитель»), он представитель некоего протеста, оппозиционного движения. Идеи вандализма — это идеи протеста [1, с. 16]. Такое однозначное понимание данного феномена требует комплексного подхода к его изучению.

Анализ развития российского и советского уголовного законодательства позволяет утверждать, что нормы об ответственности за преступления, при совершении которых уничтожались или повреждались исторические и культурные ценности, разрушались здания или сооружения, характерны практически для всех крупных законодательных памятников прошлого. В абсолютном большинстве таких случаев законодатель вообще не употреблял термин «вандализм», что может означать лишь одно — непризнание в качестве самостоятельного состава преступления действий, охватываемых в настоящее время диспозицией ст. 214 УК РФ. Однако если иметь в виду, что термином «вандализм» в его современном социально-правовом значении охватывается весьма широкий круг деяний — от повреждения имущества до разрушения культурных и исторических ценностей, то можно сказать, что элементы уголовно наказуемого вандализма обнаруживаются в ходе анализа норм действовавшего уголовного законодательства России на различных этапах его разви-

тия. При этом необходимо отметить, что действия, в современном представлении именуемые вандализмом, в основном относились к преступлениям против веры и имущественным преступлениям.

Однако при изучении этого явления как преступления вряд ли следует ограничивать рамки исследования осмыслением лишь его законодательного определения. Разумеется, изучение любого социально-правового явления невозможно без формулирования логически безупречного понятия о нем.

В уголовном праве существуют понятия, не вызывающие сомнений в их емком и четком законодательном определении. Например, убийство — умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), кража — тайное хищение чужого имущества (ст. 158 УК РФ), и т.п. К сожалению, этого нельзя сказать об определении вандализма в ст. 214 УК РФ, согласно которой им признается «осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Даже поверхностный взгляд на данную законодательную формулировку позволяет утверждать, что указанными действиями могут охватываться и такие предусмотренные в уголовном законодательстве самостоятельные преступные деяния, как, например, умышленное повреждение чужого имущества (ст. 167 УК РФ), хулиганство (ст. 213 УК РФ), уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей (ст. 243 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ) и некоторые другие. Возникает вопрос: ограничивается ли понятие вандализма рамками ст. 214 УК

РФ, т.е. перечисленными в ней действиями, или это явление более широкого плана?

Анализ всех информационных материалов, включая средства массовой информации, научные статьи в различных областях науки, официальные протоколы заседаний органов государственной власти позволяет нам констатировать тот факт, что понимание вандализма и, как следствие, употребление данного понятия в качестве официальной оценки деяний, связанных с ним, является более широким и выходит за рамки уголовно-правового определения.

В сентябре 2012 года депутаты — члены Межфракционной группы Государственной Думы РФ по защите христианских ценностей, созданной в апреле 2012 года, высказались о важности и актуальности принятия межпартийного консолидирующего документа. В частности, в заявлении говорится, что «...особую озабоченность и осуждение вызывают участвовавшие случаи убийств духовных лидеров, насилие в отношении верующих, спиливание крестов, разрушение храмов, кощунственные хулиганские акции, вандализм на кладбищах, нанесение оскорбительных надписей на стенах храмовых зданий. Все эти действия направлены на разрушение многовековых духовно-нравственных основ России и служат возбуждению гражданской розни и подрыву суверенитета страны» [2].

Вандализм является одной из форм незаконного протестного выражения взглядов, позиций, оценки деятельности законно избранной власти. Совершение массовых беспорядков, сопровождающихся деяниями, предусмотренными ст. 214 УК РФ, уничтожением или повреждением имущества, осквернением зданий или сооружений, повреждением общественного транспорта, надругательствами над телами умерших и местами их захоронения в полной мере можно оценить как вандализм в широком понимании. Вандализм многолик. Он может быть как индивидуальным, так и групповым, как стихийным, так и программным, как духовным, так и материальным [1, с. 17].

Знания в области научных основ квалификации преступлений в достаточной мере позволяют разграничить по уголовно-правовым признакам деяния, связанные с вандальными проявлениями. Одна-

ко именно криминология призвана исследовать детерминанты вандализма во всех его проявлениях, личность преступника, выработать меры общей и индивидуальной профилактики.

Слово «вандализм» берет свое начало со времен образования группы германских племен. В 429-439 гг. они завоевали Северную Африку и основали раннефеодальное государство. В 455 году разграбили Рим и уничтожили многие памятники античной культуры [3]. С тех пор осквернение, а также порча или уничтожение памятников культуры, материальных и культурных ценностей и иного имущества называется вандализмом.

Впервые же этот термин был использован в научных работах по проблемам изучения и борьбы с вандализмом в 1794 году. Аббат Анри Грегуар в своем докладе на Парижской конференции, посвященной защите памятников истории после революции 1789 года, определил вандализм «как порчу, обезображивание и разрушение предметов, имеющих культурную и историческую ценность» [4, с. 76].

Именно это определение вандализма можно признать устоявшимся в литературе. Так, например, подобным образом вандализм характеризуется в Толковом словаре русского языка: вандализм — бессмысленное жестокое разрушение исторических памятников и культурных ценностей, варварство [5, с. 68]. Согласно словарю В. Даля, вандализмом признается поступок грубый, противный просвещению, образованности [6]. В подобном смысле вандализм употребляется и в художественной литературе. «Придется все разломать, чтоб удостовериться в этом. А как тут ломать? Скажут: вандалы, науки не уважаете!» [7, с. 28]. Наряду с вандализмом, как грубым и жестоким поведением человека, разрушающим культурные и исторические ценности, широко употребляется и такое значение этого слова, как варварство. Словарь русского языка определяет варварство как невежественное отношение к культурным ценностям; невежество; бескультурье [8].

В науке существует иная точка зрения на происхождение термина «вандализм». По мнению П.Л. Карабущенко, в истории происхождения понятия «вандализм» мы имеем дело, скорее, с неким укоренившимся в нашем сознании мифом, нежели

с исторической реальностью. Термин создавался в угоду определенных идеологических стереотипов и для удовлетворения определенной политической потребности [1, с. 14]. Основываясь на исторических фактах, П.Л. Карабущенко называет аббата Анри Грегуара «политическим мифотворцем». В своем докладе А. Грегуар не имел в виду древних вандалов, разрушивших Рим в 455 году. Он подразумевал кровавую расправу республиканцев армии молодой Французской Республики, подавившей восстание французских крестьян в провинции Вандея.

Столь широкий подход к пониманию вандализма объясняется прежде всего тем, что его изучением в нашей стране начали заниматься сравнительно недавно. Исследование данной проблемы рассматривалось лишь в рамках изучения девиантного (отклоняющегося) поведения личности.

Что же касается зарубежных исследований по данной проблеме, то сравнительно большое число работ связано с началом 60-х годов XX столетия. Начало «культурной революции» в Европе привело к тому, что молодежные группы совершали акты вандализма в знак протеста против существующей идеологии в обществе. Появилось «панковское движение», состоящее из молодых людей, для которых совершение вандализма являлось проявлением свободы и независимости, а также самоутверждением в обществе. Вот как описывает события, произошедшие в июне 1999 года в Англии, очевидец: «Под “красное колесо” попала даже местная святыня — Банк Англии. Его стены измалевали красными красками, а одну из бронзовых статуй стоимостью 40 тыс. фунтов повалили, пытаясь расколотить, да не вышло. Поэтому обошлись покраской — также в революционные тона. В Сити в один момент вспыхнули все почтовые ящики...» [9].

При работе над программами, направленными на борьбу с вандализмом, и при проведении криминологического анализа совершения подобного рода преступлений в США между учеными (криминологами, социологами, психологами) проходила дискуссия по проблеме определения понятия вандализма.

В 1975 году в отчете ФБР «О состоянии преступности» вандализмом признавались действия лица, которое умышленно

разрушает, включая обезображивание и порчу, собственность (имущество) без согласия собственника или лица, имеющего право пользования имуществом [10, с. 4].

В 1973 году в своей работе, посвященной разрушению и повреждению имущества, С. Коухен предложил классификацию вандализма на основе концепции разрушения, присутствующей в любом определении вандализма.

1. Корыстный вандализм — повреждение торговых автоматов и телефонов-автоматов с целью завладения деньгами.

2. Тактический вандализм — повреждение совершается с целью протеста (привлечения внимания), например, повреждение кафе в знак протеста за некачественную пищу.

3. Идеологический вандализм — повреждению подвергаются рекрутские помешения армии США в школах.

4. Вандализм «из мести» — повреждение писсуаров в знак протеста на запрет курения.

5. Вандализм в виде игры — для забавы повреждаются телефоны-автоматы.

6. Граффити — надписи на стенах с целью самоутверждения*.

7. Умышленный вандализм — повреждения в основном происходят в школах, являются результатом проявления обиды по отношению к школе [11, с. 14].

Данная классификация, основанная на криминологическом исследовании, описывает, прежде всего, причины совершения вандализма.

Концепция разрушения с целью протеста против чего-либо или кого-либо, положенная в основу понятия вандализма, помогает нам понять, что разрушение материальных объектов, разрушение на уровне сознания человека, разрушение идеологии общества — все это определяется как вандализм. Состояние варварства

* Граффити в современном понимании родилось в Филадельфии в конце 60-х годов. Сперва это были неприличные надписи либо пропагандистские политические воззвания, оставляемые на стенах местной молодежью. В дальнейшем граффити обнаружили в нью-йоркском метро, где оно приобрело более осмысленные формы, зачастую агрессивные, чем обратило на себя внимание местных властей. Однако граффити уже не только прочно утвердилось в США, но и переместилось в Европу и Азию.

означает разрушение самого главного, что создает цивилизация: преимущества развития, единства различных форм культуры, наконец, парадоксальным образом — разрушение своей собственной страны [12, с. 46].

В зависимости от субъективного представления лица о совершаемых им действиях и от отношения к этому общества можно выделить негативный и позитивный вандализм.

Отношение общества выражается в осуждении или принятии подобных процессов. Оно основывается на тех моральных нормах и принципах, которые сложились на данный момент в обществе. Моральные нормы и принципы содержатся в сознании людей, в общественном мнении, находят свое отражение в произведениях литературы, искусства, в средствах массовой информации.

Поэтому одни и те же действия людей в разные исторические периоды могут оцениваться и как вандализм, и как пример для подражания, поскольку суждение о том, что можно признать вандализмом, а что нет, основывается на той системе моральных ценностей, которая сложилась в данный период времени, и которая принята большинством в обществе. Так, разрушение полуобнаженных статуй периода Возрождения воспринимается как вандализм, в отличие от иконоборческого движения, уничтожавшего иконы как символ идолопоклонства. С другой стороны, Франция ежегодно 14 июля отмечает как национальный праздник такой акт вандализма, как взятие Бастилии.

Столкновение двух отрицаний предусматривает самоуничтожение зла. Политические изменения в Европе и в мире привели к тому, что кирпичная стена, являвшаяся границей ГДР и ФРГ, была разрушена в знак объединения Германии.

Процесс укрепления советской идеологии и реализации идеи отделения церкви от государства послужил причиной разрушения Храма Христа Спасителя в Москве. Огромные духовные потери понесло наше общество в результате борьбы с религией. Религия включает в себя набор принципов и постулатов, имеющих общечеловеческое значение. Вера и связанные с ней нравственные нормы способны многих удержать от аморальных поступков, и

в целом религия может существенно способствовать снижению напряженности в обществе [13, с. 142]. Правонарушения в отношении религии и канонических обрядов строго наказывались государством во все времена. В Древней Греции бесчестие ожидало практически любого, совершившего преступление против религии. Существовал широкий перечень деяний, запрещенных под угрозой наказания. К этой группе относились следующие виды преступлений: посягательства на порядки, установленные в церкви, а также для проведения церковных обрядов; нарушения неприкосновенности храмов (нарушения храмовой территории, кражи в церкви, святотатства в отношении культовых предметов); незаконные формы иноверия и т.п. [14, с. 59]

Все проявления вандализма, осуждаемые социумом на определенном этапе сформировавшегося общественного сознания, есть негативный вандализм. Общественное сознание осуждает и борется с такими проявлениями человеческого поведения.

Примером негативного вандализма могут служить варварские разрушения, осуществлявшиеся солдатами немецкой армии во время Второй мировой войны. «Без всякой надобности для военных целей немцы преднамеренно разрушили и сожгли множество общественных зданий и культурных учреждений. В здании университета погибли ценнейшие и важнейшие коллекции научных трудов и материалов. В процессе уничтожения всего, что связано с польской историей и культурой, многие памятники, произведения искусства были разрушены и уничтожены. Памятник почитаемому польскому королю Болеславу Храброму в Гнезно (сначала был обмотан канатами и цепями, с целью сбросить его с пьедестала. После неудачной попытки был применен ацетилен. Голова была отрезана, а пьедестал разбит на куски)…» [15, с. 438].

Представления о содержании ряда моральных норм порой разнообразны и противоречивы. Причем эти представления могут меняться в процессе сдвигов в моральном климате общества под влиянием тех или иных событий. Ярким примером этому является разрушение, а впоследствии восстановление Храма Христа Спа-

сителя. Процесс изменения идеологии в общественном сознании повлиял и на изменение системы ценностей в обществе.

Таким образом, предмет совершения вандализма (как явления) не ограничива-

ется предметом совершения преступления, предусмотренного статьей 214 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Карабущенко П.Л. Вандализм как культурно-исторический феномен // Гуманитарные исследования. 2011. N 4 (40). С. 12-21.
2. Государственная Дума Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/> (дата обращения: 18 нояб. 2013 г.).
3. Советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981.
4. Vandalism: behaviour and motivations. North Holland, Amsterdam, New York, Oxford, 1984. 77 p.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
6. Даль В. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.
7. Новорусский М.В. Записки шлиссельбуржца. Пб.: Гос. изд-во, 1920.
8. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньева; Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1981.
9. Политковская А. Дети капитализма громят устои // Аргументы и Факты. 1999. N 26.
10. Casserly M.D., Bass S.A., Garret J.R. School vandalism: Strategies for prevention. Lexington (Mass.), 1980.
11. Cohen S. Property destruction: motives and meanings. New York, 1973.
12. Мотрошилова Н. Цивилизация, варварство, позитивизм // Декоративное искусство. 1994. N 1. С. 46-50.
13. Антонян Ю.М. Причины преступного поведения: монография. М., 1992. 207 с.
14. Антонян Ю.М., Звизжова О.Ю. Преступность в истории человечества: монография. М.: Норма Инфра-М, 2012. 208 с.
15. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1990. Т. 4. 672 с.

References

1. Karabushchenko P. L. Vandalizm kak kul'turno-istoricheskij fenomen [Vandalism as cultural and historical phenomenon]. *Gumanitarnye issledovaniya* – Studies in the Humanities, 2011, no. 4 (40), pp. 12-21.
2. *Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy Federatsii: ofitsial'nyy sayt* [State Duma of the Russian Federation: ofitsialnyy site]. Available at: <http://www.duma.gov.ru/news/> (Accessed 18 November 2013).
3. *Sovetskaya entsiklopediya* [Soviet Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981.
4. Vandalism: behaviour and motivations. North Holland, Amsterdam, New York, Oxford, 1984. 77 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p.
6. Dal' V. *Tolkovyy slovar' velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of great Russian language]. Vol. 1. Moscow, 1955.
7. Novorusskiy M.V. *Zapiski shlissel'burzhetsa* [Notes of a shlisselburzhets]. Petersburg, 1920.
8. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow, 1981.
9. Politkovskaya A. *Deti kapitalizma gromyat ustoi* [Children of capitalism smash foundations]. Argumenty i Fakty – Arguments and Facts, 1999, no. 26.
10. Casserly M.D., Bass S.A., Garret J.R. School vandalism: Strategies for prevention. Lexington (Mass.), 1980.
11. Cohen S. Property destruction: motives and meanings. New York, 1973.
12. Motroshilova N. *Zivilisaziya, varvarstvo, pozitivizm* [Civilisation, barbarity, positivism]. *Decorativnoe iskusstvo* – Decorative Arts, 1994, no. 1, pp. 46-50.
13. Antonyan Yu.M. *Prichiny prestupnogo povedeniya* [Reasons criminal povedeniya]. Moscow, 1992. 207 p.
14. Antonyan Yu.M., Zvizzhova O.Yu. *Prestupnost' v istorii chelovechestva* [Crime in the history humanity]. Moscow, Infra-M Publ., 2012. 208 p.
15. *Nyurnbergskiy protsess: sbornik materialov. V 8 tomakh* [Nuremberg process: collection mat. In 8 volumes]. Vol. 4. Moscow, 1990. 672 p.

Раздел 5. Правоохранительная политика

КОРЖИКОВ О.Н.,
кандидат социологических наук,
korzhikow@gmail.com
Кафедра уголовного права;
Астраханский государственный
университет,
414056, г. Астрахань, Татищева, 20 а

KORZHIKOV O.N.,
Candidate of Sociological Sciences,
korzhikow@gmail.com
Chair of Criminal Law;
Astrakhan State University,
Tatischev St. 20 a, Astrakhan, 414056,
Russian Federation

ДАВЫДОВ П.А.,
кандидат юридических наук,
petrdav@mail.ru
Кафедра теории и истории
государства и права;
Астраханский филиал Саратовской
государственной юридической академии,
414000, Астрахань,
Красная набережная, 7

DAVYDOV P.A.,
Candidate of Legal Sciences,
petrdav@mail.ru
Chair of Theory and History
of State and Law;
Astrakhan branch of the Saratov State
Academy of Law,
Krasnaya embankment 7, Astrakhan,
414000, Russian Federation

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ СУДЕБНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Реферат. Затянувшаяся и неэффективная судебная реформа, начатая в России в конце прошлого века, требует определения и концептуального закрепления основных направлений судебной правовой политики. Отсутствует работающий механизм обязательного исполнения решений судов, особенно по делам, где ответчиком выступает коммерческая организация (вследствие иллюзорности имущества фирмы-должника). Большинство сделок с участием обществ с ограниченной ответственностью находится в группе риска. Аргументируется объединение Верховного Суда РФ не только с Высшим Арбитражным Судом РФ, но и с Конституционным Судом РФ. С формированием единого Верховного Суда связывается унификация судебной практики и стабилизация судебной политики на различных уровнях. Критикуется как «атавизм» институт «председателей-начальников» районных судов, что нарушает равенство процессуального статуса судей. В качестве условия и гарантии независимости правосудия предлагается механизм независимого и целевого финансирования судебной системы. Рассматривается проблема формирования судейского корпуса, подчеркивается низкий профессиональный уровень судей и необходимость пересмотра системы их профессиональной подготовки. Предлагается установить запрет на участие в качестве представителей по доверенности в судах лиц, не являющихся адвокатами. Обосновывается необходимость формирования департаментов судебной полиции с задачами защиты свидетелей и обеспечением безопасности судей. Утверждается, что только беспристрастное правосудие сделает возможным построение правового государства и гражданского общества. При формировании судебной политики предлагается исходить из имеющихся судебно-правовых реалий, судебной жизни. Становление судебной системы пока не вошло в завершающую фазу, поэтому необходимо концептуальное выражение и закрепление основных направлений судебной политики. Разработкой доктринальных основ концепции судебной политики должны заниматься ученые с привлечением в качестве экспертов судей, адвокатов, прокуроров.

Ключевые слова: суд, судебная политика, концепция, правосудие, реформа, судьи.

SCIENTIFIC BASIS OF THE CONCEPT OF JUDICIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Overlong and inefficient judicial reform started in Russia at the end of the last century requires definition and conceptual recognition of principal directions of judicial and legal policy. There is no functioning mechanism of mandatory performance of court decisions, especially in cases where the defendant is a commercial organization. The majority of transactions with LLC participation is at risk. The article proves necessity to unite the RF Supreme Court with the Supreme Arbitration Court

and Constitutional Court. The author connects precedents unification and judicial policy stabilization at different levels with formation of the United Supreme Court. The author criticizes such atavism as the institute of district court chairmen violating the equality of judges' procedural status. A mechanism of independent and target financing of judiciary as a guarantee of judicial independence is suggested. The problem of judiciary formation is discussed; low professional level of judges and need to review the system of their training is emphasized. It is proposed to prohibit proxies' participation in courts as they are not lawyers. The article proves necessity to create judicial police departments providing security for judges and witness protection. It's asserted that only impartial justice will make possible to construct a legal state and civil society. While forming judicial policy it's necessary to come from the existing judicial legal realities. The judicial system establishment has not yet entered its final phase therefore conceptional expression and consolidation of judicial policy principal directions is necessary. Doctrinal foundations of judicial policy concept should be developed by scientists with judges, lawyers, prosecutors as experts.

Keywords: court, judicial policy, concept, justice, reform, judge.

Современное состояние судебной системы все больше заставляет задуматься о необходимости разработки доктринального документа, который бы очертил основные направления судебной правовой политики — Концепции судебной политики Российской Федерации. В какой-то степени это связано с неудачно начатой в 90-е годы XX века судебной реформой, которая продолжается до сих пор. Около 30 миллионов исков, рассматриваемых в системе судов Российской Федерации ежегодно, свидетельствуют о том, что люди и организации защищают свои интересы, обращаясь в суды, а ведь не так давно они шли «на поклон» к чиновникам, обращались в СМИ или к криминальным авторитетам, хотя достаточного доверия граждан судебная власть так и не заработала.

В частности, это связано с тем, что в ходе судебной реформы не был создан работающий механизм обязательного исполнения решений судов. Если в судах общей юрисдикции при рассмотрении спора с участием физических лиц дела обстоят более или менее удовлетворительно, то при наличии спора, где ответчиком выступает коммерческое юридическое лицо, в большинстве случаев решения неисполнимы. Неисполнимы они прежде всего из-за отсутствия имущества и средств у этих фирм, а также ограниченности ответственности руководителей этих организаций законом.

Хорошо известно, что при наличии судебного спора, подведомственного как системе судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, если противоположной стороной является юридическое лицо в форме общества с ограниченной ответс-

твенностью (доминирующая сейчас организационно-правовая форма предпринимательской деятельности в большинстве случаев), то имущество фирмы-должника нередко оказывается иллюзорным. Таким образом, большинство сделок, заключаемых в Российской Федерации, где одной из сторон выступает так называемое ООО, находится в группе риска. Этот проблемный вопрос должен быть учтен при проведении новой модернизации судебной системы, иначе пострадает инвестиционная привлекательность Российской Федерации, а внутренний хозяйственный оборот и малый бизнес могут окончательно «уйти в тень». Это необходимо обозначить и в «Концепции судебной политики», и в законодательстве, т.к. нельзя реформировать судебную систему произведенными дополнениями в ст. 159 УК РФ, как это было сделано в конце 2012 г.

Если мы обратим внимание на рассмотрение судами уголовных дел, то увидим, что и здесь не все однозначно. Т.Г. Морщаковой и М.Ю. Барщевским справедливо отмечено, что «...обвинительный уклон не исчезнет, и результата не будет, пока кадровый состав судей останется прежним» [1]. Подобная ситуация недопустима в правовом государстве, она вызывает беспокойство российского общества. В июне 2013 г. Президентом России В.В. Путиным было предложено объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, которое теперь воплощается в жизнь. В частности, 5 февраля 2014 г. были приняты: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ N 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре РФ» и

Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде РФ» N 3-ФКЗ. Следовательно, значение такого документа, как Концепция судебной политики Российской Федерации, возрастает. Необходимо отметить также, что содержание этих законов не позволяет сделать вывод о том, что указанные выше проблемы, существующие в судебной системе, могут быть преодолены в результате их реализации.

Для того чтобы реформа была более эффективной и точной, и нужна целостная концепция, т.е. существует ряд принципиальных положений, которые необходимо отразить в концепции судебной политики РФ.

Во-первых, объединение Верховного Суда РФ должно произойти не только с Высшим Арбитражным Судом, но и с Конституционным Судом РФ, поскольку начатая Президентом РФ новая реформа судебной власти может остаться безрезультатной, как и предыдущая. Полагаем, внутри нового суда будет коллегия по уголовным делам, и здесь все останется по-прежнему, но с гражданскими судами будет немного сложнее, потому что гражданские споры рассматривали суды общей юрисдикции и арбитражные суды. Предполагается создание объединенной коллегии. По административным делам также предлагается создать отдельную коллессию. Исходя из этого при проведении объединения судов в единый Верховный Суд необходимо обозначить в концепции саму систему нового суда и, конечно, обосновать форму новой конституционной юстиции. Полагаем, из трех направлений судопроизводства необходимо формировать судебную систему России под управлением единого Верховного Суда. Это поможет оптимизировать судопроизводство в целом и стабилизует судебную практику.

Во-вторых, в концепции судебной политики Российской Федерации необходимо отразить, что центральным субъектом формирования судебной политики должен стать единый Верховный Суд РФ. Это поможет начать формирование независимой судебной власти, усилить ее роль в системе сдержек и противовесов правовой жизни. Субъектами реализации судебной политики должны стать только входящие в судебную систему суды и службы, отправляющие правосудие на различных

уровнях и направлениях. Это поможет унифицировать судебную практику, стабилизировать реализацию судебной политики на различных уровнях.

Кроме того, нельзя не согласиться с Т.Г. Морщаковой и М.Ю. Барщевским в том, что институт «председателей-начальников» районных судов себя изжил [1]. Действительно, судебная система не может быть построена по принципу силовых структур или армии. По сути, все члены судебного сообщества являются лицами, обладающими одинаковым процессуальным статусом, и, следовательно, исходя из того, что судья при принятии решения независим, недопустимым является наличие над ним каких-либо руководителей. Наличие председателей судов видится «атавизмом», доставшимся судьям в Российской Федерации от советских судов. Дело в том, что принципы построения судов и формирования состава судей в демократическом правовом государстве, каковым является Российская Федерация, должны отличаться от той системы, которая была в СССР. Это логично, а в противном случае мы констатируем отсутствие демократического правосудия и независимой судебной власти в государстве, т.к. суды в СССР никогда не были независимыми от исполнительной власти.

В-третьих, судебная власть в ходе реформы должна наконец-то стать независимой от исполнительной при отправлении своей главной функции — правосудия. Для этого в концепции необходимо предусмотреть обязательное изменение на законодательном уровне порядка и условий независимого и целевого финансирования судебной системы. Ясно одно: судебная реформа потребует немалых финансовых вложений; открытым остается вопрос кадрового формирования и обязательных организационно-штатных мероприятий, которые законом пока не урегулированы. В подобной ситуации можно включить в этот раздел правила и критерии подбора кандидатов в судьи после окончания юридических вузов и последующее их обучение (стажировку) для работы в судебной системе по аналогии с французской или другой близкой нам школой подготовки судей.

Очевидно, что уровень сегодняшних судей не соответствует международным критериям. Большинство из них не име-

ют четких представлений о том, что такое «юриспруденция, т.е. наука о добром и справедливом», как определял ее известный римский юрист Цельс. Все понимают и осознают, что целью сегодняшнего судопроизводства отнюдь не является восстановление справедливости. Главным, к сожалению, является не это, несмотря на то, что Конституция РФ, которой в декабре 2013 г. исполнилось 20 лет, предусматривает, что высшей ценностью в Российской Федерации признается человек, его права и свободы. Возникает вопрос: а что же тогда являют собой цели профессиональной деятельности сегодняшних судей? Полагаем, что именно однозначный и четкий ответ на этот вопрос должен содержаться в концепции судебной политики РФ.

В-четвертых, для осуществления судопроизводства в новой системе судов должны быть допущены только профессиональные юристы. Для этого необходимо регламентировать запрет на участие в качестве представителей по доверенности в судах лиц, не являющихся адвокатами, как это принято в правовых системах многих европейских государств.

В-пятых, предлагаем в рамках реализации правоохранительной и судебной политики ввести в судебные департаменты, кроме действующей службы судебных приставов-исполнителей, департамент судебной полиции, который будет заниматься программой защиты свидетелей, а отдел (управление) собственной безопасности судебной полиции — борьбой с коррупцией в судебском сообществе, безопасностью и физической защитой судей, ведущих дела, имеющие политическую окраску или большой общественный резонанс.

Судебная власть должна получить особое место в правовой жизни России,

т.к. только наличие беспристрастного правосудия в стране делает возможным построение правового государства и динамично развивающегося гражданского общества. На наш взгляд, судебная жизнь — это особая форма правовой жизни, выражающаяся в судебных актах и правоотношениях по их исполнению, характеризующая качественный уровень судебно-правового развития общества, доверия граждан к судебной системе, к субъектам судопроизводства и степень удовлетворения их законных интересов при отправлении правосудия.

Подобно тому как при выстраивании правовой политики необходимо ориентироваться не столько на правовую систему общества, сколько на ее правовую жизнь [2, с. 7-15], так при формировании судебной политики исходить нужно из имеющихся судебно-правовых реалий, из самой судебной жизни. Концепция судебной политики находится на стадии разработки, а результаты поспешно и бессистемно проведенной судебной реформы мы можем наблюдать сейчас. Необходимо получить хороший результат, а без оформления четкой и обоснованной концепции судебной политики Российской Федерации это сделать невозможно.

К настоящему времени становление судебной системы пока не вошло в завершающую фазу. Перед судебским корпусом — большое количество нерешенных тактических вопросов и большой объем работы по отправлению правосудия. Полагаем, что научными разработками должны заниматься ученые с привлечением в качестве экспертов адвокатов, судей, прокуроров. В целом создание единого Верховного Суда, по мнению многих юристов, — это важное событие в правовой жизни России.

Список литературы

1. Морщакова Т.Г., Барщевский М.Ю. Сверим правописание // Рос. газ. 2013. 24 сент.
2. Малько А.В., Матузов Н.И., Шундилов К.В. Проект Концепции правовой политики в Российской Федерации до 2020 г. / под ред. А.В. Малько. М., 2008. 40 с.

References

1. Morshchakova T.G., Barshchevskiy M.Yu. Sverim pravopisanie [Check your spelling] *Rossiyskaya gazeta* — Russian newspaper, 2013, Sept. 24.
2. Mal'ko A.V., Matuzov N.I., Shundikov K.V. *Proekt Kontseptsii pravovoy politiki v Rossiyskoy Federatsii do 2020 g.* [Concept of Legal Policy in the Russian Federation 2020]. Moscow, Delo Publ., 2008. 40 p.

ГОРЮНОВ В.Ю., vgorunov@mail.ru Кафедра управления; Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3	GORYUNOV V.YU., vgorunov@mail.ru Chair of management; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Ankudinovskoe Highway 3, Nizhny Novgorod, 603144, Russian Federation
---	---

НОВАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ

Реферат. Частно-публичное уголовное преследование представляет собой смешанный вид уголовного преследования, в нем сочетаются частный и публичный элементы. Публичное уголовное преследование осуществляется в интересах потерпевшего и общества. Воля потерпевшего определяет уголовно-правовую квалификацию деяния, совершенного против него. Новое частно-публичное уголовное преследование было создано Федеральным законом Российской Федерации от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ. Его предметом являются преступления против чужой собственности, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности. Новое уголовное преследование осуществляется в отношении лиц, имеющих статус предпринимателя. Эта разновидность частно-публичного обвинения есть элемент «Новой уголовной экономической политики». Она является атрибутом следственной организации досудебного производства по делу, и в первую очередь — стадии возбуждения уголовного дела. Воля потерпевшего определяет возможность использования публично-правового порядка возбуждения уголовного дела. Дальнейшее уголовное преследование осуществляется и прекращается по данному делу в публично-правовом порядке. Требуется согласие или заявление потерпевшего при предъявлении обвинения по одной из статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, перечисленных в части 3 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, лицу, в отношении которого дело было возбуждено по другой статье уголовного закона. От позиции потерпевшего зависит возможность привлечения к уголовному преследованию лица, совершившего аналогичные преступления, если уголовное дело уже было возбуждено по какой-то причине в публично-правовом порядке. Существует угроза экономической безопасности и правам личности по причине пассивности полиции, на которую ее обрекает новый частно-правовой порядок привлечения к уголовной ответственности преступников.

Ключевые слова: дела частно-публичного обвинения, уголовное преследование, потерпевший, новая уголовная политика.

NEW PROCEDURAL POLICY OF PROSECUTING THE CASES OF PRIVATE AND PUBLIC PROSECUTION

Abstract. Private and public prosecution is a mixed type of criminal prosecution combining both private and public elements. Public prosecution is carried out in the interests of victim and society. The victim's will defines the criminal and legal qualification of the act committed. New private and public criminal prosecution was created by the Federal Law of the Russian Federation of November 29, 2012, N 207. Its object is crimes against property committed in the sphere of business activities. Businessmen are the subjects to new criminal prosecution. This kind of prosecution is an element of «New Criminal Economic Policy». It is the attribute of pretrial proceedings, primarily the stage of bringing a criminal case. The victim's will determines the possibility to use public and legal order of initiating a criminal case. Further criminal prosecution is carried out and terminated in the same order. When the charge against a person is brought according to Part 3 of Article 20 of the Russian Federation Criminal Procedure Code whereas the criminal case against this person was initiated under another article of special part of the Russian Federation Criminal Code, the consent or statement of the victim is required. The possibility of prosecuting a person who has committed similar crimes if the criminal case was already brought for any reason in public and legal order depends on the victim's attitude. There is a threat to economic security and individual rights because of police passivity which can be caused by new legal order of prosecuting the criminals.

Keywords: cases of private and public prosecution, criminal prosecution, victim, new criminal policy.

Уголовное преследование — это деятельность, осуществляемая прокурором и другими органами уголовного преследования (участниками стороны обвинения) по привлечению к уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Досудебное уголовное преследование представляет собой деятельность стороны обвинения, направленную на процессуальную подготовку, обоснование обвинения [1, с. 37].

Традиционно виды уголовного преследования классифицировались по двум показателям: во-первых, в чьих интересах осуществляется, во-вторых, кто является основным субъектом полномочий на осуществление уголовного преследования. Частно-публичное уголовное преследование расценивалось в науке как исключение из принципа публичности и публично-правового порядка уголовного преследования лиц, главным субъектом которого выступает обвинительная власть государства. Данное уголовное преследование осуществляется в интересах потерпевшего и общества. При этом воля потерпевшего определяет уголовно-правовую квалификацию деяния, совершенного против него. Позиция потерпевшего обуславливает начало и саму возможность возникновения уголовно-процессуальной, обвинительной деятельности. Частно-публичное уголовное преследование представляет собой сочетание частно- и публично-правовых элементов — смешанный вид уголовного преследования [1, с. 43; 2, с. 15; 3, с. 103-131].

По мнению авторов, комментировавших положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ в прежней редакции, данная разновидность уголовного преследования была продуктом экспансии публичного элемента в область частного обвинения [4, с. 58, 59]. При этом подчеркивалось, что частно-публичное уголовное преследование осуществляется публичными (официальными) органами государственной власти в публичных интересах, независимо от воли потерпевшего [4, с. 57]. Частный обвинитель (потерпевший) здесь имеет только право инициировать должностное следственное уголовное преследование, но сам

при этом не приобретает черт частного обвинителя, и дальнейшее производство по данному делу производится независимо от его воли.

Ранее такое объяснение правовой природы и назначения частно-публичного уголовного преследования было верным. Однако с изменением Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ* редакции части 3 статьи 20 УПК РФ некоторые представления о правовой природе частно-публичного обвинения приходится пересмотреть. Мы присоединяемся к мнению [5, с. 79] о том, что новая редакция ч. 3 ст. 20 УПК РФ позволяет сделать вывод о существовании двух категорий уголовных дел частно-публичного обвинения:

— первая — «традиционная», существовавшая до изменения редакции статьи, включает в себя преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ст. 145, ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ;

— вторая категория дел включает в себя преступления, предусмотренные статьями 159-159.6 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) УК РФ, совершенные в сфере предпринимательской деятельности.

Сам законодатель не делал секрета из того, что данная норма специально создана для «исключения возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования»**. Следова-

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. N 49. Ст. 6752.

** См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на исключение возможности решения хозяйственного спора посредством уголовного преследования», подготовленному Министерством экономического развития РФ. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/about/structure/dep gos-regulirinecone/ doc20120926_01

тельно, при объяснении правовой природы новой разновидности дел частного-публичного обвинения надо исходить из того, что частное начало вытесняет публичное из его традиционной (уголовно-процессуальной) сферы действия.

Как справедливо отмечается в научной литературе, с конца 2008 г. в нашем государстве последовательно проводится политика ограничения вмешательства уголовной юстиции в хозяйственную, включая торговую, деятельность предпринимателей. Идеология противодействия «беловоротничковой» преступности заключается в том, что вмешательство уголовной юстиции в разрешение юридических споров оправданно только в том случае, если оказалось недостаточно средств гражданской юстиции. Уголовное преследование официально признано субсидиарным средством обеспечения экономической безопасности страны [5; 6]. А.С. Александров и И.А. Александров пишут: «Российскими элитами взят курс на радикальное ограничение средств уголовной юстиции для поддержания правопорядка в экономической сфере. При конструировании механизма уголовного преследования за основу взят частно-правовой (диспозитивный) метод (с некоторыми оговорками в пользу публичности), в то время как в “нормальных” государствах по-прежнему практикуют публично-правовые инструменты борьбы с общественно опасными явлениями, каковыми является экономическая преступность» [7].

Таким образом, в институте дел частного-публичного обвинения мы можем, как представляется, вычленить новое частно-публичное уголовное преследование, предметом которого являются преступления против чужой собственности, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности. Эта разновидность частного-публичного обвинения есть элемент «Новой уголовной экономической политики» (НУЭП).

Конечно, у обеих разновидностей частного-публичного уголовного преследования имеются общие — родовые — черты. Главная из них состоит в том, что без заявления потерпевшего деяние, совершенное против него, не может считаться преступным, и уголовное дело не может

быть возбуждено. Обе разновидности частного-публичного обвинения являются атрибутом следственной организации досудебного производства по делу, и в первую очередь — стадии возбуждения уголовного дела.

Все значение этого института и сводится к особому порядку возбуждения уголовных дел данной категории. Частное начало проявляет себя только на стадии возбуждения уголовного дела, на которой позиция потерпевшего от преступления составляет отлагательное условие для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Потерпевший-заявитель (его представитель) не имеет статуса частного обвинителя (ст. 43 УПК РФ) и не выдвигает обвинения, на стадии возбуждения уголовного дела он — «заявитель», а его «правопритязание» — лишь «повод» для принятия решения органом уголовного преследования. Следовательно при наличии основания для возбуждения уголовного дела обязан получить заявление или согласие потерпевшего на возбуждение уголовного дела, в противном случае его решение будет юридически ничтожным и дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному пунктом 5 части 1 ст. 24 УПК РФ.

Впрочем, правовое значение заявления выходит за рамки простого повода по делу публичного обвинения и заявления по делу частного обвинения. Заявление потерпевшего по делу частного-публичного обвинения обязательно должно содержать просьбу к органу предварительного расследования о возбуждении уголовного дела и уголовном преследовании лица, якобы совершившего в отношении его преступление.

Это требование имеет правообразующий характер: во-первых, оно порождает обязанность органа предварительного расследования зарегистрировать его, как обычный повод, и проверить на предмет наличия основания для возбуждения уголовного дела, а во-вторых, — и это самое главное — только от позиции потерпевшего зависит квалификация деяния как общественно опасного. По этому показателю прослеживается коренное сходство данного заявления с заявлением «потерпевшего» по делу частного обвинения.

Согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ (ФЗ N 302-ФЗ*) уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе, как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, но дальнейшее производство по таким уголовным делам ведется в общем порядке (ч. 1 ст. 147 УПК РФ). Позиция потерпевшего имеет решающее юридическое значение для возбуждения уголовного дела, но дальнейшее уголовное преследование осуществляется и прекращается в публично-правовом порядке, независимо от воли потерпевшего, хотя, разумеется, с учетом таковой.

Проанализируем теперь особенности второй разновидности дел частного-публичного обвинения. Уголовное дело возбуждается в частно-публичном правовом порядке, если одно или несколько из преступлений, перечисленных в части 3 ст. 20 УПК РФ, были совершены субъектом в связи с осуществлением им предпринимательской или иной экономической деятельности.

Субъектами этих преступлений выступают: 1) индивидуальный предприниматель в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности; 2) член органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности.

Пленум Верховного Суда России разъяснил, что для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам надлежит руководствоваться пунктом 1 статьи 2 ГК РФ, в соответствии с которым предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом ка-

честве в установленном законом порядке. Преступления, предусмотренные статьями 159-159.6, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности**.

Мы разделяем вывод о том, что если деятельность субъекта преступления формально подпадает под определение предпринимательской или иной экономической деятельности, но на самом деле он имел целью хищение чужого имущества тем или иным способом (например, строительство финансовой пирамиды) и никакой другой цели не имел, то такого «предпринимателя» можно преследовать в уголовно-правовом порядке [5, с. 80].

Уголовные дела анализируемой категории возбуждаются в публично-правовом порядке и, соответственно, отпадает зависимость от заявления потерпевшего в следующих случаях: 1) если преступлением причинен вред интересам государственного унитарного предприятия; 2) если преступлением причинен вред интересам муниципального унитарного предприятия; 3) если преступлением причинен вред государственной корпорации, государственной компании; 4) если преступлением причинен вред коммерческой организации с прямым участием в уставном

* О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 нояб. 2013 г. N 302-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 44. Ст. 5641.

** Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (см.: Рос. газ. 2013. 27 дек.).

(складочном) капитале (паевом фонде) государства; 5) если преступлением причинен вред коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) муниципального образования; 6) если предметом преступления явилось государственное имущество; 7) если предметом преступления явилось муниципальное имущество; 8) если предприниматель предположительно совершил помимо преступлений, перечисленных в ч.ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ, еще и иное преступление, преследуемое в публично-правовом порядке; 9) при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Примером, иллюстрирующим вышесказанное, стали всем известные февральские события 2013 года, когда на совещании Правительства РФ по вопросам развития электроэнергетического комплекса Президент В. Путин упрекнул руководство корпорации «РусГидро» в том, что она ничего не предпринимает для возврата похищенных у компании бюджетных средств: «Миллиард у вас утащили. Миллиард ушел на подставные конторы, где по два человека работают. Миллиард растворился, а вы разбираетесь до сих пор и не считаете нужным защищать интересы компании». Президент также поручил главе МВД России В. Колокольцеву разобраться с аферами в «РусГидро».

Полицейские, в свою очередь, пожаловались президенту на то, что у них уже давно есть данные о махинациях и хищениях в корпорации, однако ее руководство не идет с ними на сотрудничество и не горит желанием признавать себя потерпевшей стороной*. Полицейские в данном случае напрасно беспокоили господина Е. Дода: уголовное преследование по данному делу оставалось публичным, поскольку потерпевшая сторона — государственная корпорация. Но таков тренд: невмешательство полиции в «хо-

зяйственные споры», что воспринимается многими полицейскими с облегчением**.

Полагаем, как и другие авторы, что новый порядок частно-публичного уголовного преследования отличается тем, что: 1) следователь не вправе возбудить уголовное дело при наличии данных о том, что жертвами мошенничества, иного преступления, указанного в ч. 4 ст. 20 УПК РФ, стали несколько лиц, но ни одно из них не обратилось с заявлением, 2) возбудив уголовное дело по заявлению одного из потерпевших, следователь не ограничен в пределах расследования и не зависит в ведении дела и выдвигении обвинения от воли других потерпевших от преступных действий данного обвиняемого [5].

Частно-публичное уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, или с момента предъявления обвинения по одной из статей Особенной части УК РФ, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, лицу, в отношении которого дело было возбуждено по другой статье уголовного закона, или если уголовное дело было возбуждено по факту по причине неизвестности лица, подлежащего привлечению к уголовному преследованию. В этих трех случаях, на наш взгляд, требуется получить согласие потерпевшего на вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Кроме того, мы считаем, что по делам данной категории не может быть так называемого «фактического задержания», подозреваемый подлежит задержанию при наличии к тому оснований только в рамках возбужденного по заявлению потерпевшего уголовного дела.

В заключение надо привести позицию Верховного Суда РФ по вопросу об обратной силе Федерального закона от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ, изменившего редакцию ч. 3 ст. 20 УПК РФ. В пункте 1.4

** Как показали результаты проведенных нами опросов 118 следователей и оперативных сотрудников ОВД, 87 % из них положительно оценили перевод дел о мошенничестве в категорию дел частно-публичного обвинения. 90 % указали, что и ранее заявление потерпевшего было обязательным условием для возбуждения дел о мошенничестве. 78 % полагают, что обязательно должно быть заявление потерпевшего при любом виде хищения чужой собственности, в ином случае уголовное дело не надо возбуждать.

* См. об этом, напр.: МВД: глава «РусГидро» привез в полицию не то заявление // РБК. Daily. 2013. 19 февр. URL: <http://news.rambler.ru/17695998/>; «РусГидро» к 20 февраля 2013 г. направит в МВД заявление в связи с хищением средств. URL: <http://www.rbc.ru/rbc-freenews/20130218160818.shtml> URL: <http://bumsalut.jimdo.com/>

«Обзора судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации” и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД “Об объявлении амнистии”», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г., сказано следующее: «Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ также внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Согласно новой редакции ч. 3 ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частного-публичного обвинения отнесены дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159-159.6, 160, 165 УК РФ, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением

им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случаев, когда преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо когда предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ, вступили в силу с 10 декабря 2012 г. Исходя из положений ст. 4 УПК РФ, при производстве по уголовному делу применяется уголовно-процессуальный закон, действовавший во время производства соответствующего процессуального действия или принятия процессуального решения. Производство по возбужденным до указанной даты уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 159-159.6 УК РФ, прекращению по основанию отсутствия заявления потерпевшего не подлежит»*.

* URL: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?id=8992

Список литературы

1. Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 821 с.
2. Гуцев В.Е., Александров А.С. Народное обвинение в уголовном суде: учеб. пособие. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1998. 160 с.
3. Александров А.С., Поляков М.П. Уголовное преследование // Уголовный процесс: сборник учебных пособий. Общая часть. Вып. 1. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. С. 103-131.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2010. 1124 с.
5. Александров А.С., Александрова И.А. Частно-публичное уголовное преследование по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2013. N 2. С. 77-82.
6. Александров А.С., Александрова И.А. Мошенникам укрепляют иммунитет // Юрист предприятия (в вопросах и ответах). 2013. N 2. С. 63-68.
7. Александров А.С., Александрова И.А. Новое – буржуазное уголовное и уголовно-процессуальное право России // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: сб. науч. тр. Мн.: Академия МВД РБ, 2013. С. 101-102.

References

1. Aleksandrov A.S., Kovtun N.N., Polyakov M.P., Serebrova S.P. *Ugolovnyy protsess Rossii* [Russian criminal procedure]. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2001. 821 p.
2. Gushchev V.E., Aleksandrov A.S. *Narodnoe obvinenie v ugolovnom sude* [Folk prosecution in a criminal court]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Russian Ministry of Interior Law Institute Publ., 1998. 160 p.

3. Aleksandrov A.S., Polyakov M.P. Uголовное presledovanie [Prosecution]. *Uголовnyy protsess. Sbornik uchebnykh posobiy. Obshchaya chast'. Vyp. 1* [Criminal Procedure. Collection of textbooks. General part. Edition 1]. Moscow, 2002. Pp. 103-131.
4. Kommentariy k Uголовno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Moscow, Yurayt Publ., 2010. 1124 p.
5. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Chastno-publichnoe uголовное presledovanie po delam o moshennichestve [Private-public prosecuting cases of fraud]. *Uголовное pravo* – Criminal Law, 2013, no. 2, pp. 77-82.
6. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Moshennikam ukreplyayut immunitet [Fraudsters strengthen immunity]. *Yurist predpriyatiya (v voprosakh i otvetakh)* – Lawyer Company (questions and answers), 2013, no. 2, pp. 63-68.
7. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Novoe – burzhuaznoe uголовное i uголовno-protsessual'noe pravo Rossii [New – bourgeois criminal law and criminal procedural law in Russia]. *Klassicheskaya i postklassicheskaya metodologiya razvitiya yuridicheskoy nauki* [Classical and post-classical methodology development of legal science]. Minsk, Academy of Ministry of the Interior Affairs of the Republic of Belarus, 2013. Pp. 101-102.

Раздел 6. Уголовно-процессуальное обозрение

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук,
профессор, anrc@rambler.ru
Кафедра уголовного процесса;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603144, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

ALEXANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences,
professor, anrc@rambler.ru
Chair of criminal procedure;
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3,
Nizhny Novgorod, 603144,
Russian Federation

АЛАЕВ Р.С.,
corleone_095@mail.ru
Кафедра уголовного процесса;
Нижегородская академия
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
603600, г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3

ALAYEV R.S.,
corleone_095@mail.ru
Chair of criminal procedure;
Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Ankudinovskoe Highway 3,
Nizhny Novgorod, 603144,
Russian Federation

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ДЕЛА) В СВЯЗИ С АМНИСТИЕЙ

Реферат. Предусмотренное пунктом 3 части 1 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основание прекращения уголовного преследования — вследствие акта об амнистии — является обязательным, нереабилитирующим основанием для прекращения производства по делу как в ходе предварительного расследования, так и на судебных стадиях. Такое решение предполагает основанную на материалах расследования констатацию того, что лицо совершило деяние, содержащее все признаки состава преступления. Прекращение уголовного дела есть одна из форм реализации амнистии: в тех случаях, когда дело на момент принятия акта об амнистии еще не разрешено по существу и находится в производстве органа предварительного расследования или суда. Вследствие амнистии прекращаются дела, находящиеся на стадии предварительного расследования или у прокурора для решения вопроса об утверждении обвинительного акта. Не имея полномочий прекратить уголовное дело, прокурор в подобных случаях должен возвратить уголовное дело следователю (пункт 2 части 1 статьи 221 УПК РФ) с указанием на необходимость решения вопроса о прекращении уголовного дела. Если подсудимый возражает против прекращения уголовного дела по амнистии, то суд должен рассмотреть дело в общем порядке и разрешить его по существу с вынесением приговора (обвинительного или оправдательного), если только не будет установлено иного основания для прекращения этого дела до удаления судьи (судей) в совещательную комнату. Обвинительный приговор с освобождением от наказания по амнистии выносится судом только в случаях, когда подсудимый в ходе судебного разбирательства не согласился с прекращением дела по данному основанию в ходе судебного разбирательства и (или) не признает полностью своей вины по предъявленному обвинению и не должен быть оправдан. В остальных же случаях дело должно быть прекращено судом вследствие акта об амнистии.

Ключевые слова: амнистия, прекращение уголовного дела, налоговые преступления.

THE TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION (CASE) DUE TO THE AMNESTY

Abstract. Provided by item 3 of Part 1 of Article 27 of the Russian Federation Criminal Procedure Code the basis for termination of prosecution due to the amnesty act is the obligatory ground for

termination of proceedings, both during the preliminary investigation and in court. Such decision assumes ascertaining of the fact that the person committed the act containing all elements of corpus delicti, based on the investigation materials. The termination of criminal case is one of the forms of amnesty implementation. Due to the amnesty the cases at the stage of preliminary investigation or the cases pending the prosecutor's decision concerning bringing indictment are to be terminated. In such situations, if the prosecutor has no authority to close the criminal case, he has to return it to the investigator indicating the necessity to dismiss it. If the defendant objects to the termination of criminal case under an amnesty, the court has to try the case according to the general procedure and to solve it on the merits by passing a sentence (accusatory or justificatory) unless there is another basis for termination of this case before withdrawing of the judge (judges) to the consultative room. The accusatory sentence with release from punishment under an amnesty is passed by the court only in cases when during the trial the defendant disagreed with the termination of the case on this ground and (or) doesn't plead guilty and shouldn't be acquitted. Otherwise the case must be terminated by court due to the amnesty act.

Keywords: amnesty, termination of criminal case, tax crimes.

2013 год был годом двух амнистий, весьма отличающихся друг от друга. Это делает актуальным рассмотрение ряда вопросов, связанных с порядком прекращения уголовных дел (преследований) как по первому*, так и по второму акту об амнистии**.

Уголовное дело прекращается на стадии предварительного расследования тогда, когда устанавливаются обстоятельства, или исключающие дальнейшее производство по делу, или делающие такое производство нецелесообразным. Дело прекращается в суде во всех случаях, когда по нему не выносится приговор.

Предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ основание прекращения уголовного преследования — вследствие акта об амнистии — является обязательным, нереабилитирующим основанием для прекращения производства по делу как в ходе предварительного расследования, так и на судебных стадиях.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ решение о прекращении уголовного дела вследствие акта об амнистии не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность об-

виняемого в том смысле, как это предусмотрено ст. 49 Конституции. Однако такое решение предполагает основанную на материалах расследования констатацию того, что лицо совершило деяние, содержащее все признаки состава преступления***.

Уголовные дела, по которым лица, совершившие преступления, не установлены, прекращению по данному основанию не подлежат. При этом под установлением надо понимать официально сформулированное и выдвинутое против лица обвинение [1, с. 61], т.е. вынесение следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого или вынесение дознавателем обвинительного акта, обвинительного постановления, в которых констатировано совершение обвиняемым преступления, подпадающего под амнистию. Согласие обвиняемого с этим обвинением, что подтверждается его ходатайством или отсутствием возражения на прекращение дела по данному основанию, позволяет, наряду с другими обвинительными доказательствами, презюми-

* Об объявлении амнистии: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 27. Ст. 3558.

** Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 дек. 2013 г. N 3500-6 ГД // Рос. газ. 2013. 19 дек.

*** По делу о проверке конституционности статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова: постановление Конституционного Суда РФ от 28 окт. 1996 г. N 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. N 45. Ст. 5203; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильинского Игоря Яковлевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой и частью второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16 окт. 2003 г. N 353-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ровать совершение преступления данным лицом.

Решение о прекращении уголовного дела предполагает основанную на материалах расследования констатацию того, что лицо совершило деяние, содержащее все признаки состава преступления. Прекращение уголовного (дела) преследования вследствие вступления в силу акта об амнистии не допускается, если обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Следовательно, перед тем как принимать решение о прекращении уголовного дела в связи с объявлением амнистии, органу предварительного расследования или суду необходимо получить согласие на это обвиняемого, подсудимого, если тот не сам ходатайствовал о принятии подобного решения [2, с. 462]. Если дело рассматривается в суде, то судье необходимо разъяснять лицу его право возражать против прекращения уголовного дела по данному основанию и юридические последствия прекращения уголовного дела, а также выяснять, согласно ли оно на прекращение уголовного дела. Согласие (несогласие) лица следует отражать в судебном решении. Если имеется несколько нереабилитирующих оснований, то суд в целях соблюдения требований ч. 2 ст. 27 УПК РФ разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования по каждому из этих оснований и прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование по тому основанию, против которого оно не возражает*.

Вообще амнистия влечет за собой более широкие правовые последствия, чем только основание для прекращения уголовного дела (преследования). Амнистия влечет за собой освобождение от уголовной ответственности (ст. 84 УК РФ). Освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление, в частности, от осуждения и

наказания такого лица (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г.). Освобождение от уголовной ответственности реализуется в процессе исполнения содержащихся в акте амнистии предписаний: а) о невозбуждении уголовных дел в отношении определенных категорий лиц; б) прекращении уголовных дел, находящихся в производстве органов предварительного расследования или у прокурора; в) прекращении уголовных дел, находящихся в производстве судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Кроме того, амнистия распространяется на лиц, которые уже были осуждены, и выражается в том, что влечет за собой освобождение от наказания либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания, а также снятие судимости.

Следовательно, прекращение уголовного дела есть одна из форм реализации амнистии: в тех случаях, когда дело на момент принятия акта об амнистии еще не разрешено по существу и находится в производстве органа предварительного расследования или суда. При этом иногда положения амнистии, касающиеся условий освобождения от наказания или смягчения наказания, влияют на порядок и саму возможность прекращения дела судом. Кроме того, необходимо согласиться с выводом о том, что прекращение уголовного преследования вследствие принятия акта об амнистии возможно лишь в том случае, если он освобождает данное лицо от уголовной ответственности. Если же условия применения амнистии предполагают в отношении данного лица только освобождение от применения наказания, его сокращение или замену более мягким видом, субъектом применения амнистии является только суд, который не прекращает уголовное дело, а выносит обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания (п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ) [3, с. 107].

Конкретные указания относительно круга лиц, на которых распространяются правовые последствия амнистии, в том числе указания относительно прекращения уголовных дел, устанавливаются соответ-

* Пункты 21, 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (См.: Рос. газ. 2013. 5 июля).

твующими постановлениями Государственной Думы России (далее – ГД ФС РФ). Так, в пункте 5 Постановления ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» по поводу круга дел, подлежащих прекращению, сказано: «Прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, предварительного следствия и суда, о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Постановления, предусмотренных статьями 146, 147, 159.1, 159.4, 171, 171.1, частью первой статьи 172, статьями 173.1, 173.2, 174, 174.1, 176, 177, частями первой и второй статьи 178, статьями 180, 181, 191, 192, 193, частями первой, второй и пунктом “а” части третьей статьи 194, статьями 195, 196, 197, 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, если лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении указанных преступлений, выполнили обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим».

Таким образом, основным критерием, определяющим предмет данной амнистии, были прежде всего составы преступлений, которые принято относить к «экономическим». Именно поэтому данную амнистию называли «пропредпринимательской». Предполагалось, что будут освобождены от уголовной ответственности как минимум 5-6 тысяч, а может быть, и все 100 тысяч «бизнесменов», совершивших преступления такого рода*. По факту амнистией воспользовались 400 человек**, а потенциально она распространялась на 1 700 осужденных по «экономическим статьям».

Напротив, вторая амнистия более демократична, масштабы ее будут гораздо больше. В пункте 6 Постановления ГД ФС

* Один из инициаторов этой амнистии – омбудсмен по правам предпринимателей Б. Титов утверждал: «Экономическая амнистия освободит около ста тысяч человек». См.: URL: <http://www.rg.ru/2013/06/26/amnistiya-anons.html>

** См.: Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29 нояб. 2012 г. N 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 дек. 2013 г. URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?!id=8992.

РФ от 18 декабря 2013 г. N 3500-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 20-летием принятия Конституции Российской Федерации» сказано: «Прекратить находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Постановления, в отношении: 1) подозреваемых и обвиняемых в совершении в возрасте до 16 лет преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы; 2) подозреваемых и обвиняемых в совершении в возрасте от 16 до 18 лет преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы, и ранее не отбывавших наказание в воспитательных колониях; 3) лиц, указанных в подпунктах 1-7 пункта 2 настоящего Постановления, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы, и ранее не отбывавших наказание в исправительных учреждениях; 4) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в возрасте до 18 лет, а также лиц, указанных в подпунктах 1-7 пункта 2 настоящего Постановления, если за преступления, в совершении которых подозреваются или обвиняются указанные лица, не предусмотрено наказание, связанное с лишением свободы; 5) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных частями второй и третьей статьи 212, статьей 213 и частью первой статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Как видим, здесь законодатель использовал иные критерии для определения круга лиц, подпадающих под амнистию, а именно: 1) пол и возраст лица, совершившего преступление, 2) тяжесть наказания, предусмотренного законом за совершенное преступление; объект и предмет преступления при этом не имеют значения. Исключение составляет пункт пятый, который, как считают комментаторы, был добавлен в последний момент по личной инициативе Президента России В. Путина. В нем использован иной критерий: перечислены конкретные составы преступлений, дела о которых еще ведутся расследованием, т.е. не закончены***.

*** Очевидно, что это положение имеет конкретных адресатов – фигурантов «Болотного дела». Это и подтвердили последующие события.

Общим для обеих амнистий является наличие ограничительных условий для их применения. При этом для первой амнистии ключевым условием для прекращения уголовного преследования (освобождения от отбывания наказания) было возмещение причиненного вреда. Для обеих актов амнистии общими являются ограничения по применению амнистии к лицам, представляющим повышенную социальную опасность; хотя характер этих ограничений различен (соответственно: п. 7 Постановления ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД и п. 10 Постановления ГД ФС РФ от 18 декабря 2013 г. N 3500-6 ГД). Отметим и то, что вторая амнистия не распространяется на лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ. В то же время ряд лиц, попавших под первую амнистиционную волну (к ним, например, относятся обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 159.1, ч.ч. 1 и 2 ст. 159.4 УК РФ), но не воспользовавшихся правом согласиться на прекращение дела по данному основанию с выполнением обязательства по возврату имущества и (или) возмещению убытков потерпевшим, попали и под вторую амнистию, и поскольку требованиями компенсационного характера она не сопровождается, то мошенникам есть резон воспользоваться ей.

Прекращение уголовного дела по рассматриваемому нереабилитирующему основанию порождает обязанность виновника преступления претерпеть определенные ограничения правового статуса, которые варьируют в широком диапазоне: от материальных потерь до запрета на профессию*. Лицо считается совершившим преступление и ставится на соответствующий учет. (В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 17

* Так, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 28 дек. 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» гражданин не может быть принят на службу в Следственный комитет или подлежит увольнению лицо, если в отношении его прекращено уголовное преследование вследствие акта об амнистии. Аналогичные нормы содержатся в п. 3 ч. 1 ст. 29 Федерального закона от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», подп. 13 п. 142 Указа Президента РФ от 5 июня 2003 г. N 613 (ред. от 7.06.2013 г.) «О правоохранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ».

Федерального закона «О полиции» полиция вносит в банк данных информацию о лицах, в отношении которых вынесено постановление о прекращении уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием). Лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено в связи с актом об амнистии, судимым не является. Вместе с тем для этого лица могут наступить иные неблагоприятные последствия. Прежде всего, оно становится уязвимым для гражданско-правовых притязаний в связи с причинением вреда неправомерными действиями (преступлением). Лица, подпадающие под действие постановления об объявлении амнистии, не освобождаются от обязанности возмещения вреда, причиненного ими в результате совершения общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ**. Согласно Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации, обязательным для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда по уголовному делу, является только приговор, вступивший в законную силу, и только по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом (ч. 4 ст. 61)***.

Поскольку лицо, в отношении которого прекращено дело по данному основанию, не реабилитировано, на него не распространяются меры реабилитации,

** Такое требование было закреплено в п. 5 Постановления ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и п. 7 Постановления ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. N 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии"».

*** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соколовой Ольги Семеновны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой и частью второй статьи 27, статьями 212 и 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью первой статьи 71 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. N 501-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предусмотренные главой 18 УПК РФ*, так как прекращение уголовного дела (освобождение от наказания) в указанных случаях само по себе не является свидетельством незаконности или необоснованности уголовного преследования. Таким образом, его права и свободы, подвергнутые ограничению в ходе уголовного преследования, обязательному восстановлению не подлежат (например, восстановление в должности, возвращение почетных званий или наград, восстановление репутации, доброго имени и т.п.).

Однако если уголовное дело было возбуждено, несмотря на наличие обстоятельства, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, либо вред причинен вследствие продолжения уголовного преследования после возникновения или установления такого обстоятельства, за исключением случаев продолжения уголовного преследования в связи с возражением лица против его прекращения по данным основаниям, лицо имеет право на возмещение вреда в порядке главы 18 УПК РФ. Если суд в ходе судебного разбирательства придет к выводу о наличии оснований для оправдания лица, возражавшего против прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, то это лицо подлежит реабилитации (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17).

Необходимо остановиться на особенностях прекращения уголовного дела (преследования) вследствие амнистии на отдельных стадиях уголовного процесса. В связи с амнистией прекращаются дела (уголовное преследование в части), находящиеся на стадии предварительного расследования или переданные прокурору для решения вопроса об утверждении обвинительного заключения, обвинительного акта. В последнем случае, не имея полномочия прекратить уголовное дело, прокурор должен возвратить уголовное дело следователю (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) с указанием о необходимости решения вопроса о пре-

кращении уголовного дела. Если речь идет о дознании, то прокурор сам прекращает уголовное дело при наличии основания, предусмотренного п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, и условий, установленных соответствующим актом об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 226, п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ).

Неоднозначно понимается процедура прекращения дела по данному основанию, если дело находится в судебных стадиях. Согласно распространенной точке зрения, из ч. 8 ст. 302 УПК РФ следует, что если основание прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования, указанное в п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, обнаруживается в ходе судебного разбирательства, то суд продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. Суд выносит обвинительный приговор, в резолютивной части приговора признает подсудимого виновным, назначает наказание по соответствующей статье уголовного закона, а затем освобождает его от наказания (ст.ст. 83, 84 УК РФ) [4, с. 106]. Так, В.В. Сверчков считает, что если «акт об амнистии вступил в силу во время нахождения УД на стадии судебного разбирательства, суд доводит разбирательство дела до его разрешения по существу и постановляет обвинительный приговор с назначением наказания и освобождением от его отбывания (см. ч. 5, 6, 8 ст. 302 УПК)» [5, с. 201].

Мы не вполне согласны с такой трактовкой закона. Наша позиция основывается на нижеследующих разъяснениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Прежде всего отметим, что вопрос о характере судебного решения, подлежащего вынесению судом на стадии судебного разбирательства, если именно в это время вступил в силу акт об амнистии, был неоднократно предметом рассмотрения Конституционного Суда. Так, постановлением Конституционного Суда России от 24 апреля 2003 года N 7-П, принятым по жалобе гражданки Л.М. Запорожец, было признано не противоречащим Конституции Российской Федерации положение пункта 8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», поскольку по своему конституционно-правовому смыслу данное положение

* Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 нояб. 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (См.: Рос. газ. 2011. 5 дек.).

ние в системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования не препятствует суду в рассмотрении находящегося на стадии судебного разбирательства уголовного дела по существу с последующим решением вопроса о применении акта об амнистии, а также не лишает потерпевшего прав на доступ к правосудию и эффективную судебную защиту в установленных законом процессуальных формах.

Конституционный Суд Российской Федерации, признав в постановлении от 24 апреля 2003 года N 7-П, что применение в ходе судебного разбирательства амнистии в отношении подсудимого возможно лишь после того, как сам суд установит наличие для этого соответствующих оснований и условий, проведя с участием сторон непосредственное исследование всех необходимых доказательств и выслушав мнения как стороны обвинения, так и стороны защиты по имеющим значение для разрешения дела вопросам, не определил, каким именно процессуальным решением — приговором или постановлением (определением) о прекращении уголовного дела — должно оформляться применение акта об амнистии. Конституционный Суд РФ отказался признать противоречащим конституционно-правовому смыслу такое толкование судом общей юрисдикции акта об амнистии, которое позволило прекратить данное уголовное дело вследствие акта, а не постановить обвинительный приговор*. Позицию Конституционного Суда можно понимать так: амнистия применяется в форме прекращения уголовного дела и в форме освобождения от наказания.

Кроме того, нельзя забывать положения ст. 239 УПК РФ, которые надо толковать в пользу подсудимого, заинтересованного в том, чтобы дело в отношении его было прекращено непосредственно на стадии судебного разбирательства, а не выносился обвинительный приговор. Согласно части 1 ст. 239 УПК РФ в случае, предусмотренном п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ,

судья выносит постановление о прекращении уголовного дела. В соответствии с п. 1 ст. 254 УПК РФ, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд прекращает уголовное дело в судебном заседании.

Пленум Верховного Суда России дал разъяснения применительно к ряду нереабилитирующих оснований, в число которых, по нашему мнению, вполне можно включить и основание, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ**, в соответствии с которым по результатам предварительного слушания судья может вынести постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по основаниям, если обвиняемый против этого не возражает (ч. 2 ст. 27, ч. 1 и 2 ст. 239 УПК РФ). В случае, если во время судебного разбирательства будет установлено обстоятельство, указанное в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а также в случаях, предусмотренных статьями 25, 28 и 28.1 УПК РФ, суд прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование только при условии согласия на это подсудимого. При этом не имеет значения, в какой момент производства по делу в суде вступил в силу акт об амнистии. Если в результате продолженного судебного разбирательства в связи с возражением подсудимого против прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования будет установлена его виновность, суд постановляет обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания (см. п.п. 24, 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 19).

Президиум Верховного Суда России по этому поводу дает такую рекомендацию: «В случае, если подсудимый или осужденный, в отношении которого приговор не вступил в законную силу, возражает против применения акта об амнистии, прекращение уголовного преследования не допускается, производство по делу продолжается в обычном порядке. В случае вынесения обвинительного приговора суд освобождает осужденного от наказания (ч. 8 ст. 302 УПК РФ). Возражение осуж-

* Об отказе в удовлетворении ходатайства гражданки Запорожец Ларисы Михайловны об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года N 7-П: определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2007 г. N 369-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** В этом же убеждает содержание пункта 2.3 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда 4 декабря 2013 г.

денного, в отношении которого приговор вступил в законную силу, против применения акта об амнистии не является для суда обязательным» (см. п. 2.4 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом Верховного Суда 4 декабря 2013 г.).

Известные нам из судебной практики примеры свидетельствуют о том, что Постановление ГД ФС РФ от 2 июля 2013 г. N 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» применяется через прекращение дела на стадии судебного разбирательства или на стадии апелляционного производства, а не через вынесение обвинительного приговора с освобождением от отбывания от наказания. Именно такую позицию занял Московский городской суд, отменивший обвинительный приговор Бутырского районного суда г. Москвы от 2 сентября 2013 года в отношении Д., которым подсудимый был признан виновным в совершении преступления с назначением наказания и освобождением от его отбывания. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что Д. осужден с нарушением норм уголовно-процессуального закона (п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 239 УПК РФ), поэтому приговор суда

первой инстанции был отменен, а уголовное дело прекращено вследствие акта об амнистии*.

Исходя из вышесказанного, если подсудимый возражает против прекращения уголовного дела по амнистии, то суд должен рассмотреть дело в общем порядке и разрешить его по существу с вынесением приговора (обвинительного или оправдательного), если только не будет установлено иного основания для прекращения этого дела до удаления судьи (судей) в совещательную комнату. Таким образом, обвинительный приговор с освобождением от наказания по амнистии выносится судом только в случаях, когда подсудимый в ходе судебного разбирательства не согласился с прекращением дела по данному основанию в ходе судебного разбирательства и (или) не признает полностью своей вины по предъявленному обвинению и он не должен быть оправдан. В остальных же случаях дело должно быть прекращено судом вследствие акта об амнистии.

* Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 окт. 2013 г. по делу N 10-10931. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;=747827>

Список литературы

1. Александров А., Варяник А. Прекращение досудебного уголовного преследования несовершеннолетнего обвиняемого в порядке, предусмотренном ст. 427 УПК РФ // Уголовное право. 2004. N 4. С. 60-62.
2. Александров А.С. Глава 19. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) // Уголовный процесс РФ: учебник / отв. ред. А.П. Кругликов. М.: Проспект, 2009. С. 462-481.
3. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 992 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева [и др.]; отв. ред. А.И. Парог. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 672 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 1306 с.

References

1. Aleksandrov A., Varyanik A. Prekrashchenie dosudebnogo ugovalnogo presledovaniya nesovershennoletnego obviniaemogo v poryadke, predusmotrennom st. 427 UPK RF [Termination of pre-trial criminal prosecution of juvenile defendants in the manner prescribed by Art. 427 Code of Criminal Procedure]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2004, no. 4, pp. 60-62.
2. Aleksandrov A.S. Glava 19. Prekrashchenie ugovalnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) [Chapter 19. Termination of criminal proceedings (criminal prosecution)]. *Ugolovnyy protsess Rossiyskoy Federatsii* [Criminal Procedure of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2009. Pp. 462-481.
3. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2009. 992 p.
4. Gracheva Yu.V. [i dr.] *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospect Publ., 2009. 672 p.
5. *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 1306 p.

КРИВОЩЕКОВ Н.В., кандидат юридических наук, доцент, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru Кафедра организации расследования преступлений и судебных экспертиз; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	KRIVOSHCHEKOV N.V., Candidate of Legal Sciences, associate professor, Krivoschyokov.nikolaj@yandex.ru Chair of crime detection and forensics; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
БУЛДАКОВА В.К., umvd72@mail.ru Следственное управление; Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тюменской области, 625000, г. Тюмень, Водопроводная, 38	BULDAKOVA V.K., umvd72@mail.ru Investigation Department; Department of the Ministry of the Interior of the Russian Federation on the Tyumen region, Vodoprovodnaya St. 38, Tyumen, 625000, Russian Federation

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК ОСНОВНАЯ МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Реферат. Констатируется ненадлежащее исполнение судебных решений в части имущественных взысканий. Вследствие длительности расследования и судебного рассмотрения уголовного дела преступник скрывает свое имущество, что влечет невозможность взыскания. Нейтрализовать такие действия может наложение ареста на имущество и ценные бумаги. При принятии такого решения необходимо учитывать цели проводимого действия, наличие оснований для его производства и следующих условий: процессуальная законность наложения ареста на имущество; направленность на достижение указанных в законе целей; соблюдение установленного порядка избрания; особый круг субъектов, на имущество которых может быть наложен арест: обвиняемый, подозреваемый; лица, несущие материальную ответственность за его действия; другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого. В последнем случае необходимо достоверно установить принадлежность такого имущества подозреваемому (обвиняемому), основания и время его приобретения, действительную цель сделки по приобретению имущества и другие обстоятельства. Требуют законодательного закрепления: круг участников данного действия, размер (стоимость) имущества, на которое налагается арест, необходимость указания в ходатайстве о наложении ареста на имущество конкретных предметов, на которые налагается арест. Так, имущество, подлежащее аресту, необходимо указывать в том случае, когда есть возможность установить его без особых задержек и затруднений, в материалах уголовного дела должна быть точная информация. Однако в отдельных случаях представляет сложность и требует значительного времени установление точных данных относительно предметов роскоши и т.п., которые находятся у лица, на чье имущество налагается арест. В результате цели наложения ареста на имущество могут быть не достигнуты, поэтому практику судебного разрешения наложения ареста на имущество в таких случаях можно признать правомерной.

Ключевые слова: возмещение вреда, причиненного преступлением; наложение ареста на имущество; имущество, подлежащее аресту.

PROPERTY SEIZURE AS A BASIC COMPENSATION MEASURE OF HARM CAUSED BY A CRIME

Abstract. The article concerns undue performance of judicial decisions concerning property recovery. Due to the duration of the investigation and judicial examination of the criminal case the

offender conceals his property, which implies impossibility of recovery. Seizure of property and funds can neutralize these actions. Making this decision it is necessary to take into consideration goals of the action, existence of grounds for its production, and the following conditions: procedural legality of the property seizure; focus on achieving goals specified in law; observance of established order for the selection of a preventive measure; a special range of subjects whose property can be seized: accused, suspect; persons financially liable for offender's actions; other persons who dispose of the property that is supposed to be obtained as a result of suspect's criminal actions. In the latter case it is necessary to reliably establish the ownership of the property to the suspect; grounds, time and purpose of property acquisition. It is required to legislate the following: a range of participants of the action, cost of the seized property. It is also necessary to attach the detailed list of subjects to the petition for seizure. Property to be seized should be indicated in case there is a possibility to establish it without any delays or difficulties. Criminal case materials should contain accurate information. In some cases it is quite complicated to determine information concerning articles of luxury etc. Thus, goals of property seizure can not be achieved; in such cases the practice of judicial authorization of property seizure can be legally acceptable.

Keywords: compensation for harm caused by a crime; property seizure; the property to be arrested.

Современное состояние правоприменительной практики характеризуется ненадлежащим исполнением судебных решений в части имущественных взысканий. Причиной этого выступает тот факт, что процесс расследования преступления, а затем судебного рассмотрения уголовного дела длится достаточно долго — от нескольких месяцев до нескольких лет. За это время преступник (или лицо, несущее ответственность за его действия) без особых проблем может предпринять меры по сокрытию своего имущества, что повлечет за собой невозможность взыскания.

Одной из действенных мер, направленных на противодействие такому противоправному поведению, является наложение ареста на имущество и ценные бумаги. Вместе с тем на практике применение данной меры уголовно-процессуального принуждения вызывает определенные трудности, а в теории уголовного процесса многие вопросы решаются неоднозначно.

Наложение ареста на имущество занимает особое место среди средств обеспечения возмещения материального вреда, причиненного преступлением, поскольку оно завершает деятельность по розыску имущества, приобретенного преступным путем, и служит основным средством обеспечения обращения на него в последующем взысканий [1, с. 54]. Наложение ареста на имущество — это мера процессуального принуждения, суть которой состоит в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться или пользоваться им, а также в изъятии иму-

щества и передаче его на хранение. Арестованное имущество не может быть продано, подарено, обменено, уничтожено, сдано внаем или заложено [1, с. 31]. Цель наложения ареста на имущество — установление препятствий к его возможному отчуждению или сокрытию.

Несмотря на то, что закон включает наложение ареста на имущество в число иных мер уголовно-процессуального принуждения, в теории уголовного процесса на этот счет существуют и другие точки зрения. Так, в свое время широкое распространение получил подход, согласно которому наложение ареста на имущество следовало считать следственным действием [2, с. 3], поскольку при составлении протокола наложения ареста на имущество нередко фиксируются значимые для уголовного дела обстоятельства, в частности, наличие у лица конкретных материальных ценностей. Кроме того, процедура наложения ареста на имущество (возбуждение перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество, порядок рассмотрения судом данного ходатайства, присутствие понятых, составление протокола) является характерной для следственного действия. Заметим, что основные работы сторонников рассматриваемой позиции относятся ко времени действия УПК РСФСР, согласно ст. 175 которого наложение ареста на имущество признавалось следственным действием.

Однако, выделяя в качестве основного признака следственного действия познавательный характер совершаемых

операций, наложение ареста на имущество нельзя отнести к следственным действиям. Согласно законодательству арест на имущество налагается при наличии обстоятельств, которые могут затруднить или сделать невозможным исполнение судебного решения. Это позволяет отнести данное действие к превентивным процессуальным принудительным средствам, цель которых — предупредить противоправное или нежелательное поведение участников уголовного процесса [3, с. 62]. При наложении ареста на имущество фактические данные, имеющие значение для дела, как правило, не добываются, и протокол наложения ареста на имущество среди доказательств не значится. Не допускается проводить наложение ареста на имущество и для обнаружения и изъятия предметов, полученных в результате совершения преступления. Такие предметы относятся к категории вещественных доказательств, обнаруживать и изымать которые следует путем производства следственных действий (обыска, выемки и др.).

Содержание наложения ареста на имущество состоит в ограничении прав собственности (хозяйственного ведения или оперативного управления). При этом всегда ограничивается право распоряжения имуществом (запрет отчуждения), в некоторых случаях — право пользования имуществом (когда в результате использования утрачиваются полезные свойства вещи, в частности, если вещь — потребляемая). Если ограничения прав по распоряжению и пользованию не могут обеспечить цели наложения ареста на имущество, то ограничивается и право владения — имущество изымается и передается на хранение другим лицам.

Далеко не во всех случаях наложение ареста на имущество может сопровождаться его физическим изъятием. Так, невозможно изъятие недвижимого имущества; денежных средств и иных ценностей, находящихся во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; бездокументарных ценных бумаг. Данное обстоятельство законодатель специально отметил в ч. 6 ст. 115 УПК РФ, устанавливая, что имущество, на которое наложен арест, может быть изъято либо передано по усмотрению лица, производившего арест, на хранение собственнику или владельцу

этого имущества, либо иному лицу, которые должны быть предупреждены об ответственности за сохранность имущества, о чем делается соответствующая запись в протоколе.

Наложение ареста на имущество, находящееся у лиц, допускается, если установлено, что оно приобретено преступным путем: полученное преступным способом или приобретенное на денежные средства, появившиеся в результате преступных действий (куплено на украденные деньги или деньги от реализации преступных ценностей и т.д.) [4, с. 54].

Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения является правоограничительным, и правовые ограничения при этом носят строго имущественный характер. Лицо, на имущество которого наложен арест, лишается права распоряжаться, а в отдельных случаях — и права пользоваться своим имуществом. Оно сохраняет лишь право владения и не утрачивает право собственности на свое имущество — до вынесения окончательного решения судом, который и определяет окончательную судьбу арестованного имущества [5, с. 61]. Однако, как отмечается в теории и в судебной практике, эти ограничения носят временный характер. «Сам по себе факт наложения ареста на имущество не сопряжен с лишением собственника прав на имущество, а также с их переходом к другому лицу или к государству. Устанавливаемые в этом случае ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом носят временный характер»*.

Наложение ареста на имущество и ценные бумаги может осуществляться при наличии определенных условий — обстоятельств, с установлением наличия или отсутствия которых закон связывает возможность применения меры принуждения.

В первую очередь к ним относится процессуальная законность наложения ареста на имущество. Это условие включает в себя:

1) наличие возбужденного уголовного дела, поскольку наложение ареста на имущество является мерой уголовно-

* Решение Курганского областного суда по кассационной жалобе Б. // Архив Курганского областного суда, уголовное дело N 3,6/2-236/12.

процессуального принуждения, а меры уголовно-процессуального принуждения могут быть применены только при установлении факта совершения преступления и, соответственно, после возбуждения уголовного дела;

2) наличие у следователя (дознавателя) процессуальных полномочий на заявление ходатайства о наложении ареста на имущество — уголовное дело не прекращено, не приостановлено производством, не истекли сроки предварительного расследования. Так, постановлением судьи Курганского городского суда от 25 ноября 2010 г. было отказано в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на имущество С. В обосновании решения, в частности, было указано, что уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 162 УК РФ, было возбуждено 2 сентября 2010 г. Дело должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня его возбуждения. При этом суду не было представлено сведений о том, что срок предварительного следствия по уголовному делу не истек и продлевался в установленном законом порядке*.

Вторым условием выступает направленность на достижение указанных в законе целей, в нашем случае — это обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска. Если имущество было получено в результате совершения преступления, то такие предметы являются вещественными доказательствами, обнаруживать и изымать которые следует путем производства следственных действий (обыска, выемки и др.).

Третье условие — соблюдение установленного в законе порядка избрания данной меры уголовно-процессуального принуждения. Арест на имущество может быть наложен только по разрешению суда. Субъектами, имеющими право на стадии предварительного расследования инициировать перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество, являются следователь (состоящий в соответствующей должности, принявший дело к своему производству, не подлежащий отводу). В специальной литературе активно обсуждается мнение, согласно которому правом непосредственного обращения в суд с хо-

датайством о наложении ареста на имущество обладает потерпевший (гражданский истец) [6, с. 81-85]. Однако, несмотря на все аргументы сторонников приведенной позиции, следует подчеркнуть, что это положение не соответствует требованиям ч. 1 ст. 115 УПК РФ. Поэтому в случае, когда потерпевший (гражданский истец) желает защитить свои имущественные права, нарушенные преступлением, посредством наложения ареста на имущество лица, несущего материальную ответственность за причиненный в результате преступления вред, ему надлежит обратиться с соответствующим ходатайством к лицу, ведущему производство по уголовному делу. Заявленное ходатайство рассматривается и разрешается в общем порядке (глава 15 УПК РФ).

Отметим, что уголовно-процессуальный закон (ст.ст. 42, 44 УПК РФ) прямо не устанавливает и обязанность следователя разъяснять потерпевшему (гражданскому истцу) право на обращение с данным ходатайством, поскольку этим участникам, согласно п. 5 ч. 2 ст. 42 и п. 4 ч. 4 ст. 44 УПК РФ, разъясняется в целом право на заявление ходатайств и отводов. Кроме того, в обязанность следователя (дознавателя) входит принятие всех мер, направленных на обеспечение возмещения вреда, причиненного преступлением. Активная роль властного субъекта при принятии решения о наложении ареста на имущество не требует специального разъяснения потерпевшему (гражданскому истцу) права на заявление ходатайства о наложении ареста на имущество.

Также следует отметить, что получение судебного решения до проведения действия является (в случае обеспечения гражданского иска) обязательным. Правило ч. 5 ст. 165 УПК РФ об уведомлении суда о проведенном действии здесь неприменимо. На этой позиции стоит и судебная практика. Так, постановлением судьи Курганского городского суда от 10 февраля 2012 г. было признано незаконным производство наложения ареста на имущество Л. В решении судьи было указано: «Арест имущества Л. произведен без судебного решения, о чем в суд 9 февраля 2012 г. представлены материалы, подтверждающие наложение ареста на имущество, уведомление суда о неотложности про-

* Уголовное дело N 3/8-201-102 // Архив Курганского городского суда.

ведения следственного действия, в целях обеспечения гражданского иска, так как в адрес следователя поступило исковое заявление от представителя потерпевшего. В ч. 5 ст. 165 УПК РФ предусмотрена возможность наложения ареста на имущество без судебного решения, в случаях, не терпящих отлагательства, только при наложении ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, — имущество, подлежащее конфискации. Следовательно, обеспечение гражданского иска и других имущественных взысканий не подпадает под действие ч. 5 ст. 165 УПК РФ»*.

Весьма важным условием является особый круг субъектов, на имущество которых может быть наложен арест: обвиняемый, подозреваемый; лица, несущие материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого (ст.ст. 1073-1078 ГК РФ); другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 115 УПК РФ). Так, постановлением судьи Курганского городского суда от 4 июня 2012 г. было отказано в удовлетворении ходатайства следователя СУ УМВД России по г. Кургану о наложении ареста на имущество — автомобиль «Кадиллак», принадлежащий М. В решении, в частности, было указано, что из копии постановления о возбуждении уголовного дела следует, что оно было возбуждено в отношении неустановленного лица, при этом суду не представлены ни копия протокола задержания лица по подозрению в совершении преступления, ни копия допроса в качестве подозреваемого, ни копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого. М., согласно протоколу допроса, имеет статус свидетеля**.

Наконец, арест не может быть наложен на имущество, на которое, согласно ГПК РФ, не может быть обращено взыскание. Перечень такого имущества содержится в ГПК РФ.

Наложение ареста на имущество допускается при наличии определенных оснований. Основанием наложения ареста на имущество являются сведения, выте-

кающие из материалов уголовного дела, которые указывают на причинение преступлением имущественного или морального вреда и обусловлены предъявлением гражданского иска о его возмещении либо вероятностью поступления такого иска, а также устанавливают возможность других имущественных взысканий с обвиняемого (подозреваемого) [7, с. 21].

Обязательным элементом основания наложения ареста на имущество является обоснованное предположение о том, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено. Это предположение должно основываться на конкретных фактах (попытке спрятать вещи, подаче объявления о продаже недвижимости, отказе или уклонении от добровольного возмещения вреда по заявленному гражданскому иску, уклонение от явки, воспрепятствовании выяснению истины и др.). Данное обстоятельство подчеркнуто Конституционным Судом РФ, который пояснил, что применение ареста, по смыслу ст. 115 УПК РФ, может иметь место лишь при определенных основаниях и условиях, указанных в уголовно-процессуальном законе, — наличии конкретных фактических обстоятельств, предопределяющих необходимость наложения ареста на имущество***.

В последнее время участились случаи, когда имущество подозреваемого (обвиняемого), подлежащее аресту, до начала или в ходе расследования оказывается оформленным или переоформленным на других лиц, чаще всего из числа родных и близких подозреваемого (обвиняемого). Имущество может передаваться даже без всякого оформления. Соответственно, при наложении ареста на такое имущество необходимо достоверно установить его принадлежность подозреваемому (обвиняемому). Эти обстоятельства не входят в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), однако их определение обязательно для защиты имущественных

* Дело N 3,6/2-21/12 // Архив Курганского городского суда.

** Уголовное дело N 3,6/2-101/12 // Там же.

*** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации вкладчиков «Объединение вкладчиков "МММ"» на нарушение конституционных прав и свобод частью девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. N 356-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и решения задачи обеспечения полного возмещения вреда, причиненного преступлением. Судебная практика последнего времени показывает, что суды все чаще удовлетворяют ходатайства следователей о наложении ареста на подобное имущество.

Так, Л. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 159 УК РФ (несколько эпизодов) по уголовному делу N 201102278/70. В ходе следствия было установлено, что Л. совершала хищения в период с 2006 по 2010 гг. на общую сумму 14 млн руб. За указанный период ею были приобретены квартира в г. Тюмени, земельный участок, жилой дом на этом участке, автомобиль. После этого, осознавая, что она может быть привлечена к уголовной ответственности, Л. по договорам дарения передала в собственность указанное имущество своей дочери Ш. 6 сентября 2011 г. Центральный районный суд г. Тюмени удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на указанное имущество, а также квартиру, находящуюся в собственности Л. в г. Тюмени*.

По уголовному делу N 02-8625-12 19 октября 2012 г. М. было предъявлено обвинение по ч. 3 ст. 160 УК РФ. В ходе расследования потерпевшими Ш. и Ж. были заявлены исковые требования, они были признаны гражданскими истцами. 30 октября 2012 г. судья Курганского городского суда удовлетворил ходатайство следователя о наложении ареста на имущество, в том числе на автомобиль «ВАЗ-21150», зарегистрированный на Б. (дочь обвиняемой М.). В кассационной жалобе на решение Курганского городского суда Б. просила отменить решение, поскольку она является единственным собственником автомобиля, приобретенного на личные средства в рассрочку для ребенка, а ее мать — М. лишь пользовалась данным автомобилем. Однако суду были представлены протоколы допросов потерпевших Ш. и Ж., свидетеля Д., из которых следовало, что именно М. приобрела указанный автомобиль, фактически пользовалась и распоряжалась им, как своим собственным. Жалоба Б. была оставлена без удовлетворения, решение судьи Курганского городского суда о на-

ложении ареста на автомобиль М. — без изменения**.

С целью установления принадлежности имущества, подлежащего аресту, могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия, следственные (осмотры, обыски, выемки, допросы и др.) и процессуальные действия. Для наложения ареста на имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого или обвиняемого и находящееся у других лиц, не имеет значения юридическое обоснование, по которому имущество перешло к ним. В связи с этим, независимо от того, передано ли приобретенное преступным путем обвиняемым (подозреваемым) имущество на хранение или во временное пользование другим лицам, перешло ли к ним право собственности на такое имущество, оно может быть арестовано и изъято [8, с. 8].

Закон не содержит четких указаний относительно того, нужно ли в постановлении о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество, в постановлении суда указывать конкретное имущество, на которое предполагается наложить арест. В судебно-следственной практике различных регионов России сформировалось два различных, диаметрально противоположных подхода: в одних случаях суд удовлетворяет ходатайство о наложении ареста на имущество, в других — отказывает в нем, так как в постановлении о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество не указано конкретное имущество, подлежащее аресту. Эта позиция является преобладающей, практикой подтверждается распространенное в научных источниках суждение, согласно которому до вынесения постановления о наложении ареста на имущество должны быть установлены:

а) индивидуально-определенные признаки, стоимость и местонахождение имущества, подлежащего аресту;

б) принадлежность этого имущества обвиняемому (подозреваемому) или другому гражданскому ответчику [9, с. 73].

Так, по уголовному делу N 02-8625-12 в Курганский городской суд было направлено ходатайство о наложении ареста на имущество. В нем было описано имущество, на которое предполагается наложить арест: «...кольцо женское из металла

* Уголовное дело N 201102278/70 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

** Уголовное дело N 02-8625-12 // Архив Курганского городского суда.

желтого цвета, внизу кольца указана проба 585, на лицевой стороне кольца присутствует 7 камней белого цвета...» (еще 9 объектов аналогичного описания). В решении об удовлетворении ходатайства судья Курганского городского суда также отразил индивидуальные признаки украшений в описательно-мотивировочной части постановления.

Несомненно, имущество, подлежащее аресту, необходимо указывать в том случае, когда есть возможность установить его без особых задержек и затруднений, в материалах уголовного дела должна быть точная информация. Например, в отношении имущества, право на которое подлежит государственной регистрации (недвижимое имущество, транспортные средства, некоторые виды ценных бумаг и др.), его наличие устанавливается путем направления запросов в соответствующие государственные органы. Однако в отдельных случаях представляет сложность установление точных данных относительно предметов роскоши, драгоценностей, произведений искусства и др., которые находятся у лица, на чье имущество налагается арест. Собираание подробных сведений, например, о стоимости таких предметов, весьма затруднительно и требует значительного времени. В результате цели наложения ареста на имущество могут быть не достигнуты, поэтому практику судебного разрешения наложения ареста на имущество в таких случаях можно признать правомерной.

В настоящее время из-за недостатков правового регулирования в законе, в теории и на практике неоднозначно решается вопрос о том, на какую сумму (в каком объеме) должно быть арестовано имущество. Здесь представляется справедливым правило соразмерности стоимости имущества, на которое налагается арест, размеру исковых требований или иных имущественных взысканий. Поэтому в вопросе об объеме, пределах наложения ареста на имущество надлежит руководствоваться общим принципиальным требованием о необходимости обеспечения полного возмещения вреда, причиненного преступлением, а имущество, подвергаемое аресту, по своей ценности должно быть эквивалентно ущербу, понесенному пострадавшим от преступления [10, с. 28].

В этом контексте интересна проблема возможности применения наложения ареста на имущество при заявлении исковых требований о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Исходя из неимущественного характера морального вреда и невозможности его денежной оценки, некоторые процессуалисты категорически возражают против наложения ареста на имущество как меры по обеспечению гражданского иска о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Их аргументы заключаются в следующем. Во-первых, наложение ареста на имущество в данном случае исключается самой природой морального вреда. Если при возмещении материального, имущественного ущерба восстановление прав носит эквивалентный характер, то компенсация морального вреда направлена на сглаживание причиненных нравственных и физических страданий. Во-вторых, имущественный ущерб возмещается в натуре или выплачивается стоимость утраченного имущества, размер которой всегда определен и известен; соответственно, определяется и имущество, подлежащее аресту, — пропорционально цене иска. При компенсации морального вреда размер возможного присуждения условен постольку, поскольку сумма компенсации еще только будет установлена судом при разрешении уголовного дела, а в момент наложения ареста сумма компенсации определяется самим потерпевшим произвольно, в зависимости от его индивидуальных особенностей. Ввиду этого вполне вероятно несоответствие стоимости арестованного в обеспечение гражданского иска о компенсации морального вреда имущества последующей сумме присужденной компенсации, которое может нарушать права лица, чье имущество арестовано. Нарушение, в частности, выражается в невозможности пользоваться и распоряжаться своим имуществом.

В противовес приведенным суждениям можно заметить следующее. Поскольку защита права — это государственно-принудительная деятельность, направленная на его восстановление путем обеспечения исполнения юридической обязанности, постольку в определенной степени функции и содержание ответственности и мер защиты могут совпадать. В этом отноше-

нии С.А. Беляцкий прямо указывает: «В способах возмещения убытков, взыскания неустойки, компенсации морального вреда штрафные и правовосстановительные функции занимают равное положение» [11, с. 91-92]. Согласно ст. 12 ГК РФ, компенсация морального вреда представляет собой не только способ защиты гражданского права, но и меру юридической ответственности. Поэтому в случае ее применения определенные негативные последствия для правонарушителя вполне возможны и допустимы, тем более если основанием компенсации морального вреда является преступление — наиболее опасный для общества деликт. Статья 115 УПК РФ устанавливает возможность наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, но не предусматривает каких-либо изъятий, связанных с природой заявленных исковых требований. Более того, так как компенсация морального вреда производится в денежном выражении (ч. 4 ст. 42 УПК РФ), обеспечение выплаты потерпевшему денежной суммы, определенной в приговоре суда в качестве компенсации за нравственные или физические страдания, является обязанностью соответствующего властного субъекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что в уголовном процессе использование мер по обеспечению гражданского иска в отношении требований потерпевшего о компенсации морального вреда вполне допустимо.

При наложении ареста на имущество законом не предусмотрено участие подозреваемого (обвиняемого). В некоторых случаях есть необходимость привлечения их к участию в действии как с целью определения перечня имущества, принадлежащего подозреваемому (обвиняемому) и подлежащего аресту, так и для решения отдельных задач тактического характера, стоящих перед следователем. Исполнение наложения ареста на имущество производится в присутствии не менее двух понятых. Кроме того, в нем могут участвовать:

а) специалист (товаровед — для оценки стоимости имущества; криминалист — для обнаружения тайных хранилищ);

б) заинтересованные лица (должно быть обеспечено право представителей

владельцев арестовываемого имущества (и объекта, в котором производится опись) на присутствие при принудительных поисковых действиях, фиксации признаков и изъятии имущества; это право закреплено в ст. 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве»);

в) иные лица (переводчик, должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, — ст. 164 УПК РФ).

При исполнении наложения ареста на имущество составляется протокол по правилам, предусмотренным ст.ст. 166, 167 УПК РФ. В протоколе отражаются индивидуально-определенные признаки арестовываемого имущества, его стоимость, факт отсутствия имущества, подлежащего аресту. В протоколе целесообразно указать, какое имущество, не подлежащее аресту, оставлено владельцу.

Наложение ареста на имущество отменяется на основании постановления ведущего процесс следователя с согласия руководителя следственного органа (дознавателя с согласия прокурора), судьи и определения суда, когда прекращаются основания для применения ареста (ч. 9 ст. 115 УПК РФ). Так, наложение ареста отменяется при отпадении:

а) общих условий для применения мер процессуального принуждения: прекращение уголовного дела или преследование конкретного лица (ст.ст. 213, 239 УПК РФ); постановление оправдательного приговора (ст. 306 УПК РФ);

б) специальных условий, необходимых для применения ареста имущества: отказ истца от гражданского иска (ч. 5 ст. 44 УПК РФ); добровольное возмещение ущерба; отказ суда в удовлетворении иска; оставление иска без рассмотрения (ч. 3 ст. 250; ч. 2 ст. 306 УПК РФ); недоказанность «преступного происхождения» имущества; доказанность, что имущество принадлежит не гражданскому ответчику [12, с. 54-56].

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Наложение ареста на имущество и ценные бумаги может осуществляться при определенных условиях — обстоятельствах, с установлением наличия или отсутствия которых закон связывает возможность применения меры принуждения.

К ним относится следующее:

1) процессуальная законность наложения ареста на имущество, включающая наличие возбужденного уголовного дела и наличие у следователя (дознателя) процессуальных полномочий на заявление ходатайства о наложении ареста на имущество;

2) направленность на достижение указанных в законе целей, в нашем случае — обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска;

3) соблюдение установленного в законе порядка избрания данной меры уголовно-процессуального принуждения. Получение судебного решения до проведения действия является обязательным;

4) особый круг субъектов, на имущество которых может быть наложен арест: обвиняемый, подозреваемый; лица, несущие материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого (ст.ст. 1073-1078 ГК РФ); другие лица, у которых находится имущество, в отношении которого есть основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 115 УПК РФ).

2. Субъектами, имеющими право на стадии предварительного расследования инициировать перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество, являются следователь, дознаватель.

3. Обязательным элементом основания наложения ареста на имущество является обоснованное предположение о том, что подлежащее взысканию имущество может быть сокрыто или отчуждено. Это

предположение должно основываться на конкретных фактах, подтвержденных доказательствами.

4. Установление того факта, что хотя имущество подозреваемого (обвиняемого), оформленное или переоформленное на других лиц, и не входит в предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ), однако их определение обязательно для защиты имущественных прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и решения задачи обеспечения полного возмещения вреда, причиненного преступлением.

5. В постановлении о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество необходимо указывать конкретное имущество, на которое предполагается наложить арест. Однако в отдельных случаях, когда установление точных данных (например, относительно предметов роскоши, драгоценностей, произведений искусства и др.) представляет сложность, практику судебного разрешения наложения ареста на имущество можно признать правомерной.

6. При решении вопроса о том, на какую сумму должно быть арестовано имущество, представляется справедливым правило соразмерности стоимости имущества, на которое налагается арест, размеру исковых требований или иных имущественных взысканий.

7. Использование мер по обеспечению гражданского иска в отношении требований потерпевшего о компенсации морального вреда вполне допустимо.

Список литературы

1. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
2. Чувилов А.А. Следственные действия по уголовно-процессуальному законодательству СССР и некоторых зарубежных социалистических стран: лекция. М., 1989. 68 с.
3. Прасковьян Д.А. Обеспечение гражданского иска: правовая природа и система средств. М., 2006. 112 с.
4. Чувилов А.А. Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий // Правовое принуждение в борьбе с преступностью: межвуз. сб. науч. тр. М., 1989. С. 45-52.
5. Ханов Т.А. Некоторые проблемы, связанные с наложением ареста на имущество, находящееся у других лиц // Уголовный закон: проблемы теоретического моделирования и правоприменения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Омск, 14 февраля 2008 г.). Омск: Омский юрид. ин-т, 2008. С. 61-64.
6. Дикарев И. Проблемы наложения ареста на имущество // Уголовное право. 2009. N 4. С. 81-85.
7. Аршба Г.В., Гирько С.И., Николюк В.В. Наложение ареста на имущество: учеб.-практ. пособие. М., 2004. 89 с.

8. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры принуждения в виде наложения ареста на имущество // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. N 3 (38). С. 6-12.
9. Иванов А.Н., Лапин Е.С. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2007. 176 с.
10. Аршба Г.В., Гирько С.И., Николюк В.В. Вопросы наложения ареста на имущество // Юридический консультант. 2004. N 11. С. 21-39.
11. Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. М., 1996. 64 с.
12. Власенко Н.В., Иванов А.Н. Отмена наложения ареста на имущество в порядке уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. N 4. С. 54-56.

References

1. Lonov V.A. *Nalozhenie aresta na imushchestvo pri proizvodstve predvaritelnogo rassledovaniya po ugovolnim delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh* [Seizure of property during a preliminary criminal investigation of economic crimes]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 192 p.
2. Chuvilev A.A. *Sledstvennye deystviya po ugovolno-protsessual'nomu zakonodatel'stvu SSSR i nekotorykh zarubezhnykh sotsialisticheskikh stran* [Investigative actions by the criminal procedural legislation of the USSR and some other socialist countries]. Moscow, 1989. 68 p.
3. Praskov'in D.A. *Obespechenie grazhdanskogo iska: pravovaya priroda i sistema sredstv* [Ensuring civil action: legal nature and system resources]. Moscow, 2006. 112 p.
4. Chuvilev A.A. Pravomernost', sodержanie i predely prinuzhdeniya pri proizvodstve sledstvennykh deystviy [Legitimacy, content and limits of coercion during investigative proceedings]. *Pravovoe prinuzhdenie v bor'be s prestupnost'yu* [Law enforcement in the fight against crime]. Moscow, 1989. Pp. 45-52.
5. Khanov T.A. Nekotorye problemy, svyazannye s nalozheniem aresta na imushchestvo, nakhodyashcheesya u drugih lits [Some problems associated with the seizure of the property located at others]. *Ugovolnyy zakon: problemy teoreticheskogo modelirovaniya i pravoprimeneniya* [Criminal Law: Problems of theoretical modeling and enforcement]. Omsk, Omsk Law Institute Publ., 2008. Pp. 61-64.
6. Dikarev I. Problemy nalozheniya aresta na imushchestvo [Problems seizure of property]. *Ugovolnoe pravo* – Criminal Law, 2009, no. 4, pp. 81-85.
7. Arshba G.V., Gir'ko S.I., Nikolyuk V.V. *Nalozhenie aresta na imushchestvo* [Seizure of property]. Moscow, 2004. 89 p.
8. Dezhnev A.S. Okhrana interesov sem'i i nesovershennoletnikh pri primenenii mery prinuzhdeniya v vide nalozheniya aresta na imushchestvo [Safeguarding the interests of the family and minors in applying coercive measures in the form of seizure of property]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossi* – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, 2010, no. 3 (38), pp. 6-12.
9. Ivanov A.N., Lapin E.S. *Nalozhenie aresta na imushchestvo v ugovolnom sudoproizvodstve* [Seizure of property in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform, 2007. 176 p.
10. Arshba G.V., Gir'ko S.I., Nikolyuk V.V. Voprosy nalozheniya aresta na imushchestvo [Questions seizure of property]. *Yuridicheskiy konsul'tant* – Legal Counsel, 2004, no. 11, pp. 21-39.
11. Belyatskin S.A. *Vozmeshchenie moral'nogo (neimushchestvennogo) vreda* [Compensation for moral (non-property) damage]. Moscow, 1996. 64 с.
12. Vlasenko N.V., Ivanov A.N. Otmena nalozheniya aresta na imushchestvo v poryadke ugovolnogo sudoproizvodstva [Cancel seizure of property through criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 2008, no. 4, pp. 54-56.

Раздел 7. Совершенствование правоохранительной практики

ХАМЕТДИНОВА Г.Ф., кандидат юридических наук, Gulnara.khametdinova@mail.ru Кафедра административной деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	KHAMETDINOVA G.F., Candidate of Legal Sciences, Gulnara.khametdinova@mail.ru Chair of administrative activity of law enforcement agencies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	--

ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ (ИНЫХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ) НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО ИХ СОДЕРЖАНИЮ И ВОСПИТАНИЮ

Реферат. С целью законного привлечения к ответственности по части 1 статьи 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дается подробная характеристика элементов и признаков состава административного правонарушения. Детально рассмотрены элементы и признаки состава административного правонарушения: противоправное деяние, совершаемое в форме бездействия; субъект правонарушения, которым признано лицо, обладающее родительскими правами и несущее ответственность за содержание и воспитание своих детей (является обязательной для обоих родителей), объект правонарушения и его объективная сторона. Разъясняются основания ответственности родителей (иных законных представителей) за допуск (нахождение) несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, в ночное время в общественных местах. Подчеркнуто, что правонарушением выступает как единое (единичное) проявление правонарушения, так и длящееся противоправное поведение. Обосновывается, что возбуждению административного производства должна предшествовать тщательная проверка фактов, свидетельствующих о неисполнении либо ненадлежащем исполнении родителем (иным законным представителем) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (необходимую информацию об этом инспектор подразделения по делам несовершеннолетних может получить в органах опеки и попечительства, в детских поликлиниках, детских садах, школах). Важной для административного производства информацией об образе жизни и взаимоотношениях в семье могут располагать родственники, соседи правонарушителя, сотрудники жилищно-коммунальных служб и другие лица. В случае повторности административного правонарушения предлагается ужесточить санкцию части 1 статьи 5.35 Кодекса аналогично части 2 этой же статьи, а именно увеличить размер административного штрафа и в качестве альтернативного наказания предусмотреть административный арест сроком до пяти суток.

Ключевые слова: несовершеннолетние, родители, законные представители, административно-правовая ответственность, неисполнение обязанности по воспитанию, ненадлежащее исполнение обязанности по воспитанию.

GROUND OF MINORS' PARENTS (OTHER LEGAL REPRESENTATIVES) LIABILITY FOR THE FAILURE TO PERFORM THE DUTIES OF THEIR MAINTENANCE AND EDUCATION

Abstract. The elements and components of an administrative offence for the purpose of legal prosecution according to Section 1 of Article 5.35 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation are studied. They are considered in detail, notably crimes of omission, the subject of an offence that is a person who has parental rights and bears responsibility for the maintenance and education of his (her) children (common and obligatory for both parents). The grounds of parents' (or other legal representatives') responsibility for admission (finding) of minors under 16 in public

places at night are given. It is emphasized that not only a single act of the offence, but also the continuing unlawful conduct is regarded as an offence. Administrative proceeding must be preceded by a thorough inspection of the facts testifying parents' (or another legal representative's) failure to perform the duties or negligent performance of duties of minor's education. Juvenile division inspector can acquire the necessary information from the bodies of guardianship, children clinics, kindergartens and schools. Relatives, neighbors of the offender, workers of housing and communal services can provide important information on the way of life and relations in the offender's family. It is proposed that in case of the repeated commission of an offence it is necessary to aggravate the sanction settled in Section 1 of Article 5.35 of the Administrative Offences Code similarly to Section 2 of the same article, namely to raise the administrative penalty and provide administrative arrest for 5 days as an alternative punishment.

Keywords: minors, parents, legal representatives, administrative and legal liability, failure to perform the duties of education, negligent performance of duties of education.

Довольно часто сотрудники органов внутренних дел при работе с родителями сталкиваются с непониманием последними того, почему они (родители) должны нести ответственность, если ребенок не поддается положительному воздействию, игнорирует их требования. Многие родители считают, что они добросовестно исполняют родительские обязанности по отношению к своим детям, и не видят основания привлечения их к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Однако следует обратить внимание на то, что обязанности ребенка в семье определяются только нормами нравственности (принудить его к их исполнению с помощью закона невозможно) и зависят лишь от его воспитания. За процесс воспитания в ответе родители.

В Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., закреплено, что родители несут основную ответственность за воспитание и развитие ребенка, интересы которого должны являться предметом заботы родителей.

Данное положение нашло свое отражение в Основном Законе Российской Федерации. В пункте 2 ст. 38 Конституции установлено, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей. Данная правовая норма конкретизируется и обеспечивается законодательством Российской Федерации (Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в РФ» и др.).

Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) основные обязанности по защите прав и интересов несовершеннолетних де-

тей возложил на родителей. Родительские права основаны на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке (гл. 10 СК РФ). Статьей 56 СК РФ несовершеннолетнему гарантирована защита его прав и законных интересов.

Однако нередко права и интересы ребенка нарушаются самими родителями (одним из них). Лица, осуществляющие родительские права в ущерб правам и законным интересам детей, несут ответственность в установленном законодательством порядке. Так, например, предусмотрена ответственность родителей по ст.ст. 5.35, 6.10, 20.22 КоАП РФ; по ст.ст. 150, 151, 156, 157 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ). Следовательно, ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей предусмотрена как административным (ст. 5.35 КоАП РФ), так и уголовным (ст. 156 УК РФ) законодательством. При этом уголовная ответственность наступает в том случае, если противоправное деяние «соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним».

Приведем пример. Ненадлежащее исполнение родительских обязанностей по отношению к своим несовершеннолетним детям, выразившееся в бездействии гр-ки М., привело к наиболее тяжким последствиям, повлекшим привлечение последней к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) и ст. 156 УК РФ (ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, соединенное с жестоким обращением). Как установлено следствием, гр-ка М. проживала с мужем и четырьмя несовершеннолетними детьми. 8 июля 2013 г. между супругами произошла ссора,

и женщина, взяв с собой двух сыновей в возрасте двух и четырех лет, ушла из дома. В тот день гр-ка М. домой не вернулась, оставшись с детьми ночевать у знакомых. Утром следующего дня она привела своих детей в заброшенный дом, где распивала спиртные напитки. При этом дети были голодными. Когда двухлетний ребенок начал плакать и просить воды, нерадивая мать налила малышу 50 миллилитров жидкости с содержанием спирта 40,2 % и заставила его выпить. В результате ребенок сначала уснул, затем находился без сознания. К 19 часам гр-ка М. вернулась домой, по настоянию мужа была вызвана скорая помощь. Врачам не удалось спасти ребенка. 13 июля 2013 г. мальчик скончался от острого отравления изопропанолом и этанолом [1].

Данное преступление, на наш взгляд, стало возможным отчасти из-за отсутствия надлежащей профилактической работы со стороны органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Правовым основанием для возложения ответственности на родителей (законных представителей) по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ является наличие признаков и элементов состава правонарушения, заключающегося в неисполнении родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних. Уяснение этих признаков и правильное применение нормы способствуют соблюдению принципов законности и презумпции невиновности.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35 КоАП РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации конституционных прав несовершеннолетнего, которые нашли закрепление в главе 11 СК РФ «Права несовершеннолетних детей». В частности, ст. 54 СК РФ несовершеннолетнему гарантировано право знать своих родителей, жить и воспитываться в семье, право на заботу и воспитание своими родителями, право на обеспечение его интересов, всестороннее развитие и уважение его человеческого достоинства. К основным правам ребенка законодатель также относит его право на здоровье, ме-

дицинское обслуживание, на получение образования, на общение с родителями и другими родственниками.

При совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, ущемляются законные права и интересы ребенка и, как следствие, интересы государства в воспитании здорового и полноценного молодого поколения общества. Несовершеннолетний, претерпевший нарушение законных прав и интересов, признается потерпевшим. В соответствии со ст. 54 СК РФ и ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», ребенком признается лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. Согласно ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «несовершеннолетний – лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет». В тексте КоАП РФ используется понятие «несовершеннолетний» (ст.ст. 5.35, 5.36). Как видим, в российском законодательстве для определения данной категории лиц используется два равнозначных термина – «ребенок» и «несовершеннолетний».

С объективной стороны рассматриваемое правонарушение заключается в действии или бездействии родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, т.е. в том, что они не выполняют или ненадлежащим образом выполняют свои обязанности по воспитанию и обучению детей: не заботятся о нравственном воспитании, физическом развитии детей и укреплении их здоровья, создании необходимых условий для получения ими образования, успешного обучения и т.д.

Так, в литературе к признакам неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей относят: несоблюдение режима дня, обусловленного психофизиологическими потребностями ребенка определенного возраста, невыполнение гигиенических норм (влекущих заболевания кожного покрова и т.п.), невыполнение рекомендаций и предписаний врача по лечению ребенка и т.д. [2, с. 38].

Недостатком законодательной нормы, закрепленной в ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, на наш взгляд, является отсутствие признаков, характерных для данного право-

нарушения. Законодатель в диспозиции ч. 1 указанной нормы лишь перечисляет обязанности родителей, неисполнение которых влечет административно-правовые санкции. При этом каких-либо судебных комментариев относительно данной нормы не имеется. В доктринальном толковании также наблюдается отсутствие единообразия и полноты исследуемого вопроса. В то же время именно уяснение признаков деяния вызывает трудности у правоприменителя.

Для уяснения содержания объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, необходимо, во-первых, дать толкование понятия бездействия, во-вторых, указать особенности структуры диспозиции данной нормы, в-третьих, определиться с моментом окончания правонарушения, установить, является ли оно единственным или носит длящийся характер.

Обратимся к правовому толкованию бездействия. Противоправное бездействие представляет собой акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло совершить. Бездействие — это общественно опасное, осознанное, волевое пассивное поведение (несовершение тех или иных действий) при наличии возможности и обязанности действовать определенным образом. При этом деяние — как действие, так и бездействие — это юридическая, а не физическая категория [3, с. 15]. Обязанность действовать должна исходить из указания в законе. Соответственно, неисполнение обязанностей, вытекающих из прямого указания на них в СК РФ, следует признать противоправным и влекущим за собой ответственность деянием, т.е. бездействием. При квалификации деяния следует помнить, что правовая обязанность включает интеллектуальный и волевой момент — лицо имело обязанность действовать в интересах несовершеннолетнего и имело возможность совершить эти действия. В противном случае правовая ответственность исключается. Например, несовершеннолетний, воспользовавшись отсутствием родителей дома, пригласил одноклассников в гости, которые задержались до одного часа ночи, шумели, включали громко музыку. Соседи по данному факту вызвали полицию. Было установлено, что

родители пятнадцатилетнего подростка находились в служебной командировке и не имели возможности проконтролировать поведение сына. Тем не менее практика исходит из того, что, уезжая, родители должны были обеспечить присмотр за несовершеннолетним ребенком, поэтому их привлекли к административной ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Формальный характер нормы позволяет считать противоправное деяние окончанным с момента неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению несовершеннолетнего. Законодатель справедливо посчитал, что ответственность в случае нарушения прав ребенка должна наступать независимо от наличия вредных последствий.

Отсутствие квалифицирующих признаков в данной норме влечет одинаковую ответственность родителей по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ вне зависимости от характера и степени совершенного несовершеннолетним деяния. Изучение правоприменительной практики показало, что это может быть: нарушение несовершеннолетним правил дорожного движения (переход проезжей части в неустановленном месте), нахождение несовершеннолетнего в общественном месте в ночное время без сопровождения родителей (законных представителей), уклонение от обучения, мелкое хулиганство, распитие алкогольных напитков в общественных местах, совершение общественно опасного деяния или преступления и т.д. Основываясь на содержании ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, правоприменитель устанавливает ответственность для родителей несовершеннолетних во всех перечисленных случаях в рамках санкции данной нормы — предупреждение или назначение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей.

Под административным правонарушением (неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей), предусмотренным ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, принято понимать как единое (единичное) проявление правонарушения, так и длящееся противоправное поведение субъекта.

Простое деяние представляет собой единое действие или кратковременное бездействие. Так, основанием для привлечения родителей к ответственности по ч. 1

ст. 5.35 КоАП РФ служит, например, единичное нахождение несовершеннолетнего ребенка в ночное время в общественном месте без сопровождения родителей или законных представителей.

Длящимися признаются такие правонарушения, которые, начавшись с какого-либо противоправного действия или бездействия, осуществляются затем непрерывно путем неисполнения обязанности. Начальным моментом данного деяния может быть как активное действие, так и бездействие, а затем виновный либо не исполняет конкретную возложенную на него обязанность, либо исполняет ее не полностью, ненадлежащим образом, и его поведение оценивается как бездействие по отношению к этой обязанности [4, с. 258].

Е.А. Новосельцева применительно к ст. 156 УК РФ указала: «Характерной особенностью данных посягательств является то, что они относятся к категории продолжаемых и длящихся деяний. Иными словами, обязательным признаком объективной стороны выступает систематичность совершения противоправных деяний» [2, с. 38].

Следует отметить, что анализируемая норма (ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ) носит бланкетный характер, соответственно, требует обращения к иным нормативным правовым актам, устанавливающим обязанность субъекта действовать в интересах ребенка. К их числу следует отнести Конвенцию о правах ребенка, Конституцию РФ, Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», законы субъектов Российской Федерации, например, Кодекс Тюменской области об административной ответственности, Закон Тюменской области «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области», Закон Тюменской области «О защите прав ребенка» и др.

Данное обстоятельство вытекает из содержания ст. 1.1 КоАП РФ, ст.ст. 3, 9 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Так, в ст. 9 указанного закона закреплено: «Должностные лица, родители несовершеннолетних или иные их законные представители и иные лица

несут ответственность за нарушение прав несовершеннолетних, а также за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации».

Значительное разнообразие источников регулирования административно-правовых отношений вызывает порой определенные трудности, например, при соотношении законодательных норм федерального и регионального уровня.

Так, Кодексом Тюменской области об административной ответственности (далее – КТО) предусматривалась ответственность родителей (законных представителей) за допуск (или нахождение) несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, в ночное время в общественные места без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием несовершеннолетних.

Законом Тюменской области от 4 апреля 2013 г. N 16 «О внесении изменений в Кодекс Тюменской области об административной ответственности» в целях приведения регионального законодательства в соответствие с требованиями статей 1.1, 1.3, 1.3.1 КоАП РФ, подп. 39 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» признаны утратившими силу абз. 2 ч. 1 и абз. 2 ч. 2 ст. 2.5 КТО, предусматривающие ответственность родителей (законных представителей) за допуск (или нахождение) несовершеннолетних, не достигших 16 лет, на объекты (на территории, в помещении), которые предназначены для реализации товаров только сексуального характера, в пивные рестораны, винные бары, пивные бары, рюмочные, в другие места; допуск (или нахождение) таких несовершеннолетних в ночное время в общественные и иные места.

Таким образом, внесено изменение в ст. 2.5 КТО, устанавливающую ответственность за допуск (или нахождение) несовершеннолетних в места, нахождение в которых может причинить вред здоровью,

физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию*. До принятия указанного закона к ответственности по ст. 2.5 КТО наряду с должностными и юридическими лицами привлекались родители несовершеннолетних. В настоящее время законодатель исключил родителей из списка субъектов данного правонарушения.

В практической деятельности данное изменение было принято с некоторой осторожностью, что произошло, на наш взгляд, из-за отсутствия своевременной разъяснительной работы со стороны руководителей заинтересованных подразделений и служб органов внутренних дел. Выразилось это, например, в том, что сотрудники ППС перестали доставлять в отделы полиции несовершеннолетних, которые в ночное время находились в общественном месте без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием несовершеннолетних.

Согласно поступившему из Прокуратуры Тюменской области в подразделения по делам несовершеннолетних г. Тюмени информационному письму о внесении изменений в ст. 2.5 КТО, ответственность за данный административно-правовой деликт на территории Тюменской области должна наступать по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ (неисполнение родителями или законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних). В письме разъясняется, что статьей 5.35 КоАП РФ охватываются все случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения родителями (законными представителями) родительских обязанностей, в том числе допуск (нахождение) несовершеннолетних в места, нахождение в которых может причинить вред здоровью, физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Так как указанная обязанность установлена федеральным законодательством, то и установление административной ответственности за несоблюдение либо ненадлежащее выполнение этой обязанности должно осуществляться федеральным законом.

Следуя данному разъяснению, уполномоченные лица возбуждают административное производство в отношении родителей, допустивших нахождение в ночное время в общественных местах несовершеннолетнего, не достигшего возраста 16 лет, по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, а не по ст. 2.5 КТО, как прежде.

Причем за разъяснением понятия «ночное время», отсутствующим в ст. 5.35 КоАП РФ, следует обращаться к ч. 2 ст. 2.5 КТО либо ч. 2 ст. 17.1 закона Тюменской области «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области»**, где ночным временем признается промежуток времени «с 22 до 6 часов местного времени в период с 1 ноября по 31 марта и с 23 до 6 часов местного времени — в период с 1 апреля по 31 октября».

Раскрыть содержание объективных признаков анализируемого правонарушения позволяет также ч. 1 ст. 17.1 Закона «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области». Согласно ей, запрещен допуск (или нахождение) несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием несовершеннолетних, в ночное время в общественные места, в том числе на улицы, в спортивные сооружения, в парки, в скверы, в транспортные средства общего пользования, на остановки общественного транспорта, в подвалы, на чердаки, на лестничные площадки, в лифты, на вокзалы, на объекты (на территории, в помещения) юридических лиц или граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, которые предназначены для обеспечения доступа к сети Интернет, а также для реализации услуг в сфере торговли и общественного питания (организациях или пунктах для развлечений, досуга, где в установленном законом порядке предусмотрена розничная продажа алкогольной продукции, пива и напитков, изготавлива-

* Кодекс Тюменской области об административной ответственности от 27 дек. 2007 г. N 55 // Вестник Тюменской областной Думы. 2007. N 10.

** О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области: закон Тюменской области от 6 окт. 2000 г. N 205 // Вестник Тюменской областной Думы. 2000. N 9.

емых на его основе), и в иные общественные места, определяемые нормативными правовыми актами органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов.

Данная правовая норма закрепляет перечень общественных мест, имеющих квалифицирующее значение при правовой оценке противоправного деяния. При профилактической работе с родителями и несовершеннолетними следует разъяснять, что нахождение подростка в ночное время даже «в собственном подъезде» не исключает риска причинения вреда здоровью несовершеннолетнего, его физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию. Обеспечение указанных запретов названный закон (ч. 3 ст. 17.1) возлагает прежде всего на родителей или лиц, их заменяющих.

Сотрудники полиции при обнаружении в ночное время подростков в подъездах, чердаках, подвалах домов, где они проживают, зачастую доставляют несовершеннолетних в территориальный орган полиции, минуя место жительства подростка и не известив о данном факте родителей (иных законных представителей несовершеннолетнего). Подобные действия сотрудников полиции вызывают недоверие граждан и содержат признаки превышения должностных полномочий.

Согласно п. 8 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции», о каждом случае задержания несовершеннолетнего полиция незамедлительно уведомляет его родителей или иных законных представителей. Порядок уведомления родителей (лиц, их заменяющих), лиц, осуществляющих мероприятия с участием несовершеннолетних, и (или) органов внутренних дел в случае обнаружения несовершеннолетнего и его доставления определяется законодательством субъектов Российской Федерации, в частности, законом Тюменской области «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав в Тюменской области». Установленный порядок уведомления подлежит соблюдению всеми субъектами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Несмотря на то, что ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ носит общий характер и, как следует

из вышеуказанных разъяснений, охватывает все случаи неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей родителей, необходимо помнить о том, что данное правонарушение носит длящийся характер и, соответственно, не всегда дает основание для привлечения лица к административной ответственности за единичное допущение нахождения несовершеннолетнего в ночное время без присмотра в общественных местах. Однако на практике идут именно по этому пути, возбуждая административное производство по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и привлекая к ответственности родителей (законных представителей) во всех выявленных случаях, указывая в протоколе об административном правонарушении, например: «гр-ка (ФИО) допустила нахождение своего несовершеннолетнего сына в общественном месте без сопровождения родителей в ночное время».

Если других признаков, свидетельствующих о недобросовестном исполнении родительских обязанностей, не установлено, то единичное обнаружение подростка в рассматриваемых условиях не образует состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Между тем ч. 2 ст. 2.5 КТО позволяла применить меры административно-правового воздействия и в случае единичного проявления признаков правонарушения. Со слов сотрудников Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, оказывать влияние на несовершеннолетних и их родителей удается благодаря «остаточной силе» действовавшей в недавнем прошлом редакции статьи 2.5 КТО, предусматривавшей ответственность за нарушение временных ограничений нахождения в общественных местах, установленных для лиц, не достигших 16-летнего возраста.

При правовой оценке подобных ситуаций следует помнить, что законодательная конструкция ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ предполагает длящийся характер противоправного деяния. Соответственно, единичное, случайное упущение добросовестного родителя не дает основания для возбуждения административного производства по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. Каждый случай требует внимательного и всестороннего изучения.

Возбуждению административно-го производства по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ должна предшествовать тщательная проверка фактов, свидетельствующих о неисполнении либо ненадлежащем исполнении родителем (законным представителем) обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Инспектор подразделения по делам несовершеннолетних интересующую информацию может получить в органах опеки и попечительства, в детских поликлиниках, детских садах, школах и т.д. Определенной информацией об образе жизни и взаимоотношениях в семье могут обладать иные лица, например родственники, соседи, сотрудники жилищно-коммунальных служб и т.д.

Как показывают результаты изучения материалов об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, проверка фактов неисполнения либо ненадлежащего исполнения родительских обязанностей проводится поверхностно, а то и не проводится совсем. Так, например, зачастую материалы проверок не содержат актов обследования материально-бытовых условий воспитания несовершеннолетнего, не запрашивается характеризующий материал на членов семьи и т.д.

Как верно отмечено О.Н. Беловой, рассматривающей проблемы возбуждения уголовных дел по ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», к материалам проверки не всегда приобщаются объяснения участковых педиатров, врачей скорой помощи, травмпунктов, оказывающих первую медицинскую помощь, педагогов в школе, воспитателей детского сада, участковых уполномоченных, инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних, сотрудников комиссий по делам несовершеннолетних [5, с. 370]. Сведения, собранные из перечисленных автором источников информации, позволяют охарактеризовать родителей ребенка, оценить взаимоотношения в семье, поведение в быту и т.д., что способствует полному и объективному рассмотрению материалов дела в суде.

Изложенные О.Н. Беловой замечания справедливы и применительно к производству об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ.

Субъектами данного правонарушения являются лица, обладающие родительскими правами:

- родители ребенка, т.е. лица, официально записанные в свидетельстве о рождении в качестве отца или матери ребенка (порядок установления происхождения ребенка определяется главой 10 СК РФ);

- законные представители несовершеннолетнего. К законным представителям ребенка относятся установленные в законодательном порядке усыновители, опекуны и попечители. Опека устанавливается над детьми до 14 лет, попечительство устанавливается над детьми в возрасте от 14 до 18 лет органами опеки и попечительства.

Обладающие родительскими правами лица несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Эта ответственность является общей и обязательной для обоих родителей. Следовательно, речь идет не только о нравственном долге каждого родителя, но и о его конституционной обязанности по воспитанию своих несовершеннолетних детей. Наделение родителей правами в отношении их несовершеннолетних детей означает, что им предоставляется возможность совершать одобряемые, желательные с точки зрения государства действия и поступки, направленные на благо ребенка. Права родителей порождают соответствующие обязанности.

Не могут быть субъектами данного правонарушения родственники ребенка: бабушка, дедушка, брат, сестра, тетя, дядя, иные лица, не признанные в законодательном порядке законными представителями несовершеннолетнего.

Как уже отмечалось, к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ могут привлекаться родители или, в случае их отсутствия, законные представители несовершеннолетнего. Причем равную ответственность несут оба родителя. Данное обстоятельство позволяет в случае административно-правового деликта привлекать к ответственности обоих родителей одновременно. Например, решением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Восточного административного округа г. Тюмени в отношении каждого из родителей несовершеннолетнего по результатам рассмотрения дела назначено административное наказание в

виде штрафа. Основанием для такого решения явилось следующее обстоятельство. В период с января по февраль 2013 г. несовершеннолетним в составе группы лиц был совершен ряд хищений товарно-материальных ценностей, преимущественно из продуктовых магазинов и ларьков. При изучении семейно-бытовых условий воспитания несовершеннолетнего было установлено, что ребенок после развода родителей проживал совместно с дедом, который не препятствовал тому, что внук регулярно собирал в квартире компанию друзей. Подростки в квартире развлекались, распивали спиртные напитки. В школе несовершеннолетний характеризуется отрицательно, допускает пропуски занятий без уважительной причины, не соблюдает общие педагогические требования. По словам классного руководителя, родители отстранились от воспитания ребенка, «каждый устраивает свою личную жизнь». Попытки учителей обратить внимание на успеваемость сына, усилить контроль за его поведением не нашли должного отклика со стороны родителей*. По нашему мнению, Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав обоснованно привлекла родителей к административной ответственности, назначив им соответствующее наказание.

Как показало изучение материалов, характеризующих данную семью, родители неоднократно привлекались к ответственности по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, однако безответственное отношение к исполнению родительских обязанностей по воспитанию сына привело к более серьезным последствиям — несовершеннолетним было совершено несколько тяжких преступлений против чужой собственности. Согласно постановлению о привлечении в качестве обвиняемого несовершеннолетнего П.**, общественно опасные деяния были совершены подростком в ночное время суток, что стало возможным из-за отсутствия должного контроля со стороны родителей.

Данная ситуация наглядно демонстрирует, что мерами санкции ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ не была достигнута цель административного наказания. Родители, бу-

дучи подвергнуты административному наказанию, не предприняли мер, способствующих добросовестному исполнению обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего сына.

С субъективной стороны правонарушения выражается в умышленном неисполнении родителями или иными законными представителями несовершеннолетних своих обязанностей по содержанию, обучению и воспитанию детей. Так, например, гр-ка В., в июне 2012 г. выйдя замуж за гражданина Казахстана Р., уехала со своей несовершеннолетней дочерью, 2004 г.р., к родителям супруга в г. Астану. К началу учебного года семья не вернулась к месту постоянного проживания, и дочь, учащаяся 2 класса, не приступила к обучению. После неоднократных бесед администрации школы с матерью девочки по телефону, 10 октября 2012 г. семья вернулась в Тюмень и несовершеннолетняя приступила к занятиям. Со слов матери стало известно, что по месту пребывания несовершеннолетняя школу не посещала***.

В действиях гр-ки В. усматривается нарушение ст. 52 Закона Российской Федерации от 10 июля 1992 г. N 3266-1 «Об образовании», согласно которой родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся обязаны обеспечить получение детьми основного общего образования и создать условия для получения ими среднего (полного) общего образования. Аналогичная норма закреплена в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступившем в законную силу с 1 сентября 2013 г., в ст. 44 которого закреплено, что родители обязаны обеспечить получение детьми общего образования. За неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных обязанностей родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся несут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации, а именно административную ответственность по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ. В данном случае в действиях гр-ки В. усматривается умышленная вина в совершении административного правонарушения, так как ею осознавалась противоправность своего бездействия.

* Архив ПДН ОП-1 УМВД России по г. Тюмени за 2012 г.

** Уголовное дело N 2013060671/2 // Архив СО ОП-1 УМВД России по г. Тюмени за 2013 г.

*** Архив ПДН ОП-1 УМВД России по г. Тюмени за 2012 г

Предлагаем в случае повторности административного правонарушения усилить санкцию ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, как это предусмотрено относительно ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ. В ч. 3 ст. 5.35 КоАП РФ сказано, что повторное в течение года совершение правонарушения влечет усиление наказания, а именно увеличение размера административного штрафа, и в качестве альтернативного наказания предусматри-

вается административный арест сроком до пяти суток. Данное предложение потребует дополнить ч. 3 ст. 5.35, следующими словами: «Повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного частями 1 и 2 настоящей статьи, —...» и позволит в случае повторного в течение года нарушения ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ применить более строгое наказание в рамках санкции данной нормы.

Список литературы

1. По вине нерадивой матери скончался двухлетний ребенок [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.vesti.ru](http://www.vesti.ru) (дата обращения: 10 нояб. 2013 г.).
2. Новосельцева Е.А. О правовых основах предупреждения сексуальной эксплуатации несовершеннолетних и профилактики ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию детей // Участковый. 2012. N 4. С. 35-42.
3. Никонов В.А. Учение о преступлении: учеб.-метод. пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского юрид. ин-та МВД России, 1998. 52 с.
4. Административное право: учебник / под общ. ред. А.И. Каплунова. М.: ДГСК МВД России, 2011. 536 с.
5. Белова О.Н. К проблеме возбуждения уголовных дел, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетних // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства: материалы межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2007. Ч. 1. С. 366-371.

References

1. *Po vine neradivoy materi skonchalsya dvukhletniy rebenok* [The fault of a negligent mother died two year old child]. Available at: [http:// www.vesti.ru](http://www.vesti.ru) (Accessed 10 November 2013).
2. Novosel'tseva E.A. *O pravovykh osnovakh preduprezhdeniya seksual'noyekspluatatsii nesovershennoletnikh i profilaktiki nenadlezhashchego ispolneniya roditelyami obyazannostey po vospitaniyu detey* [On the legal framework for the prevention of sexual exploitation of minors and prevention of improper performance of duties of parents to raise their children]. *Uchastkovyy* – The divisional, 2012, no. 4, pp. 35-42.
3. Nikonov V.A. *Uchenie o prestuplenii* [Doctrine of the crime]. Tyumen, Publisher Tyumen Legal Institute Russian Ministry of Interior, 1998. 52 p.
4. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, DGSK MVD Rossii Publ., 2011. 536 p.
5. Belova O.N. *K probleme vzbuzhdeniya ugovolnykh del, svyazannykh s neispolneniem ili nenadlezhashchim ispolneniem obyazannostey po vospitaniyu nesovershennoletnikh* [The problem of criminal cases related to non-performance or improper performance of duties on education of minors]. *Problemy upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy v svyazi s izmeneniem ugovolno-protsessual'nogo zakonodatel'stva. Materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problem management authorities investigating crimes in connection with a change in the criminal procedural law: materials Interuniversity scientific conference in 2 parts]. Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia, 2007. Part. 1. Pp. 366-371.

Раздел 8. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

МИХАЙЛОВА Л.В., mikhailov.1970@mail.ru Кафедра оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел; Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 680020, г. Хабаровск, Казарменный, 15	MIKHAILOVA L.V., mikhailov.1970@mail.ru Chair of detective activity of the internal affairs bodies; Far East Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Kazarmenniy Lane 15, Khabarovsk, 680020, Russian Federation
--	--

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ МОРСКОГО ТРАНСПОРТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОВД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

Реферат. На примере Дальневосточного федерального округа рассмотрена структура преступности на объектах морского транспорта. С использованием официальной статистики Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу (2008-2013 гг.) преступления, совершаемые на морском транспорте, объединены в группы по критериям: способы (приемы) совершения; объект посягательства — однородные общественные отношения. Рассматриваются преступления против собственности; в сфере использования и охраны биологических ресурсов; связанные с незаконным оборотом наркотиков; против интересов государственной службы. Представлены наиболее характерные способы совершения преступлений рассматриваемых групп. Установлено, что среди преступлений против собственности наиболее распространены хищения, которые по способу совершения можно условно разделить на три основные группы: хищения с использованием технических приспособлений или инструментов; умышленное искажение показателей замеров судна по осадке; хищения с использованием перевозочных и иных документов. Преступления в сфере использования и охраны биологических ресурсов можно разделить на деяния, связанные с незаконной добычей биоресурсов, которые совершаются под видом легальной деятельности рыбопромышленных комплексов, и добычей биоресурсов организованными преступными группами. Анализ преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств на объектах морского транспорта, позволяет сформировать совокупность способов и приемов, применяющихся при совершении преступлений на данных объектах в зависимости от форм поставки наркотических средств. На примере преступлений против интересов государственной службы показаны дефекты правового регулирования, способствующие совершению преступлений. Обосновывается важность информации о способах совершения преступлений на объектах морского транспорта для их эффективного раскрытия и расследования, поскольку такая информация позволяет выявлять закономерности их совершения.

Ключевые слова: объекты морского транспорта, способы совершения преступлений на объектах морского транспорта, раскрытие преступлений на объектах морского транспорта.

THE MAIN TYPES AND WAYS OF COMMITTING CRIMES ON THE MARITIME TRANSPORT OBJECTS (BASED ON THE MATERIALS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE FAR EAST FEDERAL DISTRICT)

Abstract. The structure of criminality on maritime transport objects based on the official statistics of the Transport Department of the MIA of Russia on the Far East Federal District is considered. Crimes committed on maritime transport are grouped according to the following criteria: ways (methods) of committing, object of encroachment (social relations). Crimes against property, crimes in the sphere of using and protecting biological resources, crimes connected with drug trafficking, crimes against the public service interests are considered. The most typical ways of committing these crimes are presented. The most common crimes against property are thefts, which can be divided into three main groups according to the way of their committing: thefts by using technical deices and tools, intentional distortion of indicators measuring ship by draught, thefts by using transportation and other documents. Crimes in the sphere of using and protecting biological resources can be divided into acts involving il-

legal obtaining of biological resources committed under the guise of legal activities of fishing industry complexes and obtaining of biological resources by organized crime groups. The analysis of the crimes connected with drug trafficking on the maritime transport objects allows to form a set of ways and methods used while committing crimes on these objects depending on the form of drug supply. By the example of crimes against the public service interests the defects of legal regulation contributing to crimes commission are shown. The importance of information about the ways of committing examined crimes for their effective detection and investigation is emphasized.

Keywords: maritime transport objects, ways of committing crimes on maritime transport objects, solving crimes on maritime transport objects.

Основным качественным показателем преступности является ее структура, раскрывающая внутреннее содержание данного явления, соотношение различных форм или отдельных видов преступности в общем числе зарегистрированных преступлений [1, с. 30]. Изменения преступности во времени фиксируются с помощью такого ее показателя, как динамика. Различия в объеме, структуре, динамике преступности предопределяет территория, на которой совершаются преступления (наличие экономико-географических, социально-экономических, социально-культурных различий между регионами).

Рассматривать структуру преступности на объектах морского транспорта мы будем на примере регионов Дальневосточного федерального округа (далее — ДФО), обслуживаемых Управлением на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу (далее — УТ МВД России по ДФО).

Удобное экономико-географическое положение ДФО, наличие богатейших природных ресурсов, благоприятное развитие морской транспортной инфраструктуры вызывают повышенный интерес преступников к объектам морского транспорта и накладывают свой отпечаток на характер совершаемых преступлений. В настоящее время в зону обслуживания УТ МВД России по ДФО входит 27 морских портов, 20 портопунктов, расположенных на территории 6 субъектов Российской Федерации: Приморского, Хабаровского, Камчатского краев, Сахалинской, Магаданской областей и Чукотского автономного округа. Это такие транспортные объекты, как торговые порты городов Владивостока, Находки, Петропавловска-Камчатского, рыбные порты о. Сахалина и г. Магадана и др.

Доля зарегистрированных преступлений на объектах морского транспорта ДФО составляет 50,4 % от всех зарегис-

трированных преступлений, совершенных на объектах морского транспорта России*. Более обоснованной и значимой для раскрытия и расследования преступлений на объектах морского транспорта является классификация рассматриваемых преступлений в зависимости от способа их совершения. Под способом совершения преступления понимается система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности [2, с. 217]. По своему содержанию способ совершения преступления охватывает практически всю преступную деятельность субъекта, концентрирует в себе информацию о самых разнообразных аспектах его деятельности [3, с. 8].

Изучение уголовных дел, а также ознакомление со статистическими данными за период с 2008 по 2013 гг. о преступности на объектах морского транспорта ДФО позволяют систематизировать преступления, совершаемые на морском транспорте, на определенные группы, объединяющие в себе совокупность способов (приемов) их совершения, посягающие на однородные общественные отношения:

- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта;
- преступления против собственности;
- преступления против интересов государственной службы;
- преступления в сфере использования и охраны биологических ресурсов;
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Рассмотрим последовательно вышеуказанные группы преступлений на объек-

* Здесь и далее приведены данные ИЦ УТ МВД России по ДФО: сведения о состоянии преступности на объектах морского транспорта за период 2008-2013 гг., отчеты о состоянии преступности на транспорте. Форма 1ТР за период 2008-2013 гг.

тах морского транспорта согласно приведенной структуре.

1. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Их доля в общем числе зарегистрированных преступлений не велика и составляет 0,3 %. На территории ДФО за период с 2007 года по настоящее время произошло 16 транспортных происшествий, по которым возбуждены уголовные дела. Так, Дальневосточным следственным управлением на транспорте расследуются уголовные дела по фактам крушения в Охотском море судна СТР «Аметист» с 23 членами экипажа на борту, крушения самоподъемной плавучей буровой установки «Кольская» (в районе о. Сахалин), повлекшего гибель 53 человек, теплохода «Амурская» с 9-ю членами экипажа на борту и т.д.

Расследование транспортных происшествий осуществляется в соответствии с Положением по расследованию, классификации и учету транспортных происшествий на внутренних водных путях Российской Федерации (далее – Положение), утвержденным приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 29 декабря 2003 г. N 221*. В соответствии с Положением, при получении информации о транспортном происшествии приказом Федеральной службы по надзору в сфере транспорта формируется и назначается комиссия, состоящая из высококвалифицированных специалистов в области морской практики.

Задачи оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования транспортных происшествий у сотрудников ОВД, следователей Следственного комитета и членов комиссии различны, поскольку сотрудники правоохранительных органов устанавливают виновных лиц и причины, а члены комиссии вырабатывают рекомендации по внесению предложений для предотвращения аварий впредь. Вместе с тем сотрудничество определяет успешное расследование уголовного дела.

* Об утверждении положения по расследованию, классификации и учету транспортных происшествий на внутренних водных путях Российской Федерации: приказ Минтранса РФ от 29 дек. 2003 г. N 221: ред. от 27 дек. 2010 г. // Рос. газ. 2004. Федеральный вып. 5 февр.; 2011. 13 мая.

Проблемам безопасного функционирования объектов морского транспорта посвящено достаточно много специальных работ [4; 5; 6; 7; 8; 9], поэтому мы не будем подробно анализировать указанную группу преступных посягательств.

2. Преступления против собственности.

Преступления против собственности – один из наиболее распространенных видов преступлений на объектах морского транспорта. Из них наиболее часто совершаются хищения. Объектами преступных посягательств на территории морского транспортного комплекса ДФО являются главным образом территории морских портов, где концентрируются все грузы, перевозимые морскими судами. Необходимо отметить достаточно высокий процент хищений (13 %), совершаемых при погрузочно-разгрузочных работах. Хищения материальных ценностей со складов, расположенных на территории морских портов, составляют 10 %. Еще одной характерной особенностью являются хищения оборудования судов при их нахождении на ремонте в доках морского порта или судоремонтного завода (8,5 %).

Хищения можно условно разделить на три основные группы.

А) Хищения с использованием технических приспособлений или инструментов.

В основном преступления данного подвида совершаются в течение рабочей смены. Необходимо обратить внимание на следующую особенность: из всех исследуемых хищений одна третья часть была совершена в ночное время. Это можно объяснить особенностями функционирования морского транспорта. Перевозка, погрузка и разгрузка судов осуществляются круглосуточно. Недобросовестные кладовщики и докеры, сопутствующие службы, занимающиеся обслуживанием судов, работая в ночные смены и используя отсутствие надлежащего контроля во время погрузочно-разгрузочных работ и при транспортировке грузов, формальное отношение членов экипажей судов к приему и сдаче грузов, почти беспрепятственно совершают хищения различных материальных ценностей, при этом они прибегают к маскировке хищения путем придания целостности упаковки, в которой находился груз. Ими, как правило, изымается только часть содержимого. Специфика данного вида хище-

ний — это дефицит времени, т.е. время у расхитителей ограничено рабочей сменой, а также маневренностью перевозок.

Б) Умышленное искажение показателей замеров судна по осадке.

При перевозке насыпью и навалом массовых и однородных грузов с целью ускорения грузооборота вес груза часто определяют по осадке судна, что основано на принципе расчета водоизмещения при изменении осадки в результате его погрузки или разгрузки. Причем учитывается ряд факторов и особенностей этого метода. В последние годы данный вид хищений используется редко, в основном при перевозке груза за границу, с целью занижения объемов вывозимой продукции. Это позволяет вывозить незадекларированные объемы продукции и уходить от уплаты установленных пошлин и сборов.

В) Хищения с использованием перевозочных и иных документов.

При совершении данного вида хищений используют различные подлоги в документах, куда вносятся сведения об обстоятельствах, которых на самом деле не было. Механизм совершения таких преступлений основан на специфике смешанной перевозки грузов, при которой перевозчик или порт несет материальную ответственность за несохранную перевозку груза. Порты в таких случаях составляют коммерческие акты. Это и используют отдельные работники морского транспорта или грузоотправители. Так, группа лиц, в число которых входили жители Хабаровска, Красноярска и Мурманска, по предварительному сговору с целью получения от морского порта денег в сумме 1,5 млн руб. в качестве удовлетворения претензии по несохранной перевозке отправили контейнер, в котором вместо указанного в накладной груза фактически находился мусор. В дальнейшем, используя поддельные документы, преступники вывезли контейнер с территории морского порта, а порту предъявили претензию по несохранности груза. Имеющиеся данные о способе совершения преступления позволили предположить, что способом подготовки к его совершению стало приобретение и заполнение поддельных перевозочных документов, доверенностей несуществующих фирм, поддельных паспортов. Сделанное предположение в

полной мере нашло свое подтверждение в ходе расследования*.

Также при совершении преступлений данной группы имеет место составление коммерческих актов на несуществующие недостачи и порчу грузов, в ряде портов получили распространение хищения путем составления актов общей формы на несуществующие недостачи. Так, заведующая складом ООО «Бункер-порт» Ванинского порта совершала хищения алюминиевых изделий из поступающих партий груза. С этой целью составлялись акты о недостаче партии груза в пределах 100 кг, что для поставщика и принимающей стороны являлось незначительным, и претензии об ущербе компании друг другу не выставляли. В результате данных действий было похищено более 3 тонн алюминия**.

3. Преступления против интересов государственной службы.

Изучение оперативной обстановки в Дальневосточном регионе показало, что появление значительного количества мелких хозяйствующих субъектов, имеющих возможности для осуществления портовой деятельности, расположенных в отдаленных от региональных центров местностях, малочисленность правоохранительных и контролирующих органов ослабили государственный контроль и привели к развитию тенденции сращивания общеуголовной и экономической преступности. Это способствовало созданию благоприятных условий для совершения должностных преступлений, доля которых среди других преступлений на объектах транспорта составила 22,4 %.

В основном субъектами таких преступлений выступают должностные лица контролирующих государственных органов (учитывая отсутствие на объектах морского транспорта органов государственной власти и муниципального самоуправления). Основными представителями контролирующих органов в нашем случае являются надзорные государственные органы в сфере морского транспорта, а также Федеральная таможенная служба.

Имеющаяся система правовых норм, регламентирующих правовые отношения в сфере государственного контроля за обо-

* Уголовное дело N 600327 // Архив УТ МВД России по ДФО.

** Уголовное дело N 300156 // Там же.

ротом пищевой, растительной продукции, позволяет создавать на пути предпринимателей существенные сложности при попытках ввезти на территорию Российской Федерации или вывезти с нее различные виды товаров, чем и пользуются должностные лица для вымогательства денежных средств «за ускорение процесса». Для осуществления преступных замыслов используется круг посредников, непосредственно «работающих» с клиентами, действуют ставки по привязкам к объемам ввозимой продукции. Так, Владивостокским ЛОВДТ выявлены преступления, совершенные ветеринарными врачами Владивостокской территориальной ветеринарной станции, которые неоднократно выписывали ветеринарные свидетельства на партии рыбопродукции, прибывающей в порт г. Владивостока без достаточных оснований и с внесением недостоверных сведений в свидетельства*.

4. Преступления в сфере использования и охраны биологических ресурсов.

Количество преступных посягательств на водные биоресурсы при добыче и переработке возросло за последние 10 лет более чем в 4 раза. Так, незаконная добыча увеличилась в 4 раза, количество нарушений правил охраны окружающей среды — в 5 раз, нарушений в исключительной экономической зоне — в 20 раз. Однако статистический учет криминальных проявлений не может быть достоверным из-за их глубокой замаскированности и латентности [10, с. 5]. И это не случайно, так как осложнение криминогенной обстановки обусловлено географическим расположением ДФО и сосредоточением морской фауны.

В настоящее время можно выделить два основных способа незаконной добычи водных биологических ресурсов:

А) Незаконная добыча биоресурсов под видом легальной деятельности рыбопромышленных комплексов.

Связана с выловом морепродуктов предприятиями рыбопромышленного комплекса, использующими добывающий и транспортный флот в пределах территориальных вод исключительной экономической зоны Российской Федерации. Незаконный промысел осуществляется, как правило, с участием капитана и экипажа судна. Это

вылов водных биоресурсов, не указанных в разрешении; вылов большего количества, чем указано в разрешении; промысел в неразрешенном водоеме, квадрате, районе; промысел в запретное время; добыча запрещенным и не указанным в разрешении орудием промысла и т.д. Также создаются неучтенные излишки путем укрывания от учета части улова, составляются подложные акты, занижается количество и качество морепродукции при приеме-передаче, число подъемов орудий промысла, которые скрываются от контролирующих органов путем фальсификации данных в судовых рыбопромысловых журналах.

Б) Добыча биоресурсов организованными преступными группами.

Такие группы характеризуются четким распределением ролей: одни решают организационные вопросы, другие занимаются ловом рыбы и морепродуктов, их первичной обработкой и переработкой, третьи осуществляют транспортировку и сбыт продукции.

Анализ практики показывает, что незаконный оборот биоресурсов осуществляется преступными группами следующими способами:

— сбыт иностранцам на границе (иностранцы перекупщики на скоростных судах встречаются с российскими браконьерами на границе, перегружают добытые морепродукты и везут их в свои порты для дальнейшей реализации);

— вылов в запрещенных водах (имея разрешительные рыболовные билеты на вылов биоресурсов в исключительной экономической зоне, преступные группы фактически ведут промысел в российских территориальных водах, о чем свидетельствуют добытые биоресурсы);

— вылов и контрабандный вывоз биоресурсов (в обход существующих правил российские судовладельцы обеспечивают капитанов судов чистыми бланками порт-клиренсов** с проставленными печатями).

** Порт-клиренс — документ, выдаваемый в последнем порту, из которого судно ушло в море. Он свидетельствует о том, что у властей данного порта нет претензий к судну, грузу, экипажу. Такой документ вполне достаточен для грузового, транспортного судна. Однако что происходит между выходом из российского порта и приходом в иностранный порт? Чем пополняются трюмы сейнера или траулера?

* Уголовное дело N 600131 // Архив УТ МВД России по ДФО.

тами таможи. По прибытии в иностранный порт капитан судна заполняет бланк в соответствии с фактическим весом груза на борту и предъявляет его властям. Для российской таможи порт-клиренс не является таможенным документом, важны только таможенная декларация и грузовой манифест, которые, в свою очередь, остаются не востребованными на иностранной таможе, что и открывает пути для контрабандного вывоза водных биоресурсов). Так, генеральный директор ООО «Восточная рыболовная корпорация», капитан судна СТР-420 «Гуманный» и представитель этой же компании, действуя в составе ОПГ, организовали и осуществили незаконную добычу рыбопродукции (краба в количестве более 22 тысяч экземпляров) с последующей контрабандой в Южную Корею*.

5. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Наибольшее распространение имеют преступления, совершаемые с целью сбыта. Можно также говорить и о действиях командования судна по преднамеренной, заранее спланированной перевозке наркотиков морем как с участием, так и без участия других членов экипажа судна [11, с. 57]. Важно отметить, что в пределах моря основной объем наркотиков перевозится и сбывается крупными партиями. Как подтверждает мировая практика, незаконная перевозка наркотиков морем может совершаться не только владельцем наркотиков, но и другими лицами, получившими их на временное хранение.

Анализ преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств на объектах морского транспорта, позволяет сформировать совокупность способов и приемов, применяющихся при совершении преступлений на данных объектах:

А) Поставка наркотиков непосредственно из морского порта.

Доставка наркотиков с берега на суда (пассажирские, транспортные, рыболовные, научно-исследовательские и др.), стоящие в портах, или в обратном направлении. Профессиональный торговец наркотиками редко перевозит наркотические средства сам. Для этой цели он обычно находит сообщников-курье-

ров из числа членов экипажа судна или пассажиров. Курьер получает материальное вознаграждение за будущую или уже осуществленную работу, а его задача заключается в том, чтобы пронести наркотики на судно, спрятать их, перевезти и вынести с судна. Курьер из числа членов экипажа имеет легкий доступ к местам, где удобно спрятать наркотики (трюмы, резервуары с балластом, резервуары с горючим, различные кладовые и т.д.). Так, например, при проведении контролируемой поставки на теплоходе «Капитан Кремс», пришвартованном к причалу морского торгового порта г. Петропавловска-Камчатского, изъято 13 килограммов гашиша, сокрытых в перевозимых на судне автомобильных колесах. У одного из членов экипажа теплохода «Справедливый» в тайнике (резервуар с балластом) была обнаружена посылка, в которой находилось 11 граммов масла гашишного. В дальнейшем в ходе проведения мероприятий была выявлена организованная преступная группа, занимающаяся поставками наркотических средств в Японию**.

Б) Поставка наркотиков, минуя морской порт.

Доставка наркотиков на суда или их разгрузка вне портов, вблизи побережья (внутренние воды, территориальное море): с помощью маломерных самоходных и несамоходных судов (средств); путем сброса контейнеров с наркотиками на суда с малых летательных аппаратов; путем поднятия на борт контейнеров, заранее притопленных в условленных местах или снабженных с целью быстрого обнаружения радиобуем.

В) Поставка наркотиков путем «перевалки» — перемещение наркотиков, осуществляемое между судами вдали от побережья (в территориальном море, открытом море) путем швартовки друг к другу или путем использования притопленных контейнеров. Часто сбыт наркотических средств таким образом происходит при передаче партий продуктов на плавзаводы по добыче и переработке рыбы (длительно находящиеся в открытом море) с судов -«перегрузчиков».

Г) Пересылка наркотиков морским транспортом.

* Уголовное дело N 600327 // Архив УТ МВД России по ДФО.

** Уголовные дела NN 4590, 4597, 4583 // Архив УТ МВД России по ДФО.

Незаконная пересылка наркотиков морским транспортом может заключаться в их отправке из одного места в другое в качестве почтового отправления или багажа. При этом имеет место транспортировка наркотиков, осуществляемая без участия отправителя. В подобных случаях наиболее вероятно использование морских контейнеров. Так, в морском порту Находка-Восточный был задержан контейнер, в котором перевозилось 9 тонн эфедры, контейнер следовал транзитом через Россию из Узбекистана в Южную Корею*.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми на объектах морского транспорта, являются преступные посягательства:

- против безопасности движения и эксплуатации транспорта;
- против собственности;
- против интересов государственной службы
- в сфере использования и охраны биологических ресурсов;
- связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, сведения о способах совершения преступлений на объектах морского транспорта имеют важное значение для эффективного раскрытия и расследования указанных преступных посягательств, вооружая сотрудников правоохранительных органов информацией о закономерностях их совершения.

* Уголовное дело N 400124 // Архив УТ МВД России по ДФО.

Список литературы

1. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. 5-е изд., испр. и доп. М.: Щит-М, 2005. 342 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: БЕК, 1997. 334 с.
3. Миловидова М.К. Криминалистический учет по способу выполнения преступных действий и его использование в практической борьбе с преступлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. 20 с.
4. Кабатова О.Ю. К вопросу о правовом определении понятия «морская безопасность» // Проблемы права в современной России: сб. ст. городского межвуз. науч.-практ. семинара. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. С. 72-79.
5. Кукар А.А. Правовые основы национальной безопасности Российской Федерации в прибрежных морских пространствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
6. Скрынник А.М. Государственное управление в сфере обеспечения морской безопасности в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. N 3. С. 77-84.
7. Чекмарев Н.И. Проблемы обеспечения безопасности России с морских направлений // Юридическая мысль. 2004. N 1 (20). С. 82-87.
8. Чепцов Н.Р. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений против безопасности движения и эксплуатации морского транспорта (на материалах Дальнего Востока): дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. 205 с.
9. Бадур И.А. Административно-правовое регулирование транспортной безопасности морского флота: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 25 с.
10. Корнилов Г.А. Оперативно-розыскные меры борьбы с незаконной добычей и оборотом водных биологических ресурсов: монография. М., 2008. 207 с.
11. Ромашев Ю.С., Корбут Л.В. Незаконный оборот наркотиков на море и борьба с ним // Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. М.: Юрист, 2003. Вып. 4. С. 53-69.

References

1. Alekseev A.I. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow, Shchit-M Publ., 2005. 342 p.
2. Belkin R.S. *Kriminalisticheskaya entsiklopediya* [Criminalistics encyclopedia]. Moscow, BEK Publ., 1997. 334 p.
3. Milovidova M.K. *Kriminalisticheskiy uchet po sposobu vypolneniya prestupnykh deystviy i ego ispol'zovanie v prakticheskoy bor'be s prestupleniyami. Avtoref. Cand. Diss.* [Criminalistics accounting method for performing criminal acts and its use in practical combating crimes. Autoabstract Cand. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 1994. 20 p.
4. Kabatova O.Yu. K voprosu o pravovom opredelenii ponyatiya «morskaya bezopasnost'» [To a question of legal definition of the concept "sea safety"]. *Problemy prava v sovremennoy Rossii: sbornik statey gorodskogo mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara* [Problems of law in modern Russia]. St. Petersburg, the publishing house Polytechnic University, 2005. Pp. 72-79.

5. Kukar A.A. *Pravovye osnovy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v pribrezhnykh morskikh prostanstvakh*. Avtoref. Cand. Diss. [Legal bases of national security of the Russian Federation in coastal sea spaces. Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 25 p.

6. Skrynnik A.M. Gosudarstvennoe upravlenie v sfere obespecheniya morskoy bezopasnosti v Rossii [Public administration in the sphere of ensuring sea safety in Russia]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* – North Caucasian Law Gazette, 2009, no. 3, pp. 77-84.

7. Chekmarev N.I. Problemy obespecheniya bezopasnosti Rossii s morskikh napravleniy [Security issues with Russia sea directions]. *Yuridicheskaya mysl'* – Legal thought, 2004, no. 1 (20), pp. 82-87.

8. Cheptsov N.R. *Problemy pervonachal'nogo etapa rassledovaniya prestupleniy protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii morskogo transporta (na materialakh Dal'nego Vostoka)*. Cand. Diss. [Problems of an initial stage of investigation of crimes against traffic safety and operation of sea transport (on materials of the Far East). Cand. Diss.]. Vladivostok, 2006. 205 p.

9. Badura I.A. *Administrativno-pravovoe regulirovanie transportnoy bezopasnosti morskogo flota*. Avtoref. Cand. Diss. [Administrative and legal regulation of transport safety of navy. Autoabstract Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 25 p.

10. Kornilov G.A. *Operativno-rozysknye mery bor'by s nezakonnoy dobychey i oborotom vodnykh biologicheskikh resursov* [Operational search measures of fight against illegal production and turn of water biological resources]. Moscow, 2008. 207 p.

11. Romashev Yu.S., Korbut L.V. *Nezakonnyy oborot narkotikov na more i bor'ba s nim* [Drug trafficking on the sea and fight against it] Organized crime, terrorism and corruption. *Organizovannaya prestupnost', terrorizm i korruptsiya: Kriminologicheskiy ezhekvartal'nyy al'manakh*. Moscow, Yurist Publ., 2003. Edition 4. Pp. 53-69.

Раздел 9. Компаративистика и зарубежный опыт

ЗИГМУНТ О.А., PhD, Olga.Siegmunt@uni-hamburg.de Факультет экономических и социальных наук; Гамбургский университет, 20148, г. Гамбург Ротенбаумхаусзее, 33, Федеративная Республика Германия	SIEGMUNT O.A., PhD, Olga.Siegmunt@uni-hamburg.de Faculty of Economic and social sciences University of Hamburg, Rothenbaumchaussee 33, Hamburg, 20148, Federal Republic of Germany
--	--

ВОЗМОЖНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СРАВНЕНИЯ УГОЛОВНОЙ СТАТИСТИКИ

Реферат. В статье показаны условность и погрешности системы статистического учета преступлений, обусловленные особенностями законодательства, формирования уголовной статистики и исполнительной практики регистрации преступлений. Дефекты статистического измерения преступности вскрываются в большей мере при сравнении показателей преступности разных государств. В статье сопоставляются показатели преступности (коэффициенты криминальной активности и уровень раскрываемости преступлений) Германии и России на основе статистических данных обоих государств. Криминальная активность определялась как среди несовершеннолетних (14-17 лет), так и среди взрослых лиц. Сначала проанализированы особенности законодательства, осложняющие сравнение статистических показателей: разный возраст уголовной ответственности; криминализация деяний (разный перечень преступлений); разные конструкции составов преступлений (при криминализации этих деяний в обеих странах). Далее исследованы особенности национального статистического учета как факторы, осложняющие сравнение криминальной активности названных стран: разные виды преступлений, подлежащих учету и несовпадающая дифференциация возрастных групп преступников. Для корректного сравнения автор самостоятельно рассчитал коэффициенты криминальной активности по России по двум возрастным группам (14-17 лет, 18 лет и старше). В заключение исследована практика регистрации преступлений, обусловленная характером обращения правоохранительных органов с пострадавшими и готовностью последних обращаться в полицию, выборочной регистрацией преступлений и манипуляцией данными, раскрываемостью преступлений и отношением к ней руководителей правоохранительных органов. В завершение делается вывод о том, что корректное сравнение данных уголовной статистики осложнено рядом факторов и поэтому не может дать объективной картины показателей преступности в разных государствах. Более надежным методом служит метод совмещения статистических и эмпирических данных (криминологические опросы жертв преступлений).

Ключевые слова: уголовная статистика, коэффициент криминальной активности, международный сравнительный анализ, Россия, Германия.

COMPARABILITY OF INTERNATIONAL CRIMINAL STATISTICS

Abstract. The conditionality and the faults of the data collection for crime statistics are shown in this article. The problems are caused by law characteristics, characteristics of data collection, and executive practice of data record. The problems in the measure of crime statistics will be visible best in an international comparison of statistical values. Crime rates (rates of suspects (per 100,000) and detection rate) of Russia and Germany are compared on the basis of statistical data of the both countries. The rate of suspects was estimated for juveniles (in age of 14-17 years) and adults. First, the law characteristics like age of criminal responsibility, specifics of criminalization, and different elements of crime for behavior criminalized in both countries are analyzed. Second, characteristics of data collection are analyzed. These are different types of crime and incongruity of age groups. For acceptable comparison, the author estimates rates of suspects in Russia by oneself. These are two age groups (14-17 years old as well 18 years old and older). Third, the executive practice of data record is analyzed: kind of contact of legal institutions with victims, victim's willingness to crime reporting, selective crime record, manipulation of data, crime detection, and stance of the directors of the legal institutions over it. Thus, an acceptably comparison of crime statistics is complicated by a number of factors. Therefore, it cannot

give an objective characterization of crime rates in different countries. Much more reliable method is a composite of statistical and survey data.

Keywords: crime statistics, rate of suspects, international comparative analysis, Russia, Germany.

Уголовная статистика является неотъемлемой частью криминологических исследований при описании уровня и развития зарегистрированной преступности. При этом уголовная статистика остается в первую очередь отчетом правоохранительных органов о проделанной работе. Осознавая это, необходимо с осторожностью подходить к использованию статистических данных для оценивания преступной ситуации. Это проблематично уже на уровне одного государства, поскольку официальные данные могут искажаться под влиянием изменений в методах регистрации преступлений, интенсивности контроля преступности, а кроме того, готовности потерпевших обращаться в полицию. При попытке проведения международных сравнений возникают дополнительные сложности. Так, проведение указанного сравнения затрудняют особенности национальных законодательств, такие, как особенности процессов криминализации/декриминализации деяний или особенности юридических определений тех или иных деяний. Уголовная статистика исследовалась как в Германии [1; 2], так и в России [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10], а также сравнение проводилось между странами [4; 6; 11; 12]. Эта статья служит в первую очередь более подробному ознакомлению читателя со сложностями сравнения зарегистрированной преступности на примере России и Германии.

Данные и метод исследования

Данные для сравнительного анализа уровней преступности в России и Германии были взяты из уголовной статистики обеих стран. Для России коэффициенты криминальной активности ($K_{кр.акт.}$) и уровень раскрываемости преступлений рассчитывались на основе данных двух ежегодных статистических сборников, выпускаемых Министерством внутренних дел Российской Федерации: «Преступность и правонарушения» и «Состояние преступности в России» [13; 14]. Соответствующие данные по Германии были взяты из Полицейской уголовной статистики (Polizeiliche

Kriminalstatistik (PKS) [15]*. Сравнение криминальной активности проводилось по двум возрастным группам: несовершеннолетние (14-17 лет) и совершеннолетние (18 лет и старше).

Зарегистрированная преступность

1. Преступность в целом

При сравнении уровня коэффициентов криминальной активности ($K_{кр.акт.}$) по всей совокупности зарегистрированных преступлений в России и Германии очевидны, во-первых, более высокие доли подозреваемых в совершении преступления в Германии, чем в России (см. рис.). Причем это характерно как для совершеннолетних, так и для несовершеннолетних. Во-вторых, несовершеннолетние в обеих странах более криминально активны, чем совершеннолетние. В-третьих, в Германии разница между сравниваемыми возрастными группами намного выше, чем в России.

Зарегистрированная преступность в обеих странах развивалась в исследуемом периоде времени сначала достаточно одинаково: в 1980-х – 1990-х годах как в России, так и в Германии, уровень преступности значительно повысился. С середины 1990-х годов наблюдаются различные тенденции. Преступность несовершеннолетних в Германии продолжала расти и, достигнув в конце 1990-х – начале 2000-х годов свое-

* В российской статистике представлены данные по выявленным лицам, совершившим преступления, к которым относятся лица, «уголовные дела и материалы, в отношении которых направлены в суд», и «лица, уголовные дела и материалы в отношении которых прекращены по нереабилитирующим основаниям» [13]. В немецкой статистике лица, совершившие преступления, носят статус подозреваемых в совершении преступлений, установленных в ходе расследования преступления [15]. Системы учета преступлений обеих стран имеют свои особенности, диктуемые национальным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. Несмотря на это, сравнение коэффициентов криминальной активности в контексте данного исследования представляется возможным. А детальное освещение национальных особенностей учета преступлений заслуживает особого внимания.

Рис. Лица, выявленные за совершение преступлений в России и Германии ($K_{кр.акт.}$)

го пика при $K_{кр.акт.}$ выше 8 000, начала снижаться. В России наблюдалось постепенное снижение преступности несовершеннолетних вплоть до начала 2000-х годов, после этого наступила стагнация. Преступность совершеннолетних в обеих странах развивалась с середины 1990-х годов практически одинаково: уровень преступности оставался почти на одном и том же уровне, учитывая незначительные колебания в российской статистике.

2. Некоторые виды преступлений

Наблюдаемые особенности и закономерности зарегистрированной преступности в целом необходимо интерпретировать с осторожностью, поскольку ситуация кардинально меняется, когда сравниваются отдельные виды преступлений. Наиболее реальную картину преступности дает сравнение таких деяний, признаки составов которых в обеих странах идентичны (убийства, разбои и грабежи, причинение тяжкого вреда здоровью).

Регистрация убийств практически не зависит от процессов криминализации/декриминализации, от активности подачи пострадавшими заявлений в правоохранительные органы или активности работы самих правоохранительных органов. В связи с этим данные по убийствам являются хоть и однобоким, но достаточно надежным индикатором для оценки уровня преступности в международном контексте. В противовес зарегистрированной преступ-

ности в целом, коэффициенты по убийствам в России значительно выше таковых в Германии, а в наблюдаемом временном интервале, с 1987 по 2005 гг., еще и значительно выросли*. Тенденция развития криминальной активности, связанной с совершением разбоев и грабежей, неоднозначна. И в России, и в Германии преступность оставалась с небольшими колебаниями на одинаковом уровне. Доля несовершеннолетних лиц, подозреваемых в совершении умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в Германии находится в соотношении с аналогичными данными в России: примерно 25:1. Разница таких показателей, как доля совершеннолетних лиц, совершивших преступления данной категории, меньше, она составляет примерно 15:1, но и здесь уровень криминальной активности выше в Германии.

На примере приведенных категорий преступлений следует констатировать неоднозначный ответ на вопрос о том, в какой из стран уровень криминальной активности, связанной с совершением насильственных преступлений, выше. Поскольку международное сравнение преступности на основе уголовной статистики не является достаточно надежным методом исследования, Мануэль Айзнер [16] с целью

* Многие авторы также неоднократно отмечали этот статистический парадокс: самый высокий в мире уровень убийств и самый низкий уровень преступности в целом [5, с. 103].

объективирования показателей дополнил официальные данные данными эмпирических исследований. Результаты его исследования показали, что стандартизованные значения насильственной преступности в России ($z = 1,98$) намного выше, чем в Германии ($z = -0,63$)*.

Различия законодательной базы как проблема, осложняющая сравнение и интерпретацию данных уголовной статистики

1. Возраст наступления уголовной ответственности

В соответствии с законодательством Германии, возраст уголовной ответственности наступает с 14 лет (§ 19 УК ФРГ) независимо от характера и тяжести совершенного преступления. Основным критерием определения возраста уголовной ответственности в России является осознание лицом общественной опасности деяния, а уголовная ответственность за все деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, наступает с 16 лет. Российский законодатель исходит из того, что, когда совершается более серьезное деяние, такое как убийство или грабеж, общественная опасность осознается в более раннем возрасте. За такие преступления уголовной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту их совершения 14-летнего возраста. Статья 20 УК РФ содержит полный список этих преступлений, а их основным признаком является то, что все они являются умышленными.

Такие расхождения означают, что многие преступления, совершенные в России лицами в возрасте от 14 до 16 лет, не находят отражения в уголовной статистике. А это ведет, в свою очередь, к тому, что и сравнивать преступность несовершеннолетних по всей совокупности деяний невозможно. Единственный выход в этой си-

туации — это сравнение преступности по отдельным видам преступлений.

2. Криминализация деяний

Многие деяния, которые криминализированы в одной стране, не признаны преступными в другой. Так, например, коэффициент криминальной активности за безбилетный проезд в общественном транспорте немецкими несовершеннолетними составлял в конце 1990-х — начале 2000-х годов примерно 500 (или 5 из 1 000 несовершеннолетних). В России безбилетный проезд является не преступлением, а административным правонарушением, поэтому в российской уголовной статистике не учитывается.

Еще одним примером различий в практике криминализации является признание российским законодателем мелкого хищения чужого имущества путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты административным правонарушением (ст. 7.27 КоАП РФ). При этом мелким хищением чужого имущества признается тогда, когда стоимость похищенного имущества не превышает одной тысячи рублей. В то же время в Германии любое хищение чужого имущества является преступным и при регистрации автоматически попадает в уголовную статистику. А это означает, что в России уровень преступности по кражам объективно не может быть выше, чем в Германии.

3. Юридическое определение деяний

В некоторых случаях, даже если одно и то же деяние признано преступным в обеих странах, различия могут оставаться на уровне признаков состава преступления. Так, например, сравнивать российскую и германскую уголовную статистику можно лишь на уровне сводного понятия «разбой и грабеж», а не по отдельным видам этих преступлений. Хотя УК РФ и предусматривает такие виды преступлений, как кража (тайное хищение чужого имущества, ст. 158) и разбой (нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, ст. 162), которые по составу преступления соответствуют краже (§ 242 УК ФРГ) и разбою (§ 249 УК ФРГ) в Германии, но российский уголовный закон предусматривает еще одно преступление, которое в подобном виде

* Для расчета z-значений насильственной преступности были агрегированы данные уголовной статистики двух стран и данные анкетирования потерпевших. При этом учитывались коэффициенты криминальной активности по убийствам и разбойным нападениям. Последние были откорректированы анкетными данными долей поданных заявлений о разбойных нападениях. Дополнительно учитывались данные о количестве потерпевших от разбойных нападений и нанесения телесных повреждений, полученные путем опросов жертв [16, с. 209-212].

не существует в уголовном законодательстве Германии, а именно грабеж (открытое хищение чужого имущества, ст. 161). Грабеж может быть совершен с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. При этом деяние совершается не тайно, а открыто, заведомо очевидно для собственника или третьих лиц. Таким образом, собственник или третьи лица осознают, что имущество незаконно изымается. По германскому законодательству грабеж относится к категории разбойных нападений и при сравнении с российским законодательством должен быть соединен в одну категорию с разбоем.

Особенность формирования уголовной статистики как проблема, осложняющая сравнение и интерпретацию данных

1. Виды преступлений

Российская уголовная статистика, содержащая по большей части сведения о тяжких и особо тяжких преступлениях, частично учитывает иные, чем германская статистика, преступления. Присутствующие в полицейской уголовной статистике Германии данные о таких преступлениях, как мошенничество, преднамеренное или небольшой тяжести нанесение телесных повреждений, повреждение чужого имущества, безбилетный проезд в общественном транспорте, преступления, нарушающие нормы Закона о статусе иностранных граждан и Закона о процедуре предоставления политического убежища, а также компьютерные преступления, в российской уголовной статистике не содержатся. С другой стороны, уголовная статистика Германии не содержит данных о хулиганстве.

Если сравнить преступность по тем деликтам, которые учитываются в статистике обеих стран, то окажется, что, например, несовершеннолетние в Германии по-прежнему остаются намного более криминально активными, чем в России. В Германии доли преступников, совершивших убийства (включая покушения), изнасилования (в Германии также сексуальное принуждение и сексуальное принуждение в отношении детей), разбои и грабежи, причинение тяжкого вреда здоровью, кражи и преступления, связанные с наркотиками, находились в период 1997-2001 гг.

на уровне примерно 6 000 (на 100 000 населения того же возраста), а в России — на уровне 1 650.

2. Возрастные группы

Уголовная статистика Германии содержит данные о криминальной активности граждан ($K_{кр.акт.}$) по следующим возрастным категориям:

— дети: 6 лет, от 6 до 8 лет, от 8 до 10 лет, от 10 до 12 лет, от 12 до 14 лет и по общей категории «дети до 14 лет»;

— несовершеннолетние: от 14 до 16 лет, от 16 до 18 лет и по общей категории «несовершеннолетние от 14 до 18 лет»;

— молодые люди: от 18 до 21 года;

— совершеннолетние: от 21 до 23 лет, от 23 до 25 лет и по общей категории «совершеннолетние от 21 до 25 лет», от 25 до 30 лет, от 30 до 40 лет, от 40 до 50 лет, от 50 до 60 лет, от 60 лет и старше и по общей категории «совершеннолетние от 21 года».

Российская уголовная статистика не содержит коэффициентов криминальной активности ($K_{кр.акт.}$). Данные о лицах, совершивших преступления, приводятся в абсолютных величинах и для следующих возрастных групп: 14-17 лет, 18-29 лет и 30 лет и старше. Поскольку международное сравнение криминальной активности на основе абсолютных величин не имеет смысла, а на основе соответствующих коэффициентов, рассчитанных на 100 000 населения соответствующего возраста, невозможно, то и подобный анализ данных, основанный лишь на данных уголовной статистики, неосуществим. Коэффициенты криминальной активности по России, представленные в этой статье, были рассчитаны автором с учетом данных о количестве населения лишь в двух возрастных группах: 14-17 лет и 18 лет и старше.

Исполнительная практика регистрации преступлений как проблема, осложняющая сравнение и интерпретацию данных уголовной статистики

1. Обращение представителей правоохранительных органов с пострадавшими и готовность последних сообщать о случившемся

На готовность пострадавших сообщать о случившемся в правоохранительные органы в немалой степени влияет обращение представителей полиции с жертвами преступлений. 45 % опрошенных в Санкт-Петербурге оценили действенность

оказываемой милицией помощи жертвам преступлений в микрорайоне проживания в 1998 и 2000 гг. совершенно или скорее неэффективной (в среднем 17,8 % посчитали помощь скорее или определенно эффективной и 37,1 % затруднились ответить). В 2000 году в г. Волгограде доля недовольных работой местной милиции составила 41,7 % (здесь 23 % опрошенных посчитали помощь милиции скорее или определенно эффективной и 35,3 % затруднились с ответом) [17]. Дальнейшие результаты этого репрезентативного опроса населения двух российских городов показали, что в 1998-2000 гг. в Санкт-Петербурге установлено от 26,3 % до 30,8 % жертв преступлений, которые проинформировали милицию о случившемся, тогда как в Волгограде эта доля в 2000 году находилась на уровне 41,4 %. Вместе с тем 13,5 % из них в Санкт-Петербурге и 13,4 % в г. Волгограде сообщили, что их заявление в милицию не было принято. 12,8 % подавших заявление в Санкт-Петербурге и 1,3 % в Волгограде не были проинформированы о дальнейших действиях милиции. Предположив, что милиция все равно ничего не стала бы делать, примерно одна треть пострадавших (35,2 % в Санкт-Петербурге и 27,0 % в Волгограде) вообще не стала информировать милицию. Другие 20-25 % лиц не обратились в милицию потому, что преступник не был известен. Еще одна причина необращения — это уверенность в том, что милиция ничего не смогла бы сделать (третья по частоте выбора причина (18,3 % — в Санкт-Петербурге, и 21,8 % — в Волгограде)). Повысить уровень регистрации преступлений возможно путем повышения доверия к правоохранительным органам. Удачным представляется опыт помещения полицейских в определенную среду с высоким уровнем криминальной активности, например в школы [18]. Причем под наблюдение школьных полицейских попадают не только сами школы, но и прилегающая к ней территория микрорайона.

2. Селективная регистрация и манипуляция данными

К другим, не менее важным проблемам, связанным с регистрацией преступлений, относятся, например, селективная регистрация и манипуляции с раскрываемостью преступлений, которые неоднократно затрагивались в научной литературе [8;

19; 20; 21]. При этом регистрируются, как правило, те преступления, которые с высокой степенью вероятности будут раскрыты. Некоторые ученые и практики [21] усматривают самую большую проблему искажения уголовной статистики в России в монополизации Министерством внутренних дел деятельности по составлению такой статистики, в то время как это же министерство призвано контролировать процессы борьбы с преступностью. В связи с этим предлагается переложить ответственность за составление уголовной статистики на независимые институты. Менее радикальное предложение — возложить обязанность по регистрации раскрытых преступлений и установленных преступников не на органы внутренних дел, а на суды.

3. Раскрываемость преступлений

Уровень раскрываемости преступлений — это соотношение раскрытых и зарегистрированных преступлений. Реальный уровень раскрываемости всей совокупности преступлений редко превышает 50-60 %. Так, за последние 20 лет в Германии ежегодно раскрывается 45-55 % преступлений. В конце 1990-х годов в России были раскрыты две трети всех зарегистрированных преступлений. Уровень раскрываемости в 1980-е годы был еще выше и достигал 90-95 % [8; 10, с. 47-48]. Позже он был снижен проведением репрессивных мер Министерства внутренних дел [3, с. 90; 4, с. 127-128]. Начиная с 1993-1994 гг. уровень раскрываемости снова стал резко подниматься. В этот период были достигнуты высокие показатели в борьбе с преступностью (1997 г. — 72,2 % раскрытых преступлений от общего числа зарегистрированных, 1998 г. — 74,4 %, 1999 г. — 73,4 %, 2000 г. — 75,6 %). Высокий уровень раскрываемости преступлений в 1990-е годы в России является результатом принятых в тот период времени критериев оценки успешности работы правоохранительных органов, а именно: чем больше преступлений раскрыто, тем лучше работа. Летом 2001 года министр внутренних дел поставил цель изменить принятые критерии, которая, очевидно, и была достигнута: с начала 2000-х годов уровень раскрываемости преступлений в России снова находится на реальном уровне (2003 г. — 55,1 %, 2004 г. — 54,2 %, 2005 г. — 47,8 %, 2006 г. — 46,6 %, 2007 г. — 49,6 %, 2008 г. —

53,4 %, 2009 г. — 55,1 %, 2010 г. — 55,7 %, 2011 г. — 54,6 %, 2012 г. — 54,4 %).

Таким образом, международное сравнение преступности на основе данных уголовной статистики по всей совокупности преступлений невозможно. Причиной этого являются различия процессов криминализации и декриминализации деяний, характерные для исследуемых государств, различия в законодательных определениях деликтов, а для преступлений, совершенных несовершеннолетними, и различия в возрасте наступления уголовной ответственности. Для этой цели более приемлемым является сравнение отдельных видов преступлений. Однако такое сравнение усугубляют особенности формирования уголовной статистики. Во-первых, перечень видов преступлений, включенных в уголовную статистику разных стран, различен; во-вторых, выделяются разные, порой несхожие, возрастные группы, или они не выделяются вообще.

Международное сравнение преступности затрудняют и так называемые латентные факторы. Они не зафиксированы нормативными актами и не являются составной частью уголовной статистики, но влияют на уровень регистрируемой пре-

ступности, и их возможно выявить лишь путем криминологических исследований. Один из них — селективная регистрация преступлений. Наблюдается следующая взаимосвязь: чем более селективно регистрируются преступления, тем выше уровень раскрываемости и, соответственно, ниже уровень зарегистрированной преступности. Именно такую тенденцию мы наблюдаем на примере существующего уровня криминальной активности несовершеннолетних в России. Еще одним фактором, влияющим на уровень регистрируемой преступности, является готовность потерпевших от преступных посягательств сообщать о случившемся правоохранительным органам. Имеет место следующая взаимосвязь: чем больше заявлений подается, тем выше уровень преступности, при условии, что все поданные заявления регистрируются.

Более надежным методом, чем сравнение статистических данных, является метод совмещения статистических и эмпирических данных. При этом данные уголовной статистики различных стран для их объективизации дополняются данными, полученными в результате криминологических опросов жертв преступлений.

Список литературы

1. Kerner H.-J. Verbrechenswirklichkeit und Strafverfolgung: Erwägungen zum Aussagewert von Kriminalstatistik. München: Wilhelm Goldmann Verlag, 1973.
2. Heinz W. Strafrechtspflegestatistiken und Kriminalpolitik. Zuverlässige und inhaltsreiche Strafrechtspflegestatistiken als Alternative zu einer "Kriminalpolitik im Blindflug": Festschrift für Hans Joachim Schneider zum 70. Geburtstag am 14. November 1998 / Hans-Dieter Schwind, Edwin Kube, Hans-Heiner Kühne [u. a.] (Hrsg.). Berlin: de Gruyter, 1998.
3. Лунеев В.В. Контроль над преступностью: надежны ли показатели? // Государство и право. 1995. N 7. С. 89-102.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: НОРМА, 1997. 525 с.
5. Лунеев В.В. Юридическая статистика. М.: Юристъ, 2004. 400 с.
6. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Волтерс Клувер, 2005. 299 с.
7. Лунеев В.В. Юридическая статистика. М.: Юристъ, 2007. 394 с.
8. Гаврилов Б. О реальности российской уголовной статистики // Законность. 1999. N 6. С. 27-32.
9. Гаврилов Б. Способна ли российская статистика о преступности стать реальной? // Государство и право. 2001. N 1. С. 47-62.
10. Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. СПб.: Питер, 2002. 384 с.
11. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland: Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 2013. 96 (6).
13. Преступность и правонарушения (1987-2008): статистические сборники. М.: МВД России, 1992-2007.

14. Состояние преступности в России: ежегодник. М.: МВД РФ, 1987-2008.
15. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 1987-2008. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1988-2009.
16. Eisner M. Crime, Problem Drinking, and Drug Use: Patterns of Problem Behavior in Cross-National Perspektive. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 2002, 580, 201-225.
17. Gilinskiy Y., Bozhkov O., Kostjukovsky Y. Comparative Sociological Study "The Community and the Police in a Large City" (Report-3). St. Petersburg: Citizens' Watch, 2001.
18. Зигмунт О. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование латентной преступности несовершеннолетних // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2013. N 1 (23). С. 106-116.
19. Акутаев Р. Некоторые аспекты борьбы с искусственно-латентной преступностью // *Государство и право*. 1999. N 3. С. 44-52.
20. Буторин Л. Регистрация и учет преступлений // *Законность*. 2001. N 8. С. 33-35.
21. Самойленко В. Искаженная статистика // *Законность*. 1999. N 3. С. 47-49.

References

1. Kerner H.-J. *Verbrechenswirklichkeit und Strafverfolgung: Erwägungen zum Aussagewert von Kriminalstatistik*. München, Wilhelm Goldmann Verlag, 1973.
2. Heinz W. *Strafrechtspflegestatistiken und Kriminalpolitik. Zuverlässige und inhaltsreiche Strafrechtspflegestatistiken als Alternative zu einer "Kriminalpolitik im Blindflug"*: Festschrift für Hans Joachim Schneider zum 70. Geburtstag am 14. November 1998 / Hans-Dieter Schwind, Edwin Kube, Hans-Heiner Kühne [u. a.] (Hrsg.). Berlin: de Gruyter, 1998.
3. Luneev V.V. Kontrol' nad prestupnost'yu: nadezhny li pokazateli? [Crime control: whether reliable indicators?]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 1995, no. 7, pp. 89-102.
4. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii* [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian tendencies]. Moscow, NORMA Publ., 1997. 525 p.
5. Luneev V.V. *Yuridicheskaya statistika* [Legal statistics]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 400 p.
6. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii* [Crime of the twentieth century: global, regional and Russian tendencies]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2005. 299 p.
7. Luneev V.V. *Yuridicheskaya statistika* [Legal statistics]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 394 p.
8. Gavrilov B. O real'nosti rossiyskoy ugovolnoy statistiki [The reality of the Russian criminal statistics]. *Zakonnost' – Legality*, 1999, no. 6, pp. 27-32.
9. Gavrilov B. Sposobna li rossiyskaya statistika o prestupnosti stat' real'noy? [Can the Russian statistics on crime to become real?]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 2001, no. 1, pp. 47-62.
10. Gilinskiy Ya.I. *Kriminologiya: Teoriya, istoriya, empiricheskaya baza, sotsial'nyy kontrol'* [Criminology: Theory, History, empirical base, social control: a course of lectures]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 384 p.
11. Siegmunt O. *Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld*. Berlin, Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 2013.
12. Siegmunt O. Mit Vorsicht zu genießen! Zur Aussagekraft von Kriminalstatistiken und zum Anzeigeverhalten Jugendlicher in Deutschland und Russland: *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2013. 96 (6).
13. *Prestupnost' i pravonarusheniya (1987-2008): statisticheskie sborniki* [Crime and offenses (1987-2008). Statistical compilations]. Moscow, 1992-2007.
14. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii: ezhegodnik* [Criminality in Russia. Yearbook]. Moscow, 1987-2008.
15. Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 1987-2008. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 1988-2009.
16. Eisner M. Crime, Problem Drinking, and Drug Use: Patterns of Problem Behavior in Cross-National Perspektive. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 2002, 580, 201-225.
17. Gilinskiy Y., Bozhkov O., Kostjukovsky Y. Comparative Sociological Study "The Community and the Police in a Large City" (Report-3). St. Petersburg, Citizens' Watch, 2001.
18. Зигмунт О. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование латентной преступности несовершеннолетних [Perpetrators and victims of violent crime: a study of delinquency of minors]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* – Legal Science and Law enforcement Practice, 2013, no. 1 (23), pp. 106-116.
19. Akutaev R. Nekotorye aspekty bor'by s iskusstvenno-latentnoy prestupnost'yu [Some aspects of the fight against crime artificially latent]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 1999, no. 3, pp. 44-52.
20. Буторин Л. Registratsiya i uchet prestupleniy [Registration and accounting of crimes]. *Zakonnost' – Legality*, 2001, no. 8, pp. 33-35.
21. Самойленко В. *Iskazhennaya statistika* [Distorted statistics]. *Zakonnost' – Legality*, 1999, no. 3, pp. 47-49.

ГАРУСТ Ю.В., кандидат юридических наук, stanislav2107@mail.ru Кафедра административного, хозяйственного права и финансово-экономической безопасности; Сумский государственный университет, 40007, г. Сумы, Римского-Корсакова, 2, Украина	GARUST YU.V., Candidate of Legal Sciences, stanislav2107@mail.ru Chair of administrative, economic law and financial and economic security; Sumy State University, Rimskogo-Korsakova St. 2, Sumy, 40007, Ukraine
--	---

ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ГРАЖДАН УКРАИНЫ В НАЛОГОВОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Реферат. Рассматривается понятие правового и социального государства с учетом положений Конституции Украины, делается вывод о беспрепятственной и гарантированной реализации прав граждан как об основном индикаторе построения такого государства. Обосновывается необходимость установления и реализации принципов обеспечения прав граждан, в том числе в сфере налогообложения. Обратная связь правовых принципов и государства в том, что принципы, адекватно отражающие реальность, создают условия для развития правовой и социальной государственности. Для определения понятия принципов в налоговой сфере исследуется их понимание в смежных сферах: политике, экономике, государственном управлении. Аргументируется, что принципы, вследствие их объективно-субъективной природы, неверно рассматривать только как закономерности. Обосновано положение, согласно которому принципы обеспечения прав граждан в налоговой сфере носят общий, иногда абстрактный характер. Они не устанавливают конкретных, четко определенных требований в виде прав и обязанностей, закрепляя лишь общие социально-правовые основы деятельности как государства, так и его отдельных институтов по обеспечению прав граждан в налоговой сфере. Значение названных принципов в том, что они ориентируют государство на создание условий для реализации прав граждан в налоговой сфере. Приводятся и анализируются различные подходы к пониманию правовых принципов, в результате автор формулирует их определение. Под принципами обеспечения прав граждан в налоговой сфере предлагается понимать обусловленные особенностями развития политической, экономической, правовой, социальной, культурной и других сфер жизни закономерности, подвергшиеся научному изучению и обоснованию, являющиеся основой организации и функционирования механизма обеспечения прав граждан в налоговой сфере в качестве отправных, наиболее общих императивных требований, определяющих его назначение.

Ключевые слова: принципы, принципы государственного управления, принципы права, принципы обеспечения прав граждан в налоговой сфере.

PRINCIPLES OF ENSURING THE UKRAINIAN CITIZENS' RIGHTS IN THE TAX AREA UNDER THE CONDITIONS OF CONSTITUTIONAL STATE FORMATION

Abstract. The concept of constitutional and social state based on the provisions of Ukraine Constitution is studied. The guaranteed citizens' rights exercising is considered as the main indicator of forming such type of state. The necessity to establish and exercise principles of ensuring citizens' rights in the taxation area is proved. The correlation between legal principles and the state is that the principles, properly reflecting the reality, create conditions for developing legal and social statehood. To define the principles in the tax area the author investigates their interpretations in related areas: politics, economics, state management. Due to their objective and subjective nature the principles should not be regarded as regularities only. The author proves that principles of ensuring citizens' rights in the tax area have general, sometimes abstract nature. They do not establish definite demands (like laws and obligations) and fix only general social and legal grounds of the state's activity and the activity of its institutions which guarantee citizens' rights in the tax area. These principles guide the state to create conditions to implement citizens' rights in the tax area. Various approaches of interpreting legal principles are given and analyzed. The author defines principles of ensuring citizens' rights in the tax area as studied and proved regularities, determined by the development peculiarities of political, economic, legal, social, cultural and other areas of life, which are the basis of organizing and functioning of the mechanisms of ensuring citizens' rights in the tax area being the main requirements defining its purpose.

Keywords: principles, principles of governance, legal principles, principles of ensuring citizens' rights in the tax area.

Создание и функционирование механизма обеспечения прав граждан в налоговой сфере предполагает сложные процессы, качество и эффективность которых напрямую зависят от положенных в их основу требований и правил. Ключевое значение в системе таких правил имеют принципы обеспечения прав граждан в налоговой сфере.

Определение и закрепление системы таких принципов, равно как и принципов в других сферах общественной жизни, является обязательным условием формирования правового и социального государства, каким декларирует себя Украина согласно ст. 1 Конституции. Обеспечение прав и свобод граждан — это наиболее важное и существенное свойство правового государства. В.М. Кириченко и О.М. Куракин определяют, что правовое государство — это организация политической власти, деятельность которой основана на принципах верховенства права и закона, взаимной ответственности государства и личности, признании и реальном обеспечении прав и свобод человека и гражданина, отдельных групп людей и гражданского общества в целом [1, с. 78]. Похожую по своему содержанию точку зрения по поводу понимания сущности правового государства высказывают М.В. Цвик, В.Д. Ткаченко и некоторые другие юристы [2, с. 152].

А.Ф. Скакун и А. Безимьян определяют социальное правовое государство как политическую организацию общества, в котором право связывает и подчиняет себе государственную власть, а основные права личности и ее социальная безопасность составляют содержание свободы, основанной на законах, которые принимаются и подвергаются изменению законным путем [3, с. 140; 4, с. 176].

Согласно позиции, которую занимает В.П. Марчук, правовое государство — это государство, в котором юридическими средствами реально обеспечено максимальное осуществление охраны и защиты основных прав человека [5, с. 69].

К.Г. Волынка отмечает, что правовое государство — это государство, деятельность которого основана на праве, выражает идеи гуманизма, справедливости,

формального равенства и свободы, высшей социальной ценностью в котором признаются права человека [6, с. 82]. В свою очередь, социальное государство — это социально ориентированное государство, всемерно помогающее незащищенным слоям населения, стремящееся повлиять на распределение экономических благ в духе принципов справедливости, чтобы обеспечить каждому достойное человека существование [6, с. 85]. С учетом вышеизложенного К.Г. Волынка делает вывод, что только социально-правовое государство обеспечивает полноценную защиту и реализацию всего комплекса прав и свобод человека и гражданина. Это государство, в котором на первом месте находится право и закон, приоритетными для него являются права личности, а не власти государственного аппарата. «Ядром» в правовом социальном государстве является универсальный механизм правовой и социальной защиты личности [6, с. 85].

Как видим, социальное правовое государство призвано гарантировать и обеспечить свободную и беспрепятственную реализацию гражданами своих прав во всех наиболее важных отраслях общественной жизни, в том числе налоговой сфере. В то же время деятельность государства по обеспечению и гарантированию прав граждан может не основываться на ряде принципиальных положений, среди которых есть как общие положения, пронизывающие все сферы правового регулирования, так и положения специальные, присущие отдельным отраслям общественных отношений, в частности налоговой сфере.

В качестве предмета научных исследований принципы права всегда находились в центре внимания юристов. В частности, их исследовали О.Ф. Скакун, Н.И. Матузов, К.Г. Волынка, М.В. Цвик, В.Б. Аверьянов, Ю.П. Битяк, С.В. Кивалов, М.П. Кучерявенко и другие ученые, представляющие как общую теорию права, так и отраслевые юридические науки. Впрочем, важность и специфика некоторых сфер общественной жизни требуют более тщательного изучения принципов, лежащих в их основе. Это в полной мере касается и сферы налоговых отношений, в частности принципов,

на которых основывается механизм обеспечения прав граждан.

Разговор о принципах обеспечения прав граждан в налоговой сфере должен начинаться с определения понятия принципов. Для этого планируется рассмотреть сложившиеся в юриспруденции, а также в сфере государственного управления взгляды на сущность принципов и выделить их основные черты (признаки).

В словарях и справочной литературе термин «принцип» (от лат. «*principium*» — основа, начало, первоисточник [7, с. 461]) определяется как:

- основное исходное положение какой-либо системы, учения, теории, идеологического направления, политической организации и т.д.;

- особенность, положенная в основу создания или осуществления чего-либо, способ создания или осуществления чего-либо;

- убеждение, норма, правило, которым руководствуется кто-нибудь в жизни [8, с. 1125; 9, с. 366].

В общем, категория принципа имеет чрезвычайно обширную сферу применения. Например, в философии принципы принято понимать как основу некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям. В логике принцип — центральное понятие системы, представляет собой обобщение и распространение некоторого положения на все явления области, из которой данный принцип абстрагирован. В этике принцип понимается как внутреннее убеждение, максима, задающая общую установку по отношению к действительности, нормы поведения и деятельности [10, с. 554].

В политическом словаре принципы характеризуются как внутренние убеждения человека, те практические, моральные и теоретические основы, которыми он руководствуется в жизни, в различных сферах деятельности [11, с. 427]. Ю.П. Сурмин отмечает, что общественно-политические принципы — это общие положения, соблюдение которых обеспечивает общественно-политическую организацию общества и отношения между государством и гражданским обществом [12, с. 574-575].

Экономические принципы — это теоретические обобщения, содержащие допущения, усреднения, которые отражают

определенные тенденции развития экономической системы [13, с. 30].

В области государственного управления принципы характеризуются как проявления закономерностей, которые отражены в виде отдельных положений, применяемых в теоретической и практической деятельности людей в сфере государственного управления. Как правило, это фундаментальные, научно обоснованные, а в определенных случаях и законодательно закрепленные положения, согласно которым строится и функционирует система государственного управления [12, с. 564]. «Принципы государственного управления, — пишет В.Я. Малиновский, — это фундаментальные истины, положительные закономерности, руководящие идеи, основные положения, нормы поведения, отражающие законы развития отношений управления, сформулированные в виде определенного научного положения, закрепленного в основном в правовой форме, на основе которого строится и функционирует аппарат государственного управления» [14, с. 192]. Исследователь считает, что принципы государственного управления должны:

- основываться на законах развития общества, его социальных и экономических законах и законах государственного управления;

- соответствовать целям управления, отражать основные качества, связи и отношения управления;

- учитывать временные и территориальные аспекты процессов государственного управления;

- иметь правовое оформление, т.е. быть закрепленными в нормативных документах, поскольку каждый принцип управления является целенаправленным — его применяют для решения конкретных организационно-политических и социально-экономических задач [14, с. 193].

Г.В. Атаманчук предлагает принцип государственного управления рассматривать как закономерность, отношение или взаимосвязь общественно-политической природы и других групп элементов государственного управления (системы онтологических элементов), выраженную в виде определенного научного положения, закрепленного в большинстве своем правом и применяемого в теоретической и практической деятельности людей по

управлению [15, с. 188]. По мнению автора, принципы и процесс их обоснования должны соответствовать ряду моментов, а именно:

а) отражать не любые, а лишь наиболее существенные, главные, объективные необходимые закономерности, отношения и взаимосвязи государственного управления;

б) характеризовать лишь устоявшиеся закономерности, отношения и взаимосвязи в государственном управлении;

в) охватывать преимущественно такие закономерности, отношения и взаимосвязи, которые присущи государственному управлению как целостному социальному явлению, т.е. имеют общий, а не частный характер;

г) отражать специфику государственного управления, его отличие от других видов управления [15, с. 188].

В юридической энциклопедической литературе принципы определяются как основные начала, исходные идеи, характеризующиеся универсальностью, общей значимостью, высшей императивностью и отражающие существенные положения теории, учения, науки, системы внутреннего и международного права, политической, государственной или общественной организации (гуманизм, законность, справедливость, равенство граждан перед законом и т.д.) [16, с. 110-111].

С точки зрения М.В. Кравчука, принципы права — это ведущие начала, идеи права, в конкретном виде характеризующие его содержание, определяющие направленность правового регулирования [17, с. 107].

Достаточно содержательной представляется позиция О.Ф. Скакун, которая пишет, что принципы права — объективно присущие праву отправные начала, неоспоримые требования (позитивные обязательства), которые адресуются участникам общественных отношений с целью гармоничного сочетания индивидуальных, групповых и общественных интересов. Другими словами, это своеобразная система координат, в рамках которой развивается право, и одновременно вектор, определяющий направление его развития [3, с. 221]. При этом исследователь выделяет также и свойства принципов права: во-первых, они растворяются во множестве норм, пронизывают всю правовую материю; во-вторых,

являются стержнем всей системы права, добавляют праву логичности, последовательности, сбалансированности; в-третьих, имеют более высокий уровень отвлеченности от регулируемых отношений, освобождены от конкретики и подробностей; в-четвертых, выступают как общее мерило поведения без указания права и обязанности; в-пятых, являются положительными обязательствами; в-шестых, не имеют способы регулирования, их ведущим элементом является повинность (то, что должно быть), которая непосредственно отражает существующую в конкретном обществе систему ценностей и обосновывается; в-седьмых, выступают отправным началом при решении конкретных юридических дел, особенно в случае применения аналогии закона при наличии пробелов в законодательстве [3, с. 221-222].

М.В. Цвик, В.Д. Ткаченко, Л.Л. Богачева и другие правоведы характеризуют принципы как общие требования к общественным отношениям и их участникам, а также как исходные руководящие принципы, отправные установления, выражающие сущность права и вытекающие из идей справедливости и свободы, а также определяющие общую направленность и наиболее существенные черты действующей правовой системы [2, с. 193]. Ученые отмечают, что значение принципов в праве объясняется тем, что они:

1) имеют свойство высшей императивности, универсальности; им присущи устойчивость и стабильность в течение неопределенно длительного времени;

2) направляют развитие и функционирование всей правовой системы;

3) обуславливают направления правотворческой, правоприменительной и иной юридической деятельности;

4) выступают важнейшим критерием законности действий граждан, должностных лиц и других субъектов права;

5) способствуют преодолению пробелов в праве;

6) имеют влияние на уровень правосознания в обществе [2, с. 193].

Опираясь на изложенное, можно сделать вывод, что принципы, независимо от сферы их применения, — это основополагающие, наиболее общие и универсальные закономерности, правила, нормы, требования, лежащие в основе и отражаю-

щие сущность тех или иных явлений, процессов, отношений.

Следует согласиться с Ю.М. Грошевым в том, что принципы представляют собой обобщенную сущность явления, которой всегда бывает столько, сколько надо, чтобы предоставить явлению, предмету качественную самобытность [18, с. 56]. Похожее мнение, исследуя принципы права Украины, высказывает и А.М. Колодий: принципы являются основными, самыми общими, исходными положениями, средствами, правилами, определяющими природу и социальную сущность явления, его направленность и наиболее существенные свойства [19, с. 17].

Не следует рассматривать принципы, в том числе принципы обеспечения прав граждан в налоговой сфере, как закономерности (нормы, требования), которые имеют исключительно объективный или сугубо субъективный характер. Принципы имеют комплексную природу: с одной стороны, они объективно обусловлены особенностями развития основных сфер общественной жизни (экономической, политической, социальной, культурной и т.д.), а с другой — определенные закономерности становятся императивными, общими требованиями, т.е. принципами, только в результате их научного познания и обоснования человеком. Г. Щёкин по этому поводу справедливо замечает, что принципы — это результат обобщения людьми объективно действующих законов и закономерностей, присущих им общих черт, характерных фактов и признаков, которые становятся общим началом их деятельности [20, с. 368].

В.Ф. Погорилко, анализируя принципы конституционного права, писал, что в естественных и точных науках под принципами традиционно понимают объективно существующие в природе законы. В общественных и юридических науках категория «принцип» лишена абсолютной объективности. Под ней понимают «вечные» идеи, которые являются продуктом человеческого мышления и никак не связаны с окружающей действительностью; воплощенные в праве руководящие принципы, идеи, определяющие содержание права и обусловленные объективными закономерностями; специфическое юридическое выражение объективно существующих

экономических и политических законов общественного развития и т.д. [21, с. 41] С учетом этого он отмечает, что принципы в праве являются категорией, которая одновременно зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. С одной стороны, принципы права объективируются закономерностями политической, экономической, социальной, культурной (духовной) и других сфер общественной жизни, а с другой — определяют цели и задачи права по эффективному регулированию общественных отношений во всех сферах общественного и государственного строя. При этом выбор идей, идеалов, целей права, т.е. принципов права, зависит от субъективной воли участников правотворчества [21, с. 41].

Также в контексте исследуемой проблемы уместным представляется мнение В.Я. Малиновского, который в разрезе проблематики принципов государственного управления приходит к выводу о том, что принципы как понятие теории отражают сущность и реальность процессов государственного управления, подчиняясь определенным законам. Принципы — это специфическое понятие, содержанием которого является не столько сама закономерность, отношения, взаимосвязи, сколько наше знание о них. Они представляют собой результат обобщения людьми объективно действующих законов и закономерностей, присущих им общих черт, характерных фактов и признаков, которые становятся общим началом их деятельности [14, с. 190]. Автор подчеркивает, что принцип является результатом научного познания, а практическое действие принципов не зависит от них самих, а полностью определяется отношением к ним людей [14, с. 191].

Таким образом, под принципами обеспечения прав граждан в налоговой сфере следует понимать закономерности, обусловленные особенностями развития политической, экономической, правовой, социальной, культурной жизни общества, подвергшиеся научному изучению, и обоснования, заложенные в основу организации и функционирования механизма обеспечения прав граждан в налоговой сфере в качестве отправных, наиболее общих императивных требований (норм, правил), определяющих его назначение.

В связи с тем, что принципы носят достаточно общий, а иногда даже абстрактный характер, они не устанавливают конкретных, четко определенных требований в виде прав и обязанностей. Они закрепляют общесоциальные и организационно-правовые основы деятельности как государства в целом, так и его отдельных институтов, по обеспечению прав граждан

в налоговой сфере. Устанавливая ряд приоритетов, принципы выступают тем фактором, который ориентирует и направляет меры и средства, с помощью которых гарантируются права граждан в налоговой сфере, а также определяет условия и пределы их реализации.

Список литературы

1. Кириченко В.М., Куракин О.М. Теорія держави і права: модульний курс: навч. посіб. К.: Центр учбової літератури, 2010. 264 с.
2. Загальна теорія держави і права: підручник для студентів юридичних спеціальностей вищих навчальних закладів / М.В. Цвік, В.Д. Ткаченко, Л.Л. Богачова та ін.; за ред. М. В. Цвіка, В.Д. Ткаченка, О.В. Петришина. Харків: Право, 2002. 432 с.
3. Скакун О.Ф. Теорія держави і права: підручник / пер. з рос. Харків: Консум, 2001. 656 с.
4. Безимян А. Теорія держави і права: курс лекцій. Суми, 2009. 689 с.
5. Словничок юридичних термінів: навч. посіб. / уклад. В.П. Марчук. К.: МАУП, 2003. 128 с.
6. Волинка К.Г. Теорія держави і права: навч. посіб. К.: МАУП, 2003. 240 с. Бібліогр.: с. 229-232.
7. Словник іншомовних слів / уклад.: С.М. Морозов, Л.М. Шкарапута. Національний університет ім. Тараса Шевченка, Український мовно-інформаційний фонд НАН України. К.: Наукова Думка, 2000, 680 с.
8. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. К.; Ірпінь: Перун, 2005. 1728 с.
9. Івченко А.О. Тлумачний словник української мови. Харків: Фоліо, 2002. 543 с.
10. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Мн.: Изд-ль В.М. Скакун, 1998. 896 с.
11. Політичний словник / за ред. В.К. Врублевського, А.В. Кудрицького, В.М. Мазура, А.В. Мяловицького. Вид. 2-е. К.: Головна редакція УРЕ, 1976. 590 с.
12. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.: Ю.П. Сурмін, В.Д. Бакуменко, А.М. Михненко та ін.; за ред. Ю.В. Ковбасюка, В.П. Трошинського, Ю.П. Сурміна. К.: НАДУ, 2010. 820 с.
13. Економічна теорія: Політекономія: підручник / за ред. В.Д. Базилевича. 6-те вид., перероб. і доп. К.: Знання-Прес, 2007. 719 с.
14. Малиновський В.Я. Державне управління: навчальний посібник. Вид. 2-ге, доп. та перероб. К.: Атіка, 2003. 576 с.
15. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. М.: Юрид. лит., 1997. 400 с.
16. Юридична енциклопедія: в 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) [та ін]. Т. 5: П-С. К., 2003.
17. Кравчук М.В. Теорія держави і права. Проблеми теорії держави і права: навчальний посібник. 3-тє вид., змін. й доп. Тернопіль: Карт-бланш, 2002. 247 с.
18. Кримінальний процес України: підручник / за ред. Ю.М. Грошевого, В.М. Хотенця. Харків: Право, 2000. 496 с.
19. Колодій А.М. Принципи права України: монографія. К.: Юрінком Інтер, 1998. 208 с.
20. Щёкин Г.В. Социальная теория и кадровая политика: монография. К.: МАУП, 2000. 576 с.
21. Погорілко В.Ф., Федоренко В.Л. Конституційне право України. Академічний курс: підруч.: у 2 т. Т. 1 / за ред. В.Ф. Погорілка. К.: Юридична думка, 2006. 544 с.

References

1. Kirichenko V.M., Kurakin O.M. [Theory of State and Law Modular Course]. Kiev, Center of Training Literature Publ., 2010. 264 p.
2. Tsvik M.V., Tkachenko V.D., Bogachova L.L. and others [General Theory of State and Law]. Kharkiv, Pravo Publ., 2002. 432 p.
3. Skakun O.F. [Theory of State and Law]. Kharkiv, Consum Publ. 2001. 656 p.
4. Bezymyan A. [Course of Lectures on Theory of State and Law]. Sumy, 2009. 689 p.
5. [Dictionary of legal terms]. Kiev, MAUP Publ., 2003. 128 p.
6. Volynka K.G. [Theory of State and Law]. Kiev, MAUP Publ., 2003. 240 p.
7. [Dictionary of foreign words]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 2000. 680 p.
8. [Great Explanatory Dictionary of the Modern Ukrainian Language (with appendix and additions)]. Kiev; Irpin, Perun Publ., 2005. 1728 p.
9. Ivchenko A.O. [Explanatory Dictionary of Ukrainian Language]. Kharkiv, Folio Publ., 2002. 543 p.
10. [Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Publisher V.M. Skakun, 1998. 896 p.

11. [Political Dictionary]. Kiev, 1976. 590 p.
12. [Encyclopedic reference book on State Management]. Kiev, NADU Publ., 2010. 820 p.
13. [Economical Theory: Political Economy]. Kiev, Znannya-Press, 2007. 719 p.
14. Malinovskiy V.Ya. [State Management]. Kiev, Atika Publ., 2003. 576 p.
15. Atamanchuk G.V. [Theory of Public Administration]. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1997. 400 p.
16. [Legal Encyclopaedia. In 6 Vol. Vol. 5: P-S]. Kiev, 2003.
17. Kravchuk M.V. [Theory of State and Law. Problems of State and Law]. Ternopil, Kart-blansh Publ., 2002. 247 p.
18. [Criminal Procedure of Ukraine]. Kharkiv, Pravo Publ., 2000. 496 p.
19. Kolodiy A.M. [Principles of Law of Ukraine]. Kiev, Yurinkom Inter Publ., 1998. 208 p.
20. Shchekin G.V. Sotsial'naya teoriya i kadrovaya politika [Social Theory and Personnel Policy]. Kiev, MAUP Publ., 2000. 576 p.
21. Pogorilko V.F., Fedorenko V.L. [Constitutional Law of Ukraine. In 2 Volumes. Vol. 1]. Kiev, Legal thought Publ., 2006. 544 p.

ТУЧЕК Ф., бакалавр, ft2439@columbia.edu Факультет международных и публичных дел; Колумбийский университет, NY 10027, г. Нью-Йорк, 116-я улица, Бродвей, Соединенные Штаты Америки	TUCEK F., Bachelor, ft2439@columbia.edu Columbia University, School of International and Public Affairs, 116th St. and Broadway, New York, NY 10027, United States of America
---	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕГО ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Реферат. Предпринята попытка осмысления собственных возможностей Евросоюза в обеспечении региональной безопасности. В современных условиях, характеризующихся беспрецедентным количеством международных и региональных (в том числе негосударственных) субъектов обеспечения безопасности, имеющих множественные задачи по отражению самых разнообразных угроз, эффективная политика европейской безопасности в XXI веке должна основываться на других принципах, нежели те, что существовали во время холодной войны. Изменение действительности влечет переосмысление архитектуры глобальной безопасности, что не может не сказываться и на таком ее сегменте, как региональная безопасность. Реальность показывает, что в сфере безопасности невоенные средства часто играют ключевую роль; их эффективное использование Евросоюзом создает универсальную платформу для сотрудничества. Кратко рассмотрен процесс евроинтеграции, на фоне которой исследована эволюция европейской безопасности, формирующейся от разрешения эпизодически возникающих вопросов до постоянного и самостоятельного направления политики Евросоюза, что стало особенно актуальным после холодной войны. Анализируется нормативная правовая основа (источники европейского права), в соответствии с которой возникла сеть учреждений, институтов и средств. Применительно к современным угрозам и вызовам им дана оценка, позволяющая говорить о Евросоюзе как о самостоятельном субъекте обеспечения европейской безопасности. Охарактеризованы конкретные мероприятия и действия, предпринятые в отношении выявленных угроз безопасности в Европе, показаны направления политики обеспечения внешней и внутренней безопасности Евросоюза. В завершение, с учетом рассмотренных нормативных, институциональных, инструментальных, коммуникативных и функциональных аспектов системы безопасности приводятся рекомендации по созданию и осуществлению эффективной стратегии противодействия вызовам и угрозам современности.

Ключевые слова: безопасность, Европейский Союз, кооперация, угрозы, терроризм

THE EUROPEAN UNION AND ITS SECURITY POLICY

Abstract. The text examines to what extent can the European Union (EU) be considered a security actor in the present security environment. Given the unprecedented number of relevant global and regional actors, together with the most eminent threats, agents and targets of which are often non-state entities, an effective security policy is inevitably build upon different characteristics than it used to be throughout the Cold war. Various non-military instruments often play a key role and the EU, well equipped with them, might provide the desired platform for cooperation. The article briefly discusses progress in European integration from its original, purely economic nature with, to initially hesitant but ever-deeper cooperation in security and defense matters, especially after the end of the Cold War. Consequently, the essay introduces normative background that allows the EU to play act in security policy issues. This normative background facilitated development of a network of institutions and instruments. They will be evaluated in context of the present-day security threats and challenges against which they should aim. Finally, focus is given to specific actions that the EU has taken in respect to the identified threats. In conclusion, a sober summary of activities of the EU in the realm of security and defense policy is offered and a few recommendations for a further effective development provided.

Keywords: security, European Union, threats, terrorism, cooperation

The European Coal and Steel Community (ECSC), established by the Treaty of Paris in 1951, marked a first step in modern European integration. Despite its original purpose throughout the period of the Cold War

– to maintain peace – “the Community remained largely untouched by [cooperation in] the security and defence policy” [1, p. 160]. The only credible Western platform for defence collaboration was the North Atlantic

Treaty Organization (NATO). After Germany and Italy joined NATO, all founding members of the EU were also members of NATO and therefore could easily work together on security and defence issues through a different (and thanks to presence of the United States) more influential platform than the EC.

The unwillingness of the Western Europeans to coordinate their defence and security policies outside of NATO in the decades after World War II is well reflected in their attitude towards the Western European Union (WEU). The signatories, UK, Belgium, France, Luxembourg, and the Netherlands, designed the body to coordinate their defence policies, but as soon as NATO emerged in 1949, the WEU was „kept relatively dormant“ [1, p. 5]. The project was then effectively reactivated only in 1984, at the end of the Cold War, by the Rome Declaration.

The international environment was transformed dramatically with the dissolution of the Soviet Union, which ceased to exist on December 31, 1991. The forming European Union reflected the changes in the international realities and development of a coordinated foreign and security policy stepped up on the agenda of Maastricht Treaty negotiators. Eventually, the Common Foreign and Security Policy (CFSP) formed a second (intergovernmental) pillar of the newly formed European Union. However, defense, not to mention security, was still defined vaguely in the Maastricht Treaty.

The Balkan wars fully exposed the lack of preparedness of the European Union to act with coordination in security policy matters. It was not until St. Malo that the EU would become a “credible security [and defense] actor”. The prolonged bloody conflict in the Balkans presented the most serious test for the early CFSP the war was in the eyes of many Europeans perceived as a collective failure.

Hence, in December 1998, the president of France, Jacques Chirac, and the prime minister of the United Kingdom, Tony Blair, agreed on the need to develop a European Security and Defence Policy. In their joint Saint-Malo declaration, the leaders stressed that “the EU must have the capacity for autonomous action, backed up by credible military forces”.

Amidst the prolonged Kosovo crisis, seeing the urgency for strengthening cooperation in the sphere of security and defence,

European leaders responded. The European Council meeting in Cologne in June 1999 launched the European Security and Defence Policy, renamed by the Lisbon Treaty to Common Foreign and Security Policy, as an integrated part of the CSDP [2, p. 555].

Since 1999, the EU has created a number of institutions and mechanisms to enable itself to act in accordance with the goals declared in Saint-Malo. The nature of the security environment has changed dramatically since the end of the Cold War, and some previously secondary threats became dominant after the terrorist attacks on the United States on September 11, 2001. In Europe, the risk of a conquering war has mitigated, and asymmetric, rather complex threats have emerged. Facing the security challenges they pose requires a comprehensive approach in terms of timing, resources, capabilities, command, and political will.

Asymmetric threats in the 21st century

The intertwined international environment, globalization, and technology proliferation have all contributed to the emergence of new, previously non-existent or marginal threats. The conventional concept of security, primarily restricted to (and directed at) military threats, has been reassessed dramatically in the years following the Cold War. States no longer constitute a sole object of security, as the concept has been progressively expanded to include new phenomena and new types of non-state actors [1, p. 11]. The network of interdependencies, caused by economic openness and pursuit of welfare maximization together with increased pressure on a democratic and equal approach, has weakened the state’s “gate-keeper” role [2, p. 28]. The resulting effect is that “more than ever threat to one is a threat to all”. Complex challenges to peace require concerted responses to which the EU has proven to be well suited.

Before examining its activities in more detail, the growing complexity and variable nature of threats requires their categorization. The following is a two-layer categorization by Barry Buzan [3]. In his three-sector division he distinguishes among three potential targets: individual, state, international system. Then he divides threats into five sectors: military, political, economic, societal, and environmental. This division has become a basic framework for a broad understanding of security and

Table

Agents and targets of threats to peace

Type of threat	Bearer	Target
Military	State	State, International System
Political	State, Non-State Entity, Individual	State, International System
Economic	State, Non-State Entity, Individual	State, International System, Individual
Societal	State, Non-State Entity	State, International System, Individual
Environmental	State, Non-State Entity	Individual ¹

Note: The threat should have the potential to directly endanger the very existence of the target

¹ Even though a state may be affected severely (the tsunami in Indonesia in 2004, or the destruction of the Fukushima nuclear plant by an earthquake in 2011), environmental problems can only extremely rarely, if at all, threaten the very existence of a functioning state.

has also been a starting point for contemporary security strategies. The table below outlines the connections between the three targets and the five-sectoral theory.

Of course the directions in a table are not absolute and in practice many different factors affect the quality (or existence) of peace. Moreover the threats are often combined or triggered by one another. Nevertheless the table provides a lucid overview of the sectorial theory that represents a basis for further categorization included in the National Security Strategy of the United States (2010), the European Security Strategy (2003) [6], NATO Strategic Concept (2010), and the United Nation's High-Level Panel on Threats, Challenges and Change (2004). These documents serve to list the most eminent current security threats; Inter-state conflict, failed states and lack of governance, terrorism, proliferation of conventional, biological, chemical, and nuclear weapons, transnational organized crime, threats to energy supply and critical infrastructure, cyber threats, environmental threats, economic threats and prosperity.

Normative Background of the CSDP

Key provisions of the legislative framework are to a large extent characterized by equivocal provisions. This is the reason of the desire of the EU member states to cooperate in the field of security and defense on one hand, and their unwillingness to give up too much sovereignty in this sensible matter on the other.

The ambiguity starts with the EU's full legal personality [4, Article V (47)]. Albeit explicit, the provision in practice has not led to a significantly enhanced status of the EU in international organizations; in the two vital security forums – the United Nations Security

Council (UNSC) and NATO – the EU has no formal participatory status [5, p. 11 and p. 37].

For the CSDP actions, the member states "shall provide the Union with an operational capacity drawing on civilian and military assets (...) for peace-keeping, conflict prevention and strengthening international security" [4, Title 42 (3)]. To be able to provide the Union with effective capabilities, the countries "shall undertake progressively to improve their military capabilities" [4, Title V, Article 42 (3)]. To identify operational requirements and to promote modernization, the EU even established a specific body: the European Defence Agency (EDA)*. This exhibition of deepening civilian and military cooperation should eventually lead to the "framing of common Union defence policy" [4, Title V (4)].

The prospect of a common defence policy seems extremely distant so far, due to national reluctance and the required unanimity. Since all decisions regarding the CSDP must be adopted by the European Council "acting unanimously on a proposal from the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy or an initiative from a Member State," [4, V, Article 42 (4)] the Commission thus remains largely apart from a practical CSDP dominated by member states. Furthermore, the national security and defence policies are explicitly protected by Declaration 13, amended to the TEU, which states that the establishment of the CSDP "do[es] not affect the responsibilities of the Member States, as they currently exist, for the formulation and conduct of their foreign policy nor of their national representation in third countries and international organizations" [4, Declaration 13].

* More on EDA can be found in later pages.

Even the Mutual Assistance Clause (MAC, by some interpreted as Mutual Defence Clause) does not effectively shake off the somewhat ambiguous language of the previously mentioned provisions. MAC binds all EU member states to provide "aid and assistance by all the means in their power, in accordance with Article 51* of the United Nations Charter [4, Title V (42)]" to any member state subjected to any form of armed aggression on its territory. In direct contrast to a similar provision in the WEU Brussels Treaty by which member states would offer "the Party so attacked all the military and other aid and assistance in their power," MAC completely omits the word military. MAC is thus a compromise to please all parties: those eager to have a defence commitment, those seeking to retain their neutrality, and those worrying about undermining the North Atlantic Treaty Organization (NATO).

The provisions above represent a key legal framework in which the EU realizes an actual security and defence policy.

Institutional Background

To overcome deeper organizational challenges, the EU has established a strong institutional background to CSDP. In 2000, the European Council in Feira formally approved the establishment of key decision-making structures: the Political and Security Committee (PSC), the EU Military Committee, and associated EU Military Staff. This has been a "remarkable [achievement] in a system where institutional change often proceeds at a glacial pace" [8, p. 199], and it demonstrates how serious the EU member states were about the future (military aspect) of security and defence cooperation. To provide support

to the member states' capabilities in development, research, and acquisition of armament capabilities and to promote the unity of their military requirements, the EU established a European Defence Agency – interestingly – in 2004, in parallel with the release of HHG 2010 and the establishment of the BGs concept. Further, the Lisbon Treaty introduced an institute of permanent structured cooperation that enables states that "fulfill the criteria and have made the commitments on military capabilities" [4, Title V (46)] to cooperate under the EU framework**.

CSDP Activities; Security Actorness in Practice

The scope of EU activities in the field of security policy is largely predetermined by two key documents, the European Security Strategy outlining threats, as mentioned previously, and the (extended) Petersberg Tasks. The Petersberg Tasks were initially incorporated into the Treaty of Amsterdam, signed in 1997 (effective in 1999), and included humanitarian and rescue tasks as well as combat forces for crisis management. The set of operations has been extended by the Lisbon Treaty to include "joint disarmament operations, humanitarian and rescue tasks, military advice and assistance tasks, conflict prevention and peace-keeping tasks, tasks of combat forces in crisis management, including peace-making and post-conflict stabilization. All these tasks may also contribute to the fight against terrorism, including by supporting third countries in combating terrorism in their territories" [4, Title V (43)].

Activities of the EU towards most of these threats are conducted largely or exclusively with non-military means. They aim to strengthen security by regional cooperation, by the promotion of human rights, democracy, and good governance, by the prevention of violent conflict, by battling organized crime and enhancing internal security, and by including cyber-security. The common denominator of these efforts is multilateralism, on which the eventual success of non-military (persuasive) actions is "increasingly dependent" [6, p. 9].

The non-military capacities often have a persuasive form (economic, political, diplomatic) and play a key role in assurance (post-conflict interventions) and prevention

* „Nothing in the present Charter shall impair the inherent right of individual or collective self-defence if an armed attack occurs against a Member of the United Nations, until the Security Council has taken measures necessary to maintain international peace and security. Measures taken by Members in the exercise of this right of self-defence shall be immediately reported to the Security Council and shall not in any way affect the authority and responsibility of the Security Council under the present Charter to take at any time such action as it deems necessary in order to maintain or restore international peace and security". Charter of the United Nations, Article 51, available at: <http://www.un.org/en/documents/charter/chapter7.shtml>

** Qualified majority voting is required, and in decisions regarding missions, unanimity.

(pre-conflict interventions), and partially also in protection (internal security). On the other hand, coercive military (and policing) capacities serve primarily for compellence (military intervention).^{*} The EU has largely moved beyond a compellence security policy into a sphere of laws, rules, and international cooperation, as effective security actorness in current environment requires [7, p. 60].

Counter-Terrorism

To become a credible actor in the fight against terrorism and transnational organized crime, the EU adopted a Counter Terrorism Strategy (CTS) in 2005^{**} that builds on the Hague Program from 2004. Its four pillars – prevention, protection, pursuing, responding – are based almost exclusively on non-military means.

The EU has acknowledged that the global fight against terrorism and organized crime must be built on effective multilateralism, cooperation with the UN, important intergovernmental organizations and key third states. The EU's added value to the (concerted) efforts should be strengthened national intelligence capabilities, facilitating sharing of best practices, increased police and judicial cooperation, and developing collective mechanisms such as Europol, Eurojust, and Frontex^{***}.

Significantly, as time passes and these instruments, although non-military, are adopted, the Union clearly comes to be perceived in international security relations as an influential actor capable of purposefully influencing the system.

To translate the strategy into reality, the EU has adopted a number of practical steps.

The Schengen Information System (SIS) facilitates information-sharing among

states, accompanied by Frontex, the Visa Information System, and (still not finalized) the European Program for Critical Infrastructure Protection, aiming at protecting EU borders and citizens. To pursue terrorists and criminals, the EU has established Europol and Eurojust, together with the European Arrest/Evidence Warrant and Financial Action Task Force. To ensure effective response capabilities, the EU agreed on an action plan and also on The European Civil Protection Mechanism [9].

Fight against Proliferation of WMDs

This effective multilateralism is also the cornerstone of the EU strategy against "potentially the greatest threat to EU security," the proliferation of weapons of mass destruction. The EU Strategy against Proliferation of WMDs (2003) makes commitment to multilateral safeguard agreements a top priority^{****}. Even before the Strategy was adopted, the EU had agreed during the 2002 World Economic Summit in Kananaskis with G8 countries on Common Partnership against WMD's proliferation. The initiative names destruction of chemical weapons, dismantling of decommissioned nuclear submarines, and disposal of fissile materials as top priorities^{*****}. The adherence to multilateralism is reflected in Article 16 of the Strategy, which sees the Non-Proliferation Treaty, the IAEA Safeguard agreements and protocols, the Convention on Chemical Weapons, the Biological and Toxic Weapons Convention, the Hague Code of Conduct Against Ballistic Missile, and the Comprehensive Test Ban Treaty as key pillars for action [10, p. 6]. To strengthen the normative non-proliferation system, regular dialogue with key partners – the USA, Russia, China, Japan – and also with non-NPT signatories India and Pakistan is necessary.

However, because of the gravity of the threat and the relative geographical proximity of the key regions – the Mediterranean area, the Middle East, and Southeast Asia – the EU acknowledges that "coercive [even military] measures under Chapter VII of the UN

^{*} James Sperling, „The Post-Westphalian State, National Security Cultures, and Global Security Governance“, in Sonia Lucarelli, Luke van Langenhove and Jan Wouters (eds), *The EU and Multilateral Security Governance* (Routledge, Oxon, 2014), p. 11, p. 35.

^{**} The Strategy was evaluated and revised in 2011 by EU Action Plan on combating terrorism.

^{***} Council of the European Union, „The European Union Counter-Terrorism Strategy“, (Brussels, November 2005), <http://register.consilium.eu.int/pdf/en/05/st14/st14469-re04.en05.pdf>, accessed March 2014

^{****} The Strategy names the most important multilateral agreements.

^{*****} European External Action, G8, G8 Global Partnership, European Union External Action website, http://eeas.europa.eu/non-proliferation-and-disarmament/g8-global-partnership/index_en.htm, accessed March 2014

Charter ...could be envisioned" [10, p. 3] if all diplomatic measures fail*.

The EU is thus not only a proactive security actor in the sphere of non-proliferation, it also has the potential to become a coercive actor (under the UNSC mandate), which gives it leverage in pursuing the aforementioned objectives. However, unified action is sometimes missing. While the EU has been very active in pressuring Iran to modify its nuclear program, it has been absent or ambiguous regarding North Korea or NPT non-signatory democratic partner India**.

Critical Infrastructure and Cyber-Security

The EU has also been more and more active in energy and critical-infrastructure protection. The "concerns(...) have increased"*** but even the evident security imperatives have not led to clear and coherent critical-infrastructure protection on the EU level****. The European Program for Critical Infrastructure Protection (EPCIP) from 2005, which sets out principles on protection and on post-disruption aid, is important but not sufficient as more powerful national economic or political interests often hinder greater cooperation. The six key energy and infrastructure security principles – efficient internal market, diversification of energy mix, solidarity, sustainable development, innovation, and concerted external policy – have been so far achieved with only mixed success*****.

In terms of cyber security, the approach built on Strategy for Secure Informa-

tion Society (2006) was reinforced in 2013 by the Cyber Security Strategy of the European Union. As economy, transport, financial systems, administration, and other sectors become more reliant on cyber technologies, the EU has decided to tackle the challenge by "promoting freedom online" and by "setting out actions for effective protection [14, p. 3]". The EU security actorness has a strong internal dimension that should be reinforced by the eventual adoption of a Draft Internal Security Strategy and through the work of the Lisbon-Treaty-created Standing Committee on Operational Cooperation on Internal Security [11, p. 13].

The non-military EU security actorness toward assurance, prevention, and protection therefore includes a significant scope of activities. However unfinished the process is, the EU has already developed a significant non-military security presence.

Military Dimension

Soon after the Amsterdam Treaty included the Petersberg Tasks in the EU in 1999, the need to introduce a concrete military cooperation became evident. The previous table 2 shows that without a credible military force to back up its non-military action, the EU could not be a security actor, as its role would be limited solely to declarations full of "strong nouns, weak verbs," as Desmond Dinan quotes Ch. Patten [2, p. 563]. Despite the undisputable institutional progress, the differences between member states' approaches to military cause that the non-military dimension still significantly dominates.

The European Council summit in Helsinki in December 1999 set a specific target (the so-called Helsinki Headline Goal 2003, or HHG) that member states should be able to voluntarily deploy within 60 days forces capable of a full range of Petersberg Tasks***** (European Rapid Reaction Forces – ERRF). The ERRF concept was reinforced by the European Capability Action Plan (ECAP), approved by the Laeken European Council. The ECAP called for further development of national (mutually interoperable) communication, intelligence, logistics, training, research,

* For example, the EU is very active in imposing UN- and US-led sanctions against Iran.

** Álvaro de Vasconcelos (ed.), „The European Security Strategy 2003 – 2008, Building on Common Interests“, European Union Institute for Security Studies, 2009, p. 30, http://www.iss.europa.eu/uploads/media/ISS_Report_05.pdf, accessed March 2014

*** Report on the Implementation of the European Security Strategy – Providing Security in a Changing World, (Brussels, December 2008), p. 5, http://consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/104630.pdf, accessed March 2014

**** Richard Youngs. *Energy Security, Europe's New Foreign Policy Challenge* (Routledge, Oxon, 2009), p. 20

***** Tomáš Karásek, „Energy Policy, Eastern Enlargement and the Concept of Securitization“, in Tomáš Karásek (ed.) *European Union in a New Security Environment* (Matfyz Press, Prague, 2008), p. 116

***** In numbers: up to 15 brigades consisting of 50 000 to 60 000 persons, available for a crisis area up to 2,500 miles and sustainable for up to one year.

and industrial cooperation*. However, the final Declaration from the same summit explicitly stated that all the aforementioned efforts “do not imply the creation of European Army,” again, typical for the inherited CSDP ambiguity.

To further strengthen the forming EU security actorness, the Copenhagen European Council in March 2003 agreed on the Berlin Plus Agreement, which enabled planning and sharing of operational capabilities with NATO. Moreover, as the HHG 2003 was achieved, the Brussels European Council in 2004 agreed on HHG 2010, corresponding to extended Petersberg Tasks and to the ESS.

Building Interoperable Capacities

To be able to cover a relatively large scope of tasks assigned by the Petersberg Tasks and by the ESS, HHG 2010 acknowledges that the EU “must retain ability to conduct concurrent operations simultaneously”. To achieve that, individual national capacities must be increasingly interoperable, deployable in distant theatres, which can be, according to the document, best achieved by increased pooling and sharing. The Capability Development Mechanism should ensure that the capabilities are enhanced in coordination with NATO in order to fully exploit the potential of the Berlin Plus.

Furthermore, the member states have agreed in HHG 2010 to form EU Battlegroups (BGs)**, 1500-man-strong units capable of rapid response within 10 days after decision. The BGs became fully operational, with a command center and strategic equipment, by 2007. However, to date, they have not been used in a conflict and thus questions are being asked about their future. Nevertheless, the BG concept is at least symbolically (and potentially practically) a vital part of the military dimension of EU security actorness. At the same time, the BGs speak volumes about how the military aspect of the CSDP is complicated.

The clearly demonstrated willingness of EU member states to seek closer defence

cooperation [12, p. 6], the BGs have so far “substantially supported the transformation of the [national] armed forces and intensified national defence reform process [12, p. 7]”. However, the pace and scope of transformation are smaller than initially expected (partially due to economic slowdown). On one hand, the fact that member states are able to provide interoperable equipment and logistics, deployable from bases in home states within 10 days, is an extraordinary achievement. The initially preferred 2 + 1 formula has been largely put aside as individual BGs become more numerous. Joint strategic planning has led to convergence of national practices. Several long-term collaboration programs have already started; Nordic (Sweden, Finland, Estonia, Ireland, and Norway), Weimar (Poland, Germany, and France), and Visegrad (Poland, Czech Republic, Slovakia, and Hungary) BGs have become an established platform and have the potential to go further.

On the other hand, concrete obstacles make it impossible to test the cooperation in action.

First, the decision-making procedure requires a unanimous vote in the Council of the EU (with the possibility of constructive abstention). Simultaneously, member states must agree with the deployment of armed forces according to their national procedures. Moreover, the member states that participate in a BG must bear the costs of a mission, while the EU covers only so-called “common costs” such as OHQ or extend troop transport (under the Athena mechanism***). Self-centered political and economic interests may thus remain in the way of sending troops to what may be distant places to prevent escalation of conflict, to stop violence, or to bridge various UN missions.

Second, the so-called framework nation has the responsibility for ensuring the operational readiness of their navy, air force, and army components, including an operational headquarters (OHQ). But thus far, only five EU states can provide the OHQ: Germany, France, the UK, Italy, and Greece. If none of these states participates in a given BG and is not willing to provide its OHQ, the EU must

* European Council, „Statement on Improving European Military Capabilities” (Brussels, November 2001), p. 3, <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/European%20Capability%20Action%20Plan%20-%20Excerpt%20Press%20Release%20November%202001.pdf>, accessed March 2014

** Denmark and Malta remained outside of the concept.

*** The „common costs” funded through Athena Mechanism include: The “common costs” related to the operational headquarters, local administration, transportation within the Operational Headquarters (OHQ) area, and lodging infrastructures.

use the permanent OHQ in Brussels, operational since 2007. However, the Brussels OHQ is limited in terms of political and strategic capabilities [12]. So even though a BG may be highly capable in terms of equipment, it might struggle with an insufficient command structure.

Conclusion

For decades, the EC and then the EU have resisted the temptation to become a security actor. Today, the formalized Common Security and Defence Policy with its wide range of instruments and a solid institutional base, have enabled the Union to play a security role. No matter whether the EU's security actorness is viewed from a broader perspective (including prevention, development, assistance, dialogue, etc.) or from a narrower one (the task is simply to make a difference in the international security environment), the tide of globalization and EU internal development has swept the Union into becoming a security actor [13, p. 22]. However, in order to develop a truly sustainable, coherent global security presence, the EU must overcome existing conceptual, organizational, and capability issues [13, p. 15].

The Common Foreign and Security Policy, established by the Maastricht Treaty to form the second – intergovernmental – pillar of the EU, replaced and broadened European Political Cooperation. However, the security aspect remained largely unrealized, as institutions, capabilities, and political will were lacking. The military and defence cooperation at the time was thus largely focused within the Western European Union.

Through the 1990's the EU witnessed at its periphery instability and perpetual conflict. The Union's inability to take decisive action to meet security challenges in Maghreb, Kosovo, the Caucasus, or the Baltic has forced the EU leaders to rethink the CSFP. The 1998 St. Malo Declaration has meant a turning point toward true EU cooperation in security and defence. The Petersberg Tasks were incorporated into the Amsterdam Treaty; the Western European Union ceased to exist in 1999 and its structures have become an integral part of

the European Union. Moreover, during a summit in Cologne in June 1999, European leaders agreed to launch the European Security and Defence Policy as a part of the CSFP. To support the finally-emerging security policy ambitions institutionally, the Feira European Council in 2000 formally established key institutions: PSC, EMC, and EUMS.

To further strengthen its security position, the EU agreed in 2003 on capability-sharing with NATO under the Berlin Plus Arrangement. Simultaneously, in the European Security Strategy from December 2003, the EU members agreed on what they perceive as common security threats and on principles that should frame the efforts to mitigate them. The ESS was followed by a Counter-Terrorism Strategy, the Strategy against Proliferation of Weapons of Mass Destruction, the Cyber-Security Strategy, and more. The military aspect of EU security actorness was reinforced by Headline Goals 2010 and by the establishment of EDA, both of which have focused on facilitating the transformation of national military capabilities. The EU itself agreed in 2004 on the concept of multinational Battlegroups, fully operational since 2007. The BGs and the increasingly interoperable national armed forces should be able to cover the whole spectrum of missions as defined in the Extended Petersberg Tasks. The Lisbon Treaty incorporated the EPTs into the TEU, replaced the prefix European for Common to create the CSDP, and introduced the Mutual Assistance Clause and the PSCOop institute.

Through these documents, the EU has managed to agree on security priorities and to gradually build common mechanisms to tackle them. However, in practice the actions, above all in the military sphere, have been often hampered by political differences and economic difficulties. The uncertainty and ambiguities about what the EU security and defence role really should be still prevails among member states. In effect, despite the considerable material and institutional capacities, the EU is still searching for a more forceful and decisive security role [2, p. 530].

References

1. Jolyon Howorth. Security and Defence Policy in the European Union (Palgrave Mcmillan, New York, 2007).
2. Desmond Dinan. Ever Closer Union, An Introduction to European Integration (Palgrave Mcmillan, The United States of America, 2010).
3. Barry Buzan. People States and Fear (Wheatsheaf Books Ltd., Great Britain, 1983).

4. The Treaty on The European Union, Title V, Article 47 (March 30, 2010), <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2010:083:0013:0046:en:PDF>, accessed March 2014.
5. Jan Wouters, Stephanie Bijlmakers, Katrien Meuwissen, „The EU as a Multilateral Security Actor after Lisbon“, in Sonia Lucarelli, Luke van Langenhove and Jan Wouters (eds), *The EU and Multilateral Security Governance* (Routledge, Oxon, 2014).
6. European Council, „A Secure Europe in a Better World, European Security Strategy“ (Brussels, December 12, 2003), p. 9, <http://consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/78367.pdf>, accessed February 2014.
7. John McCormick. *The European Superpower* (Palgrave Mcmillan, New York, 2007), p. 60.
8. Charlotte Bretherton, John Vogler. *The European Union as a Global Actor*, second edition (Routledge, New York, 2006).
9. The European Union, „Counter-Terrorism Strategy“, The European Union official website, http://europa.eu/legislation_summaries/justice_freedom_security/fight_against_terrorism/l33275_en.htm, accessed February 2014.
10. Council of the European Union, „EU Strategy Against Proliferation of Weapons of Mass Destruction“, (Brussels, December 2003), p. 6, http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2004/august/tradoc_118532.en03.pdf, accessed March 2014.
11. Council of the European Union, „Draft Internal Security Strategy for the European Union: «Towards a European Security Model»“ (Brussels, February 2010), p. 13.
12. Claudia Major, Christian Molling, „EU Battlegroups: What Contribution to European Defence?“, German Institute for International and Security Affairs, 2011, http://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2011_RP08_mjr_mlg_ks.pdf, accessed March 2013.
13. Centre for European Security and Defence Management „Problem Space Report: EU as a Global Actor Based on Wider Petersberg Tasks“ (Focus, January 2012), <http://www.focusproject.eu/documents/14976/0a29bb72-f73b-4417-8834-2199e0151544>, accessed March 2013.
14. European Commission, „Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyber-space“ (Brussels, February 2014), http://eeas.europa.eu/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf, accessed March 2014.

Раздел 10. Кадровое и морально-психологическое обеспечение деятельности правоохранительных органов

ВОЗЖЕНИКОВА О.С., кандидат психологических наук, доцент, vozzhenikova12@mail.ru Кафедра кадрового, морально-психологического и информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	VOZZHENIKOVA O.S., Candidate of Psychological Sciences, associate professor, vozzhenikova12@mail.ru Chair of personnel, psychological and information support of the activities of Internal Affairs agencies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
--	---

ПЕТРОВА А.С., кандидат педагогических наук, доцент, Allaveta@yandex.ru Кафедра кадрового, морально-психологического и информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел; Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 625049, г. Тюмень, Амурская, 75	PETROVA A.S., Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, Allaveta@yandex.ru Chair of personnel, psychological and information support of the activities of Internal Affairs agencies; Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049, Russian Federation
---	--

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Реферат. Обосновывается актуальность проблемы изучения управленческой деятельности руководителя в науке и практике управления. Аргументируется, что политические, экономические и социально-психологические особенности современного общества предъявляют к руководителям новые требования по выбору оптимальных стилей руководства во всей социальной сфере, в том числе в системе МВД России. Управленческая компетентность предполагает наличие у руководителя специальных черт характера, личностных качеств, знаний и умений в области теории и практики управления при наличии официального круга полномочий. Рассматривается собирательная характеристика личности руководителя органов внутренних дел, с выделением групп профессионально важных качеств: нравственно-ценностная ориентация личности руководителя и ее мотивация; познавательные-прогностические качества; эмоционально-волевые качества; коммуникативные качества; организаторские качества. Выявлено, что в практике служебной деятельности руководителей органов внутренних дел различных уровней необходимы специальные навыки, обусловленные: действиями в экстремальных условиях; решением конфликтов между подчиненными; деловым взаимодействием по решению хозяйственно-экономических вопросов и вопросов взаимодействия с другими ведомствами и организациями; действиями в других ситуациях оперативно-служебной деятельности. На основе теоретических и эмпирических исследований предложены составляющие управленческой компетентности руководителя: 1) личностная, включающая профессиональную направленность личности, харизматичность, интеллектуальную лабильность, коммуникабельность, эмоционально-волевую устойчивость и др.; 2) теоретико-методологическая, базирующаяся на знании нормативно-правовой базы, стратегиях и тактиках переговорного процесса, знании психологии человека и особенностей поведения в стрессовых ситуациях; 3) практическая, проявляющаяся в использовании своей компетенции (официального круга полномочий); различных стилей и методов управления.

Конечным результатом управления в системе органов внутренних дел является выработка управленческих решений, направленных на достижение поставленной цели, и эта цель должна быть успешно достигнута при использовании оптимальных принципов и методов управления ресурсами организации.

Ключевые слова: личность, руководитель, профессиональная деятельность, коллектив, управление, личностные качества.

PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF DEVELOPING MANAGEMENT COMPETENCE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES' HEADS

Abstract. The problem of studying leader's management activity in science and practice of managing is regarded as topical. The political, economic and socio-psychological characteristics of modern society are proved to make new demands on the choice of optimal leadership styles in entire social sphere, including law enforcement activity. Management competence means that a leader having official terms of reference must possess special character traits, personal qualities, skills and knowledge in science and practice of managing. The generalized characteristic of law enforcement head's personality is considered. Some groups of essential qualities are distinguished: personality's moral and value orientation and motivation; cognitive and prognostic, emotional and volitional qualities; communication and managerial skills. Law enforcement heads of different levels must demonstrate special skills when acting in extreme conditions, solving conflicts between employees, cooperating with other departments and agencies to decide economic issues, acting in other official situations. According to theoretical and empirical researches some components of law enforcement head's management competence are proposed: 1) personality component, which comprises professional orientation, charisma, intellectual lability, sociability, emotional and volitional stability, etc.; 2) theoretical and methodological component implying knowledge of regulatory and legal basis, negotiation strategies and tactics, psychology and stress behavior; 3) practical component implying the use of competence, different leadership styles and models. The final result of law enforcement agencies' management is working out of managerial decisions aimed at goal achievement. This goal must be attained by using optimal management principles and methods.

Keywords: personality, head, professional activity, collective, management, personal qualities..

Проблема изучения управленческой деятельности руководителя в науке и практике управления в настоящий момент является чрезвычайно актуальной, поскольку политические, экономические и социально-психологические особенности современного общества предъявляют к руководителям новые требования по выбору ими оптимальных стилей руководства во всей социальной сфере, в том числе в системе МВД России.

По мнению специалистов, одна из причин дефицита управленческих кадров в органах внутренних дел связана с негативными общественными тенденциями: падением авторитета правоохранительных органов; коррумпированностью всех эшелонов власти; подменой нравственных ценностей и социальной нестабильностью. Все перечисленное неблагоприятно сказывается на формировании института управления, воспитании новых специалистов-управленцев, менеджеров высшего звена, сохранении традиций и в целом на разви-

тии и совершенствовании управленческой компетентности руководителей органов внутренних дел.

Анализ профессиональной деятельности руководителей органов внутренних дел позволяет констатировать, что на сегодняшний день усилены требования к личностным и профессиональным качествам руководителя.

Стихийно приобретенный руководителями опыт управленческой деятельности не всегда обеспечивает успешное руководство коллективами органов внутренних дел. В настоящее время очень важно кардинально улучшить систему подготовки кадров руководящего звена, разработку и внедрение в учебный процесс современных технологий профессионально-психологической подготовки руководителей, способных творчески решать задачи борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка.

Рассматривая исторические предпосылки возникновения управления как

науки и теоретические основы развития управленческой компетентности руководителя, необходимо учитывать существующий мировой опыт успешного проведения реформ в системе государственного управления, опирающийся на национально-исторические традиции. Вместе с тем в России сложилась собственная управленческая система с присущими ей позитивными и негативными аспектами.

Само понятие «управленческая компетентность» предполагает наличие у руководителя специальных черт характера, личностных качеств, знаний и умений в области теории и практики управления при наличии официального круга полномочий.

Базой для изучения структурных компонентов управленческой компетентности явились научные разработки по теории социального управления, имеющие давнюю историю, соотносимую с этапами развития общества. Она неразрывно связана с теорией и практикой управленческой деятельности. При этом можно выделить различные школы и теории, их взаимосвязь и взаимодействие с другими научными дисциплинами.

По мнению отечественного ученого В.П. Сальникова, теория социального управления в разное время по-разному определяла содержание основного понятия «управление в социальной сфере» [1, с. 4]. Чаще всего под управлением многие ученые понимали процесс обеспечения жизнедеятельности и развития систем в сфере социальных отношений (государственного, коммерческого, общественного управления). В отдельных случаях под управлением подразумевалось особого рода искусство достигать желаемого результата за счет других людей, при этом деятельность руководителя-лидера рассматривалась с позиции его личных качеств.

В начале XX века ученые понимали под управлением умение правильно определять, формулировать и анализировать проблемы, разрабатывать программы, ставить конкретные задачи, принимать правильные решения. Позже, с развитием кибернетики и коммуникационных систем, под управлением стали понимать целенаправленное информационное воздействие одной системы на другую с целью изменения ее поведения в определенном

направлении. В обоих случаях присутствует понятие некоторого действия, деятельности, процесса.

В современных исследованиях, с точки зрения В.П. Сальникова, под управлением стали понимать термин, который соединяет в себе несколько компонентов:

- сложный процесс, в ходе которого профессионально подготовленные специалисты формируют организации, управляют ими для решения конкретных задач;

- специфические виды (функции) управленческой деятельности, осуществляя которые руководители либо специалисты по управлению (менеджеры) обеспечивают условия для производительного труда;

- искусство «подчинения себе обстоятельств», овладевая которым специалист управления всегда точно знает, что предстоит делать и как этого добиться наилучшим образом;

- аппарат управления как категория работников любой организации; задача аппарата управления – координация имеющихся ресурсов организации [1, с. 8].

В 1980-е гг. и в первой половине 1990-х гг. у отечественных юридических психологов (Л.Б. Филонов, Т.Ю. Базаров, В.М. Веселов, А.В. Пищелко, И.В. Носков, В.М. Поздняков, А.Н. Сухов, М.Г. Дебольский, В.С. Красник, И.Б. Пономарев, В.П. Трубочкин) сформировалась своя концепция по совершенствованию у различных категорий сотрудников правоохранительных органов знаний, умений и навыков профессионально-делового общения [2, с. 3].

Венгерский специалист Я. Нергеш в качестве важнейших черт руководителя называет наличие сильного характера, решительности, целеустремленности, готовности к принятию решения, честности и добросовестности [3, с. 24].

Среди значимых психолого-акмеологических факторов исследователи выделяют те, которые реально влияют на продуктивность деятельности руководителей ОВД: профессиональная компетентность; опыт и профессиональные умения; личностно-деловые, профессионально важные качества; потенциал личности; особенности мотивации деятельности [4, с. 35].

На наш взгляд, в отечественных исследованиях более удачно сформулирована характеристика личности руководителя

органов внутренних дел с выделением следующих групп профессионально важных качеств:

- нравственно-ценностная ориентация личности руководителя и ее мотивация (характеризуют источник активности и побуждений индивида, причины и механизмы целенаправленного поведения, базирующиеся на системе ценностных ориентаций личности);

- познавательные-прогностические качества (представлены системой познавательных способностей индивида, а также общими умственными способностями, предназначены для обобщения поведенческих характеристик, связанных с успешным выполнением управленческих функций);

- эмоционально-волевые качества (базируются на свойствах человека, характеризующих содержание, качество и динамику его эмоций, чувств, а также волевой активности);

- коммуникативные качества (обусловлены необходимостью осуществления управленческих функций с учетом обратной связи посредством коммуникации);

- организаторские качества (отражают важнейшую профессиональную сторону деятельности руководителя — умение работать с коллективом при осуществлении им управленческих функций; наличие этой компоненты в структуре личности выступает своеобразной проекцией специфической деятельности руководителя органа внутренних дел).

В связи с этим представляется необходимым рассмотреть, исходя из специфики профессиональной деятельности, суть и структуру управленческой компетентности руководителя органа внутренних дел.

Эмпирическое исследование, участниками которого стали 27 руководителей Управления Министерства внутренних дел РФ по городу Тюмени, показало уровень развития у данной категории лиц управленческой компетентности, а также позволило наметить возможные пути ее совершенствования.

По результатам исследования выявлено, что в практике служебной деятельности руководителей органов внутренних дел различного управленческого уровня существует потребность в следующих специальных управленческих навыках: а) действия в экстремальных условиях (от-

метили 50 % респондентов); б) решение конфликтов между подчиненными (отметили 65 % респондентов); в) деловое взаимодействие по решению хозяйственно-экономических вопросов и вопросы взаимодействия с другими ведомствами и организациями (отметили 55 % респондентов); г) действия в других ситуациях оперативно-служебной деятельности (отметили 15 % респондентов).

Выявлено, что когда руководитель использует переговоры как один из методов управленческой деятельности, то чаще всего он сталкивается с трудностями, связанными:

- с нехваткой специальных знаний по стратегиям и тактикам переговорного процесса (отметили 55 % респондентов);

- отсутствием умений устанавливать психологический контакт, создавать атмосферу доверия (отметили 65 % респондентов).

Участники опроса считают, что руководителю должны быть присущи такие личностные качества, как коммуникабельность, интеллектуальная лабильность, эмоциональная устойчивость, выносливость.

В процессе исследования было определено, что у руководителей существует потребность в целенаправленном развитии управленческой компетентности (отметили 70 % респондентов).

При изучении вопроса о том, где руководители органов внутренних дел могут развивать управленческую компетентность, анкетирование показало, что оптимальное ее развитие происходит: во-первых, через личный опыт (так считают 71,1 % респондентов); во-вторых, в рамках служебной подготовки (65,8 % респондентов); в-третьих, в вузах системы МВД России (63,2 % респондентов); в-четвертых, на курсах переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров (60,5 % респондентов) и, в-пятых, через самообразование (23,7 % респондентов).

Анализ результатов анкетирования руководителей органов внутренних дел, направленного на выявление наиболее эффективных форм и методов развития и совершенствования управленческой компетентности, позволил выявить следующие приоритетные методы*:

* Результаты представлены в баллах по 10-балльной шкале.

- комплексные учения в полевых условиях — 8,9;
- анализ практических ситуаций — 8,6;
- деловые игры — 8,4;
- видеотренинг — 8,1;
- эмоционально-волевая тренировка — 7,9;
- командно-штабные учения в учебных центрах — 7,7;
- консультирование специалистов — 6,9;
- семинары — 6,8;
- лекции — 5,0;
- самообразование — 4,6.

Таким образом, мы видим, что для развития управленческой компетентности у руководителей органов внутренних дел существует достаточное количество форм и методов обучения; в числе наиболее приоритетных выступают учения в полевых условиях, разбор практических ситуаций и тренинги.

Исследование выявило, что целенаправленную подготовку к управленческой деятельности получило лишь незначительное количество респондентов. Так, специальную подготовку к управленческой деятельности в вузах МВД России прошли 13,4 % респондентов, в институтах повышения квалификации — 7,1 %. Кроме того, занятия в рамках служебной подготовки назвали 7,1 % респондентов, личный опыт — 9,7 %, самообразование — 51 %.

Теоретические и эмпирические исследования позволили сделать вывод по базовым составляющим управленческой компетентности руководителя, состоящей из трех групп потенциалов:

1) личностного, включающего такие личностные характеристики, как профессиональная направленность личности, харизматичность, интеллектуальная лабильность, коммуникабельность, эмоционально-волевая устойчивость и др.;

2) теоретико-методологического, основывающегося на знании нормативно-правовой базы, стратегиях и тактиках переговорного процесса; знании психологии человека и особенностей поведения в стрессовых ситуациях;

3) практического, проявляющегося в использовании своей компетенции — официального круга полномочий; различных стилей и методов управления.

На основе вышеизложенного в качестве эксперимента по развитию и совершенствованию управленческой компетентности руководителя органа внутренних дел можно использовать программу психотренинга, основанную на научных принципах психологии, теории управления и прикладных знаниях по организации и использованию подобных форм обучения.

Для достижения целей психотренинга по развитию и совершенствованию управленческой компетентности необходимо создать условия для формирования группы эффективных управленцев с соблюдением принципов организации групповой работы, к которым относятся:

– принцип активности участников. В ходе занятий участники тренинга постоянно вовлекаются в различные действия: обсуждение и проигрывание смоделированных ситуаций, предложенных самими участниками; наблюдение по заданным критериям за поведением участников в сюжетно-ролевых играх; выполнение специальных упражнений; разбор управленческих и оперативно-служебных ситуаций в деятельности руководителя органа внутренних дел;

– принцип исследовательской позиции. В ходе работы в группе создаются такие ситуации, когда участникам тренинга нужно самим найти решение проблемы, самостоятельно сформулировав уже известные психологической науке закономерности в построении процесса управления и выборе оптимальной стратегии и тактики в конкретной управленческой ситуации органа внутренних дел;

– принцип объективации поведения. В начале занятий поведение участников группы переводится с импульсивного на объективированный уровень и поддерживается на этом уровне. Важное средство объективации поведения, используемое во всех видах тренинга, — это особым образом организованная обратная связь, эффективность которой существенно повышается при использовании видеозаписи;

– принцип партнерского общения. Предполагает признание ценности другой личности, ее мнений, интересов, а также принятие решения, в частности, с максимально возможным учетом интересов всех участников переговорного процесса, а не

достижение одной из сторон своих целей за счет интересов другой.

При проведении тренинга необходимо учитывать общие принципы тренинговой формы обучения, которые при разработке программы развития и совершенствования управленческой компетентности руководителя могут опираться на принципы социально-психологического тренинга и тренинга делового общения [5, с. 5].

В основу программы тренинга могут быть положены характерные для подобных форм обучения принципы: 1) кратковременность существования (3-5 дней, как оптимальный вариант совершенствования управленческой компетентности); 2) климат взаимного доверия, стимулирующий участников на установление межличностных отношений, помогающих пониманию происходящих в группе процессов. Создание климата доверия обеспечивает успешность развития и совершенствования управленческой компетентности у участников тренинга и оптимизирует групповые формы работы.

Основной задачей тренинга совершенствования управленческой компетентности должна быть актуализация у его участников трех групп потенциалов: личностного; теоретико-методологического и практического. В соответствии с этим в групповой работе необходимо отрабатывать: 1) адекватную направленность и стилевые особенности ведения переговоров за счет выработки у руководителя соответствующих ценностно-смысловых ориентиров и мотивации, когнитивно-прогностических, коммуникативных и организаторских способностей, позволяющих реализовывать в управленческой деятельности такие основные задачи, как контрольная, познавательно-оценочная; коммуникативная и регулятивная; 2) оптимальное «репертуарно-ролевое» многообразие поведения в процессе управления, использование углубленных знаний о закономерностях, механизмах и трудностях профессионального общения; 3) использование «инструментальных» возможностей для успешной реализации управленческой деятельности за счет гибкого применения знаний, умений и навыков управленческой деятельности.

Главной установкой, обеспечивающей успешность управленческой деятель-

ности руководителя, должна быть готовность ориентироваться на служебно-оперативные задачи и исполнителей, с использованием всех необходимых знаний и умений в области управления, в том числе по принятию управленческих решений [6, с. 461]. В процессе тренинга обязательно должны проводиться групповые дискуссии и ролевые игры, в которых следует использовать ситуации, адекватные содержанию управленческой деятельности участников тренинга.

В разработке тренинга развития и совершенствования управленческой компетентности могут использоваться элементы психодрамы (социодрамы), т.е. импровизация по типу театральной постановки по сюжету истории, рассказываемой одним из участников группы, в то время как другие ее участники попеременно выступают в качестве актеров и зрителей с поочередной сменой ролей. В процессе тренинга ведущему необходимо также соблюдать и поддерживать принцип обратной связи: когда любая дискуссия заканчивается или выполняется упражнение, он должен интересоваться впечатлениями и чувствами его участников, при этом очень важно, чтобы каждый участник использовал принцип обратной связи.

На протяжении всех этапов психотренинга развития и совершенствования управленческой компетентности необходимо четко придерживаться его цели и планомерно двигаться к ней.

В ходе эмпирического исследования были выявлены детерминанты, влияющие на успех или неуспех в управленческой деятельности. Выявлено, что успешность реализации управленческой компетентности руководителя органов внутренних дел зависит от сформированности и актуализированности перечисленных выше потенциалов.

Работа по совершенствованию управленческой компетентности руководителя органа внутренних дел, на наш взгляд, представляет собой целый комплекс мероприятий и позволяет определить перспективные направления дальнейших научных исследований по разработке диагностического комплекса для экспресс-мониторинга устойчивости сформированных в процессе обучения компонентов управленческой компетентности руководителя: лич-

ностного, теоретико-методологического и практического; обобщению современного опыта подготовки управленческих кадров для правоохранительных органов; созданию учебно-методических практикумов и инструментария для специалистов, работающих с кадровым резервом и начинающими руководителями.

Конечным результатом управления в системе органов внутренних дел является выработка управленческих решений, направленных на достижение поставленной цели, и эта цель должна быть успешно достигнута при использовании оптимальных принципов и методов управления имеющимися ресурсами.

Список литературы

1. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Университет, 2006. 260 с.
2. Возженикова О.С. Психологическое совершенствование переговорной компетентности руководителей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. 24 с.
3. Нергеш Я. Поле битвы – стол переговоров. М., 1989. 219 с.
4. Морозов В.А. Социально-педагогические условия формирования эффективной профессиональной деятельности руководителей ОВД: монография. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2012. 86 с.
5. Петров В.Е. Практикум по психологическому тренингу: учеб.-метод. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. 201 с.
6. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: Юнити-Дана, 2002. 591 с.

References

1. *Osnovy upravleniya v organakh vnutrennikh del* [Management Fundamentals in the internal affairs bodies]. St. Petersburg University Publ., 2006. 260 p.
2. Vozhenikova O.S. *Psikhologicheskoe sovershenstvovanie peregovornoy kompetentnosti rukovoditeley organov vnutrennikh del. Avtoref. Cand. Diss.* [Psychological improvement negotiating competence of heads of internal affairs bodies: Autoabstract Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 24 p.
3. Nergesh Ya. *Pole bitvy – stol peregovorov* [Battlefield – the negotiating table]. Moscow, 1989. 219 p.
4. Morozov V.A. *Sotsial'no-pedagogicheskie usloviya formirovaniya effektivnoy professional'noy deyatel'nosti rukovoditeley OVD* [Socio-pedagogical conditions of formation of effective professional activity heads of the Interior]. Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2012. 86 p.
5. Petrov V.E. *Praktikum po psikhologicheskomu treningu* [Workshop on psychological training]. Domodedovo, VIPK of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 201 p.
6. Antsupov A.Ya., Shipilov A.I. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2002. 591 p.

Раздел 11. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ФАРБЕРОВА Л.И., farbliliy@gmail.com Кафедра уголовно-правовых дисциплин; Нижевартровский экономико-правовой институт (филиал) Тюменского государственного университета, 628602, г. Нижневартовск, Дружбы Народов, 13-А	FARBEROVA L.I., farbliliy@gmail.com Chair of criminal law disciplines; Nizhnevartovsk Economics and Law Institute (branch), Tyumen State University, Druzhby Narodov St. 13-A, Nizhnevartovsk, 628602, Russian Federation
---	--

НЕЗАКОННОЕ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Реферат. Рассматривается законодательное нововведение — установление в качестве предмета взятки имущественных прав (Федеральный закон от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ). На основе разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, позиций отечественных ученых-юристов определяются объем и содержание термина, введенного законодателем в оборот. Проводится соотношение данного понятия с уже известным уголовному законодательству понятием «право на чужое имущество», аргументируется вывод о том, что содержание последнего ограничено, во-первых, правомочиями на получение имущества в собственность, а во-вторых, объектом, которым являются только вещи. Доказывается, что «право на чужое имущество» не исчерпывает содержания понятия «имущественное право», которое по своему объему значительно шире. Междисциплинарный анализ явления привел автора к выводу о том, что категория «право на имущество» является сугубо уголовно-правовым конструктом, объединяющим различные правомочия лица, позволяющие ему вступить во владение, пользование и распоряжение чужим имуществом как своим собственным. Дается развернутая характеристика имущественного права как разновидности взятки, которое включает в себя: иные вещные права, за исключением права собственности, материализующегося в механизме взяточничества в виде денег, ценных бумаг и иного имущества; обязательственное право требования кредитора передачи имущества, выполнения работ или оказания услуг имущественного характера (например, уступка права требования, право авторов и изобретателей на вознаграждение, право на получение квартиры в порядке долевого участия в строительстве); иным образом юридически оформленную возможность приобрести право собственности на вещи (например, права наследника по завещанию); исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Ключевые слова: взятка, имущественное право, взяточничество, предмет взяточничества, право на имущество.

ILLEGAL GRANTING OF PROPERTY RIGHTS AS A SUBJECT OF BRIBERY

Abstract. The article reviews legislative innovation — establishing property rights as the subject of a bribe (Federal Law of the Russian Federation of May 4, 2011, No. 97). The author defines the scope of the term brought into use by the law-maker on the basis of explanations by the Plenum of the RF Supreme Court and the position of domestic legal scholars. He relates this definition with already known one in criminal law “right to another person’s property”. The content of the latter is limited firstly by faculty to obtain property into ownership, secondly by the things that are the object. “Right to another person’s property” does not cover the content of the term “property right”, which in its scope is much wider. “Right to property” category is a purely criminal law construction that unites various faculties of a person allowing him to possess, use and dispose of another person’s property as his own. The author gives the detailed characteristics of property right as a form of bribe, which includes: other property rights, except the right to property which in the mechanism of bribery is materialized in the form of money, funds and other property; creditor’s law of obligations to claim the transfer of property, execution of works or property-related services; otherwise legally performed possibility to

obtain property right to things; the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization.

Keywords: bribe, property rights, bribery, subject of bribery, right to property.

Федеральным законом от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ* впервые в отечественном уголовном законодательстве в качестве предмета взятки указаны имущественные права. Формулировка «незаконные оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав» заменила собой ранее имевшееся в законе понятие «выгоды имущественного характера», которое, как справедливо отмечается в научной литературе, было более универсальным. Первые комментарии этой законодательной новеллы в теории уголовного права были весьма противоречивыми.

По мнению О. Капинус, то, что Пленум Верховного Суда РФ называет выгодами имущественного характера (занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами), теперь охватывается таким видом взятки, как незаконное предоставление имущественных прав, если трактовать это понятие достаточно широко [1].

С этим вряд ли можно согласиться, потому что, во-первых, в этом случае выхолащивается понятие другой разновидности взятки — услуги имущественного характера, при том что «любые имущественные выгоды, в том числе освобождение от имущественных обязательств», с равным успехом можно охватить понятием имущественных прав; во-вторых, то, что в действительности является услугой имущественного характера (имущественная выгода в виде освобождения от имущественных затрат), скорее является не правом в его субъективном смысле, а освобождением от обязанностей. Следует отметить, что законодатель различает эти понятия (ч. 1 ст. 327 УК РФ).

* О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 4 мая 2011 г. N 97-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 19. Ст. 2714.

При обсуждении проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разработчики документа предлагали не обсуждать вопрос о содержании «иных имущественных прав» как разновидности предмета взятки, поскольку на практике этот вид взятки не встречается, а законодатель некритически заимствовал данный термин из Федерального закона «О противодействии коррупции» [2, с. 19]. Между тем ученые, принимавшие участие в обсуждении проекта, настаивали на разъяснении этого вопроса и предлагали различные формулировки взятки в виде незаконного предоставления иных имущественных прав.

Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, «имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.»**. Следовательно, имущественное право в трактовке Пленума Верховного Суда РФ — это право, имеющее денежное выражение, поскольку и право на имущество, и обязательственное право кредитора также имеют денежную форму своего выражения, определяемую стоимостью имущества, работ или услуг.

Для выяснения содержания «имущественного права» как разновидности взятки обратимся к другому созвучному понятию,

** О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. N 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. N 9. С. 4.

которое фигурирует в УК РФ в качестве признака некоторых составов преступлений (ст.ст. 159, 163, 170¹), — «право на чужое имущество». Более того, «право на чужое имущество» указано первым в числе имущественных прав, названных Пленумом Верховного Суда РФ в качестве предмета взятки. Последнее далеко не однозначно трактуется в теории уголовного права.

Например, И.А. Клепицкий выделяет три представленных в правоведении подхода к пониманию «приобретения права на имущество» при мошенничестве и вымогательстве: 1) самое широкое понимание связано с отождествлением понятия «право на имущество» с гражданско-правовым понятием «имущественное право»; 2) наиболее узкое понимание «права на имущество» охватывает право собственности на вещь, а также любое обязательственное право на получение вещи в фактическое владение (например, право требования к банку); соответственно «приобретение права на имущество» выражается в оформлении права собственности на вещь либо в приобретении любого другого права, позволяющего преступнику в будущем завладеть вещью; 3) третья концепция «права на имущество» охватывает всякое право на имущество в смысле вещи, включая как вещные, так и обязательственные права (например, право требования по договорам банковского вклада и счета, право арендатора и т.п.) [3, с. 12-15].

Опираясь на постулат, согласно которому все построения, направленные на то, чтобы уловить разницу между имуществом, правом на имущество и действиями имущественного характера, остаются довольно умозрительными до тех пор, пока они оторваны от гражданско-правовой «материи», и основываясь на делении всех экономических преступлений на вещные посягательства и посягательства «по обязательствам», удовлетворительную, по нашему мнению, концепцию «права на чужое имущество» в уголовном праве развил А.И. Бойцов [4, с. 58-64; 5, с. 44]. Исходя из того, что право собственности занимает центральное место в системе вещных прав, однако оно не исчерпывает всего их содержания, ибо вещные права на имущество могут принадлежать и лицам, не являющимся его собственниками, ученый связывает возможность соверше-

ния имущественных преступлений в такой их разновидности, как получение права на имущество, лишь с посягательством на ограниченные вещные права, круг которых в примерном виде очерчен ст. 216 ГК РФ (право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты, право хозяйственного ведения имуществом и право оперативного управления имуществом).

По мнению А.И. Бойцова, «в тех случаях, когда похититель ставит себя на место собственника, претендуя на всю полноту его власти, он нарушает отношения собственности, безотносительно к тому, у кого он изымает имущество (у самого ли собственника или иного владеющего им лица), когда же лицо мошенническим или характерным для вымогательства образом ставит себя только на место субъекта ограниченного вещного права, не претендуя на ту меру власти, которую право закрепляет за собственником, отношения собственности ущерба не терпят, поскольку собственником данной вещи остается все тот же “маячивший за спиной” носитель ограниченного вещного права субъект, но отношения ограниченного вещного права, безусловно, от этого страдают. Поэтому в первом случае можно говорить об изъятии имущества из фонда собственника, т.е. о его похищении, предполагающем замену подлинного собственника псевдособственником и потому нарушающем отношения собственности, а во втором — только о приобретении виновным ограниченного вещного права на данное имущество, нарушающем вещные отношения в более широком смысле этого слова, но все же не затрагивающем статус собственника и не ставящем под сомнения отношения собственности как таковые» [4, с. 222]. На этом, как считает А.И. Бойцов, и основано все различие между понятиями «хищение чужого имущества» и «приобретение права на чужое имущество», что оправдывает наличие последней категории в составах мошенничества и вымогательства. По его словам, криминалистическое «приобретение права на чужое имущество» корреспондирует лишь с гражданско-правовым «правом на чужие вещи», каковыми по определению являются ограниченные вещные права [4, с. 232].

В итоге, выдвигая тезис о том, что «будучи производными от права собственности, права не собственников имущества в этом своем качестве должны быть защищены от уголовно противоправных деяний, совершаемых третьими лицами, точно так же, как права собственников», А.И. Бойцов выступает за необходимость более широкого взгляда на видовой объект предусмотренных главой 21 УК РФ посягательств, считая таковой политипным и выделяя в его рамках «две разновидности общественных отношений по владению, пользованию и распоряжению вещественными объектами: а) отношения собственности в их непосредственном понимании, возникающие между собственником имущества и не собственниками, обязанными воздерживаться от вмешательства в имущественную сферу собственника; б) иные вещные отношения, возникающие между лицом, не являющимся собственником, но имеющим ограниченные вещные права на данное имущество, и всеми иными лицами (кроме собственников), обязанными воздерживаться от нарушения имущественной сферы законного владельца уголовно запрещенными способами» [4, с. 64].

Описанная концепция, позволяющая преодолеть несогласованность гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты имущественных прав не собственника, не разделяется, однако, современным законодателем, поскольку, как верно отмечают Н.М. Кропачев и И.И. Николаева, при буквальном следовании положениям главы 21 УК РФ, мы вынуждены будем признать, что уголовно-правовой защите подлежит лишь право собственности на имущество, а о возможности существования иных вещных прав УК РФ умалчивает [6, с. 133].

Тот факт, что в понятии хищения, предусмотренном в примечании к ст. 158 УК РФ, имеется указание на причинение ущерба не только собственнику, но и иному владельцу этого имущества, вопреки мнению А.И. Бойцова, не дает основания квалифицировать как хищение посягательства на вещные права не собственника, имеющие своим объектом исключительно ограниченное вещное право и не затрагивающие права собственника. Хищение чужого имущества, оставаясь по своей природе посягательством против собственности, может причинять ущерб иному владельцу иму-

щества лишь при том условии, если оно нарушает отношение собственности, лишая собственника его правомочия распоряжаться принадлежащим ему имуществом, находящимся в законном владении другого лица, в том числе истребовать свое имущество из этого владения (как это имеет место при хищении вещей, находящихся во владении других лиц на праве хозяйственного ведения или оперативного управления) либо исключая возможность собственника вступить во владение юридически принадлежащим ему имуществом и реализовать иные свои права на него (как это имеет место при хищении наследственного имущества, еще не принятого наследниками, но в отношении которого нотариусом приняты меры к охране).

В противном случае самостоятельное основание уголовной ответственности за приобретение права на чужое имущество в ст. 159 и ст. 163 УК РФ было бы излишним, ибо такое посягательство на ограниченное вещное право в части мошеннического его приобретения охватывалось бы понятием хищения, а в части вымогательского захвата — понятием передачи чужого имущества.

Не признает самостоятельной уголовно-правовой охраны ограниченных вещных прав в рамках главы 21 УК РФ и современная российская судебная практика.

Так, например, «Симоновский межмуниципальный суд г. Москвы признал Махмудова виновным в том, что он путем мошенничества приобрел право на жилую площадь Авдеевых в г. Москве. При этом суд оставил без внимания то обстоятельство, что Авдеевы не являлись ни собственниками, ни владельцами квартиры, она находилась в ведении и в собственности департамента муниципального жилья правительства Москвы. Смена нанимателей квартиры не причинила ущерба собственнику имущества. Ответственность же за хищение, одним из видов которого является мошенничество, как известно, наступает только при причинении ущерба собственнику или владельцу имущества. Таким образом, между Махмудовым и Авдеевыми имелись гражданско-правовые отношения, регулируемые жилищным законодательством»*.

* Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовных дел в порядке надзора // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. N 11. С. 21.

Итак, ни законодатель, ни судебная практика не склонны искать содержание уголовно-правового понятия «право на чужое имущество» в гражданско-правовой концепции иных вещных прав, производных от права собственности. Напротив, Пленум Верховного Суда РФ связывает приобретение права на чужое имущество с правом собственности, о чем свидетельствует следующее его разъяснение: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу судебного решения, которым за лицом признается право на имущество, или со дня принятия иного правоустанавливающего решения уполномоченными органами власти или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом)»*.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что категория «право на имущество» является сугубо уголовно-правовым конструктом, объединяющим различные правомочия лица, позволяющие ему вступить во владение, пользование и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, что соответствует второй концепции «права на имущество», которую среди других выделил И.А. Клепицкий.

Право на чужое имущество может существовать не только в форме юридически засвидетельствованного права собственности (например, свидетельство о праве собственности на недвижимость), но и в форме иным образом юридически

оформленной возможности приобрести право собственности на вещи (например, право на наследство по завещанию), в том числе в форме права на получение имущества в собственность, вытекающего из обязательственных отношений — право требования кредитора передачи имущества (например, получение лицом прав кредитора на основании договора или судебного решения).

Таким образом, «право на чужое имущество», содержание которого ограничено, во-первых, правомочиями на получение имущества в собственность, а во-вторых, объектом, которым являются только вещи, не исчерпывает содержания понятия имущественного права, которое по своему объему значительно шире. Созвучие рассматриваемых понятий вовсе не означает их юридического тождества, учитывая, что первое из них (право на имущество) является продуктом уголовного правотворчества, тогда как второе (имущественное право) вышло из лона гражданского права. Очевидно, все то, что составляет понятие «право на чужое имущество», укладывается в понятие имущественных прав.

Однако имущественное право как предмет взяточничества, с одной стороны, не подразумевает юридически оформленного права собственности на имущество, ибо в таком случае предметом взятки должно считаться все-таки само имущество, но не право, а с другой стороны, включает имущественные правомочия, которые не могут быть отнесены к «праву на имущество». Например, к таким правомочиям Пленум Верховного Суда РФ отнес исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). В соответствии со ст. 1226 ГК РФ такое исключительное право является имущественным правом, которое состоит в том, что гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (право-обладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом (ст. 1229 ГК РФ). Правообладатель также может распоряжаться исключительным правом на результат

* О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2007 г. N 51 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. N 2. С. 5.

интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации.

В связи с этим для раскрытия содержания понятия «имущественное право», которым законодатель обозначает одну из разновидностей взятки, вновь требуется обращение к положениям гражданского права.

Понятие имущественного права охватывает собой обширную совокупность правомочий субъектов, которые вытекают из имущественно-стоимостных отношений, регулируемых гражданским правом. Используя известную классификацию имущественных правоотношений на вещные и обязательственные, можно заключить, что имущественное право может быть как вещным (обеспечивающим удовлетворение интересов управомоченного лица путем непосредственного воздействия на вещь, которая находится в сфере его хозяйственного господства), так и обязательственным правом (обеспечивающим удовлетворение интересов управомоченного лица за счет определенных действий обязанного лица по предоставлению управомоченному соответствующих материальных благ) [7, с. 88, 326]. К вещным правам относятся право собственности, а также вещные права лиц, не являющихся собственниками (ст. 216 ГК РФ), т.е. ограниченные вещные права. Имущественное право в обязательственном отношении предстает как право требования, т.е. правомочие кредитора требовать от должника совершения действий по предоставлению первому определенных материальных благ. В качестве материальных благ, имущественным правом требования которых наделяется кредитор, могут выступать имущество, результаты выполнения работ или оказания услуг имущественного характера.

Таким образом, под имущественным правом как разновидностью взятки следует понимать:

1) иные вещные права, за исключением права собственности, которое в механизме взяточничества материализуется в виде денег, ценных бумаг и иного имущества;

2) обязательственное право требования кредитора передачи имущества, выполнения работ или оказания услуг имущественного характера (например, уступка права требования, право авторов и изобретателей на вознаграждение, право на получение квартиры в порядке долевого участия в строительстве*);

3) иным образом юридически оформленную возможность приобрести право собственности на вещи (например, права наследника по завещанию);

4) исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Незаконность предоставления иных имущественных прав следует толковать в том же контексте, что и незаконное оказание услуг имущественного характера, т.е. предоставление должностному лицу таких прав вопреки запретам, предусмотренным законодательством о службе в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации (ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ст. 14 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации», Федеральный закон «О противодействии коррупции» и др.).

* Определение Верховного Суда РФ от 18 дек. 2006 г. N 12-о06-20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. N 2. С. 23-28.
2. Обсуждавшийся участниками конференции проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. 2013. N 5. С. 6-27.
3. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. N 12. С. 12-23.

4. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002. 775 с.
5. Хабаров А.В. Преступления против собственности: учеб. пособие. Тюмень, 1999. 89 с.
6. Кропачев Н.М., Николаева И.И. Уголовно-правовая защита имущественных прав несобственника // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1997. Сер. 6. Вып. 3 (N 20). С. 133-141.
7. Гражданское право: учебник. Ч. I. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. 632 с.

References

1. Kapinus O. *Izmeneniya v zakonodatel'stve o dolzhnostnykh prestupleniyakh: voprosy kvalifikatsii i osvobodzheniya vzyatkodatelya ot otvetstvennosti* [Changes in the legislation on malfeasance: qualification issues and release from liability of the briber]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2011, no. 2, pp. 23-28.
2. Obsuzhдавshiyся uchastnikami konferentsii proekt postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O sudebnoy praktike po delam o vzyatochnichestve, kommercheskom podkupe i inykh korruptsionnykh prestupleniyakh» [Conference participants discussed the draft decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the judicial practice in cases of bribery, commercial bribery and other corruption crimes»]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2013, no. 5, pp. 6-27.
3. Klepitskiy I.A. *Nedvizhimost' kak predmet khishcheniya i vymogatel'stva* [Property as a matter of theft and extortion]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law, 2000, no. 12, pp. 12-23.
4. Boytsov A.I. *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. St. Petersburg, 2002. 775 p.
5. Khabarov A.V. *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property]. Tyumen, 1999. 89 p.
6. Kropachev N.M., Nikolaeva I.I. *Ugolovno-pravovaya zashchita imushchestvennykh prav nesobstvennika* [Criminal-law protection of property rights-owner] *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta* – Vestnik St. Petersburg University, 1997, series 6, edition 3 (no. 20), pp. 133-141.
7. *Grazhdanskoe pravo. Chast' I* [Civil Law. Part 1]. Moscow, 1998. 632 p.

НИКИТЧЕНКО И.И.,
innanikitchenko@yandex.ru
Кафедра гражданского права и процесса;
Саранский кооперативный институт
(филиал) Российского университета
потребительской кооперации,
430027, Республика Мордовия,
г. Саранск, Транспортная, 17

NIKITCHENKO I.I.,
innanikitchenko@yandex.ru
Chair of civil law and procedure;
Saransk Cooperative Institute (branch)
of the Russian University
of Consumer Cooperation,
Transportnaya St. 17, Saransk, 430027,
Republic of Mordovia, Russian Federation

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДОПРОСОВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Реферат. Личные доказательства составляют неотъемлемую часть правосудия по уголовным делам. Без личных доказательств невозможно доказывание субъективной стороны преступлений. Личные доказательства играют важную роль при формировании внутреннего убеждения судьи. Правила, регулирующие формирование личного доказательства, в концентрированном виде выражают сущность доказательственного права и уголовного процесса. Действующее уголовно-процессуальное законодательство в части регулирования получения личных доказательств, показаний не вполне соответствует стандартам справедливого судебного разбирательства. В новом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации институт личных доказательств должен строиться на новой концептуальной основе, которую составляют принципы состязательности, непосредственности, устности судебного доказывания. Личное доказательство должно формироваться с участием обеих сторон непосредственно перед судьей в условиях состязательности. Использование письменных производных личных доказательств должно носить исключительный характер. Личное доказательство — это устное сообщение о доказываемом факте, переданное лицом непосредственно суду в ходе судебной процедуры. Условие непосредственного присутствия судьи в представлении, проверке и оценке личного доказательства является принципиальным. Участие судьи в доказывании сводится к проверке и оценке этого доказательства. Надо вводить в российское уголовное судопроизводство процедуру депонирования показаний. Необходимо закрепить в Уголовно-процессуальном кодексе РФ права обвиняемого на очную ставку с основными свидетелями обвинения и на их перекрестный допрос в суде. Важно повысить на законодательном уровне требования к допустимости представления личных доказательств, получаемых во время предварительного расследования. Нужна реформа предварительного расследования, чтобы уравнивать права сторон на формирование личных доказательств.

Ключевые слова: личное доказательство, показания, формирование доказательств, депонирование доказательств.

FORMING PERSONAL EVIDENCE DURING INVESTIGATIVE AND JUDICIAL INTERROGATIONS IN A CRIMINAL CASE

Abstract. Personal evidence is an integral part of criminal justice. It helps to prove mental element of crime and plays an important role in forming the judge's internal beliefs. The rules regulating forming of personal evidence express the essence of the law of evidence and criminal procedure. The existing criminal procedure legislation concerning the regulation of obtaining personal evidence and testimony doesn't fully meet with the standards of fair trial. In the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation the institute of personal evidence should be based on new conceptual principles of adversary, direct, oral legal evidence. Personal evidence should be formed involving both adversary parties directly in front of the judge. Use of written derivative personal evidence should be exceptional. Personal evidence is an oral statement to prove the fact, made by a person directly in court during judicial proceedings. A principle condition is the direct presence of judge in presentation, verification and assessment of personal evidence. Judge's participation in proving consists in verification and assessment of this evidence. The author proposes to introduce the procedure of evidence deposition to the Russian criminal proceedings. The author stresses the necessity to fix the defendant's right to confrontation with witnesses and their cross examination in court in the Criminal Procedure Code. It is important to

increase the requirements for the admissibility of personal evidence obtained during preliminary investigation at the legislative level. The author believes that the preliminary investigation reform is necessary to equalize the parties' rights to form personal evidence.

Keywords: personal evidence, testimony, forming evidence, evidence deposition.

Личное доказательство — это любое устное сообщение лица, полученное в процессуальной форме, которое позволяет установить значимое для дела обстоятельство. Показания — это разновидность личного доказательства, под которым понимаются показания участника процесса, данные в ходе допроса. Мы разделяем мнение о том, что личное доказательство неразрывно связано с личностью человека, его сознанием, которое участвует в отображении доказательственной информации, а потому личные доказательства, как прошедшие при формировании через сознание человека, требуют учета этого обстоятельства при проверке и оценке доказательств [1, с. 159-160; 2, с. 177].

Бесспорным, на наш взгляд, является постулат о незаменимости в уголовном процессе личных доказательств. Личные доказательства являются важнейшим средством доказывания. Несмотря на периодически возникающие сомнения в надежности данного вида доказательств, они были, есть и будут основой уголовного правосудия, в котором человек судит другого человека, опираясь на свидетельства иных людей. Возможно, развитие технического прогресса приведет к появлению новых средств получения информации о предмете доказывания, но это не отменит и не заменит личные доказательства. Пока правосудие будет твориться людьми, а оно, по нашему убеждению, должно оставаться таким всегда, личные доказательства будут оказывать определяющее влияние на формирование внутреннего убеждения судьи, и в любом случае обязательно составлять часть доказательственного материала, характеризующего субъективную сторону преступления, подлежащего оценке судьей.

Таким образом, правила, регулирующие формирование личного доказательства, имеют знаковое значение, они лучше всего характеризуют идеологию позитивного уголовно-процессуального права [3, с. 389-392; 4, с. 34-39]. Ввиду неизбежности создания нового УПК, который, на наш взгляд, должен строиться на новой концептуальной основе, необходимо высказать

несколько принципиальных соображений по поводу оптимальной правовой модели формирования личных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, необходимо признать, что наше уголовно-процессуальное законодательство в части регулирования получения личных доказательств, показаний устарело. УПК РФ не предусматривает состязательной структуры судебного допроса, а значит, отсутствует правовой механизм реализации статьи 15 УПК при проведении допросов во время судебного следствия по уголовному делу. Правовых норм, содержащихся в статье 278 и других статьях УПК РФ, недостаточно, чтобы в суде проводились допросы по состязательной модели. Порочность существовавшей до последнего времени позиции законодателя и правоприменителя состоит в следующем: а) не проводится принципиального различия между допросами в суде и до суда, б) предполагается, что показания формируются в ходе следственного допроса и, как следствие, в) имеет место терпимое отношение к использованию протоколов следственных допросов в качестве средства доказывания. Все это, по справедливой оценке А.А. Кухты, негативным образом сказывается на судебном доказывании, где подвергается эрозии состязательность, объективность, независимость суда в установлении фактов [5, с. 3].

Во-вторых, надо понять, что переход от следственной парадигмы уголовно-процессуального познания к состязательной — объективная закономерность в условиях укрепления демократии и построения правового государства. Одним из слагаемых состязательного способа формирования доказательств является требование к тому, чтобы оно формировалось с участием судьи. Судебный фактор имеет критически важное значение для формирования личного доказательства. В связи с этим надо следующим образом уточнить определение личного доказательства: личное доказательство — это устное сообщение о доказываемом факте, переданное лицом непосредственно суду в ходе судебной процедуры. Наша ос-

новная идея состоит в том, что любое доказательство, и в первую очередь личное доказательство, должно формироваться с участием обеих сторон непосредственно перед судьей. Следственный (односторонний, внесудебный) способ получения личных доказательств и представления их в виде производных письменных доказательств (протоколов допросов) должен быть признан на законодательном уровне исключительным и минимизирован на практике. Не менее важно нормативно разделить судебный допрос на прямой и перекрестный, закрепить правила проведения каждого из них в УПК РФ [6, с. 104-109].

В-третьих, надо отметить идеологический аспект в рассматриваемой нами проблематике; ее надо брать в контексте дискуссии о путях развития отечественного уголовного судопроизводства. Российское правовое развитие противоречиво. С одной стороны, налицо тенденция на сворачивание демократических завоеваний судебной реформы, укрепление лагеря консерваторов. К сожалению, этому в немалой степени поспособствовало постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. N 16-П/2013 «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»*. Ввиду того что данное постановление Конституционного Суда России фактически легализовало выполнение судом функции обвинения (во имя справедливости и соблюдения баланса частного и публичного интересов), некоторые поспешили с выводом о конце состязательности в российском уголовном процессе. Это преждевременно. Хотя преуменьшать значения его последствий тоже не следует. Данное решение, безусловно, подкрепляет позицию тех, кто утверждает о самобытности российской уголовно-процессуальной модели, оправдывает авторитарный стиль ведения судебного следствия председательствующим, в том числе при ведении допросов, что, к сожалению, стало нормой на практике. Мы видим в этом одно из главных препятствий для создания состязательного правового механизма регулирования судебных допросов.

* Рос. газ. 2013. 12 июля.

Судебные допросы должны проводиться сторонами перед судом, но с минимальным вмешательством судьи в процесс получения и проверки доказательства. В противном случае проявление судьей инициативы по вызову свидетеля, постановке ему вопросов и проч. чревато подменой сторон и, что самое нежелательное, — взятием на себя судом функции обвинителя. В итоге допрос подсудимого может превратиться в его «поединок» с судьей. Мы согласны с тем, что именно по причине активности судьи системный характер несут ограничения прав сторон на ведение допросов (путем снятия вопросов под предлогом их неотносимости, недопустимости), подмена непосредственного исследования личных доказательств оглашением протоколов следственных допросов, иных документов [7, с. 431-437].

Обнадеживает то, что в правовом поле происходят события и иного рода, которые можно трактовать как признание значимости непосредственного, с участием судьи способа получения личных доказательств, приоритета состязательной процедуры судебного допроса для формирования показаний. Речь идет о нескольких постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Председатель Верховного Суда РФ В. Лебедев стал инициатором принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 года N 10 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации”», в котором предлагается уточнить порядок оглашения в судебном заседании показаний свидетелей и потерпевших**. В пояснительной записке к данному законопроекту указывается, что в нормах уголовно-процессуального закона

** Проект Федерального закона N 272128-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ) 17.06.2013 г. рассмотрен Советом ГД ФС РФ (Протокол N 100, п. 61) и включен в проект примерной программы законопроектной работы Государственной Думы в период осенней сессии 2013 г. (сентябрь). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». В настоящее время этот законопроект, вносящий поправки в статьи 274 и 281 УПК РФ, находится в Государственной Думе, и есть все основания полагать, что в 2014 году он станет частью уголовно-процессуального права.

нет достаточной определенности в вопросе о роли суда в процессе доказывания по уголовному делу. В связи с этим предлагается внести в статью 274 УПК РФ дополнения, которые, развивая принцип состязательности, более четко определяли бы обязанности сторон по представлению в суд доказательств. При этом нельзя не учитывать, что допрос потерпевших и свидетелей в судебном заседании является не только способом получения доказательств по уголовному делу, но и средством проверки их достоверности. В связи с этим в части второй указанной статьи предлагается обязанность обеспечения явки в судебное заседание лиц, показания которых представляются в качестве доказательств обвинения или защиты, возложить на стороны.

В данном законопроекте в числе прочих предложений, направленных на усиление непосредственности при получении личных доказательств, Пленум Верховного Суда РФ предлагает дополнить статью 281 УПК РФ частью 2.1 следующего содержания: «В случаях, перечисленных в пунктах 2-5 части второй настоящей статьи, показания потерпевшего или свидетеля могут быть оглашены лишь при условии, если обвиняемый (подсудимый) на предыдущих стадиях производства по делу имел возможность допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задать ему вопросы и высказать свои возражения». Иными словами, Пленум Верховного Суда РФ настаивает на необходимости получения личных доказательств посредством судебных допросов в условиях устного, непосредственного судебного следствия [8, с. 25-30].

Таким образом, вводится запрет на использование в качестве доказательств показаний свидетелей, допрошенных в ходе предварительного расследования, путем их оглашения, если стороне защиты не была предоставлена реальная возможность участвовать в очной ставке с этими свидетелями. Каждая сторона обязана обеспечить явку своих свидетелей в суд и представить их показания суду путем прямого допроса, а процессуальный противник должен иметь право подвергнуть их перекрестному допросу.

Не менее принципиальное значение для создания нового подхода к пониманию должного порядка формирования

личных доказательств имеют разъяснения, содержащиеся в двух постановлениях Пленума Верховного Суда России, которые развивают положения о непосредственности и состязательности при проведении судебных допросов. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. N 11 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. N 1 “О судебном приговоре”»* содержится два важных положения:

1. «В соответствии с пунктами 1 и 3 (d) Статьи 6 Конвенции о защите прав и основных свобод, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и имеет право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него. В этой связи выводы суда о виновности подсудимого в совершении преступления не могут быть основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на фактических данных, содержащихся в оглашенных показаниях потерпевшего или свидетеля, если обвиняемый (подсудимый) в стадии предварительного расследования либо предыдущих судебных заседаниях не имел возможности оспорить эти показания (например, допросить показывающего против него потерпевшего или свидетеля на очной ставке, задавать ему вопросы, высказать свои возражения в случае несогласия с показаниями)».

2. «При отказе от дачи показаний потерпевшего, свидетеля, являющегося супругом или близким родственником подсудимого, а равно при отказе от дачи показаний самого подсудимого суд вправе сослаться в приговоре на показания, данные этими лицами ранее, лишь в том случае, если при производстве предварительного расследования им были разъяснены соответствующие положения п. 3 ч. 2 ст. 42; п. 2 ч. 4 ст. 46; п. 3 ч. 4 ст. 47; п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ, согласно которым никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, а также если они были предупреждены о том, что их показания могут быть использованы в качестве доказательств по уго-

* Рос. газ. 2013. 5 июля. N 145.

ловному делу, в том числе и в случае их последующего отказа от этих показаний».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. N 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней»* нашел закрепление общепризнанный международно-правовой стандарт справедливого уголовного судопроизводства, по которому каждый подсудимый имеет право на перекрестный допрос основных свидетелей обвинения. Пленум Верховного Суда России тем самым подтвердил необходимость выполнения судами положений статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод**, т.е. право подсудимого на перекрестный допрос основных свидетелей обвинения. Это европейский стандарт справедливого судебного разбирательства.

Развивая вышеприведенные положения, можно прийти к таким выводам:

1. В процессе формирования личных доказательств приоритет имеет судебный фазис. Условие непосредственного присутствия судьи при получении, проверке личного доказательства является принципиальным. Участие судьи в формировании данного доказательства сводится главным образом к его оценке. Активность председательствующего в проверке этого доказательства должна носить субсидиарный характер.

2. Досудебный этап получения, фиксации личного доказательства путем производства следственных допросов, иных следственных действий, в ходе которых делаются устные заявления о фактах, не может привести к формированию судебного доказательства. В доказательственном отношении эти сведения несовершенны и требуют представления и проверки в условиях состязательности — перед судом. Односторонняя деятельность следователя по выяснению обстоятельств дела, так же как и аналогичная деятельность адвоката — участника процесса, носит предварительный характер выявления источника потенциального личного доказательства

* Рос. газ. 2013. 5 июля. N 145.

** Конвенция о защите прав человека и основных свобод, подписанная в г. Риме 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. N 20. Ст. 2143.

(свидетеля) и подготовки к представлению его (свидетеля) судебному органу и процессуальному противнику.

3. В современных условиях следственного досудебного производства неотложными мерами являются:

а) нормативное закрепление обязанности следователя, дознавателя по проведению очной ставки между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим, свидетелем с обязательным участием адвоката-защитника. В связи с этим предлагаем в содержащиеся в ст.ст. 46, 47 УПК РФ перечни прав соответствующих участников процесса внести дополнение (в виде отдельного пункта) такого содержания: «на очную ставку в ходе предварительного расследования с основными свидетелями обвинения и их перекрестный допрос в суде»;

б) ужесточение требований к допустимости производных личных доказательств, получаемых стороной обвинения. Исходя из этого предлагаем статью 192 УПК РФ дополнить частью 1.1 следующего содержания: «Следователь обязан провести очную ставку по требованию подозреваемого, обвиняемого — между ним и лицом, изобличающим его своими показаниями». Дополнить эту статью еще одной нормой: «если обвиняемый на стадии предварительного расследования не имел возможности оспорить показания свидетелей обвинения на очной ставке с участием защитника, то суд при отсутствии возможности допроса этих лиц в судебном заседании обязан признать недопустимыми доказательствами их показания, содержащиеся в протоколах допросов и иных документах».

Кроме того, в часть 2 статьи 75 УПК РФ следует внести дополнение в виде пункта 2.1: «протоколы допросов, иные документы, содержащие показания или сообщения лиц о фактах в пользу обвинения, если стороне защиты не была предоставлена возможность допросить их на очной ставке или перекрестном допросе».

3. Необходимо создавать институт депонирования личных доказательств — показаний. Этот институт имеется во всех развитых уголовно-процессуальных порядках. Депонирование показаний предлагается как средство получения судебного личного доказательства до судебного

разбирательства в ситуации, когда существует утрата доказательства, необходимости обеспечения безопасности свидетеля и пр. Допрос в таком случае проводится в рамках судебной процедуры по ходатайству одной из сторон в условиях состязательности, т.е. с обязательным участием процессуального противника и соблюдением всех процессуальных гарантий права на защиту. Депонирование показаний свидетеля, потерпевшего, обвиняемого (в случае признания им вины и явки с повинной) проводится в судебном заседании по инициативе одной из сторон (обвинения, защиты) с целью получения судебных показаний, которые потом могут быть представлены уже в суде первой инстанции*. Институт предварительного депонирования показаний составляют нормы, регулирующие проведение «судебных допросов» (включая перекрестный допрос с участием процессуального противника) в рамках досудебной подготовки к рассмотрению дела в суде по существу [9, с. 100, 101].

* Депонирование (лат. *deponere* — класть, оставлять) — процесс организованного хранения чего-либо, в данном случае — показания. Депонирование показаний является процедурой допроса судьей свидетелей сторон дела до начала судебного разбирательства.

На наш взгляд, в существующих условиях основой для депонирования может быть институт превентивного судебного контроля в досудебном производстве. Как отмечает С.И. Конева, в рамках превентивного судебного контроля возможно получение доказательств, которые будут иметь юридическое значение при рассмотрении уголовного дела по существу [9, с. 106-107].

Подводя итоги, надо сказать, что переход на новый, более справедливый для обеих сторон порядок формирования личных доказательств (как впрочем, и всех прочих доказательств), предполагает коренную реформу предварительного расследования, придание российскому уголовному судопроизводству состязательной формы. Таким образом, необходимо концептуально пересмотреть господствующие в теории доказательств взгляды на доказательства и доказывание, создать новое доказательственное право.

Список литературы

1. Конева С.И. О значении перекрестного допроса для формирования фактов во время судебного разбирательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. N 5 (88). С. 155-162.
2. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2009. 408 с.
3. Александров А.С. Перекрестный допрос как зеркало русской судебной реформы // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: МГЮА, 2007. С. 389-392.
4. Александров А.С., Гришин С.П. Апология перекрестного допроса // Уголовное судопроизводство. 2007. N 3. С. 34-39.
5. Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2010. 569 с.
6. Машовец А.О., Конева С.И. Допросы в судебном следствии по уголовному делу // Уголовное право. 2013. N 2. С. 104-109.
7. Александров А.С. Почему не востребован в современном суде перекрестный допрос // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет. 2010. Вып. 5. С. 431-437.
8. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Российская юстиция. 2005. N 11. С. 25-30.
9. Конева С.И. Допросы в уголовном суде: монография. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. 407 с.

References

1. Koneva S.I. O znachenii perekrestnogo doprosa dlya formirovaniya faktov vo vremya sudebnogo razbiratel'stva [On the significance of cross-examination for the formation of the facts during the trial]. *Vestnik Sara-*

tovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Academy of Law, 2012, no. 5 (88), pp. 155-162.

2. Pobedkin A.V. *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie* [Criminal procedural proving]. Moscow, 2009. 408 p.

3. Aleksandrov A.S. *Perekrestnyy dopros kak zerkalo russkoy sudebnoy reformy* [Cross-examination as a mirror of Russian judicial reform]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo sudoproizvodstva: voprosy teorii, zakonodatel'stva, praktiki primeneniya (k 5-letiyu UPK RF)* [Actual problems of criminal justice: theory, legislation, application practices (to the 5th anniversary of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation)]. Moscow, 2007. Pp. 389-392.

4. Aleksandrov A.S., Grishin S.P. *Apologiya perekrestnogo doprosa* [Apology for cross-examination]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* – Criminal Justice, 2007, no. 3, pp. 34-39.

5. Kukhta A.A. *Dokazyvanie istiny v ugolvnom protsesse* [Proving the truth in criminal proceedings]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2010. 569 p.

6. Mashovets A.O., Koneva S.I. *Doprosy v sudebnom sledstvii po ugolovnomu delu* [Interrogations in the court proceedings in a criminal case]. *Ugolovnoe pravo* – Criminal Law, 2013, no 2, pp. 104-109.

7. Aleksandrov A.S. *Pochemu ne vostrebovan v sovremennom sude perekrestnyy dopros* [Why is not important in the modern court cross-examination]. *Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo protsessa Rossii* [Actual problems of modern criminal procedure Russia]. Samara: Samara University Publ., 2010. Edition 5. Pp. 431-437.

8. Aleksandrov A.S., Grishin S.P. *Perekrestnyy dopros v ugolvnom sude* [Cross-examination in a criminal court]. *Rossiyskaya yustitsiya* – The Russian justice, 2005, no. 11, pp. 25-30.

9. Koneva S.I. *Doprosy v ugolvnom sude* [Interrogations in criminal court]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ., 2012. 407 p.

ФЕДОРОВ В.В., 7466vk@gmail.com Кафедра конституционного и административного права; Южно-Уральский государственный университет, 454000, г. Челябинск, просп. Ленина, 76	FEDOROV V.V., 7466vk@gmail.com Chair of constitutional and administrative law, South Ural State University, Lenin Avenue 76, Chelyabinsk, 454000, Russian Federation
--	--

СТАТУС ДЕПУТАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ, НЕОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБОГАЩЕНИЕ, КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Реферат. Основания и пределы социальной и, как следствие, юридической ответственности лица должны соответствовать социальной значимости его деятельности (чем больше полномочий, тем больше и действеннее ответственность). Существующий правовой статус депутатов Государственной Думы РФ и членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ не соответствует этому правилу. Наряду с широкими полномочиями и привилегиями сведена к минимуму конституционно-правовая ответственность парламентариев. Обосновывается идея о закреплении в Федеральном законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» полного перечня оснований, процедур и санкций, образующих их конституционно-правовую ответственность. В перечень оснований лишения депутатского мандата обязательно должно входить как владение акциями хозяйственных обществ, так и наличие незадекларированного имущества в крупном размере. Выявлена правовая возможность депутатов находиться в ситуации конфликта интересов, не подвергаясь привлечению к юридической ответственности: прямой запрет заниматься предпринимательской деятельностью (в том числе путем вхождения в состав органа управления коммерческой организацией) нивелируется решениями Конституционного Суда РФ о том, что деятельность акционеров не является предпринимательской, при этом депутату разрешается владение акциями. Процедура привлечения депутатов к ответственности также должна быть урегулирована законом и предусматривать судебную проверку фактов, являющихся основаниями ответственности. Аргументируется, что ратификация статьи 20 Конвенции ООН против коррупции путем введения в Уголовный кодекс РФ состава преступления «Незаконное обогащение» может стать эффективной антикоррупционной мерой, сделав конституционно-правовую ответственность реальной, неотвратимой. В этом случае мерой ответственности депутата будет досрочное прекращение его полномочий вследствие постановления обвинительного приговора суда, а основанием самой ответственности — неисполнение депутатом обязанности руководствоваться в своей деятельности Конституцией и законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: юридическая ответственность, депутат Государственной Думы, оплачиваемая деятельность, конституционно-правовая ответственность.

STATUS OF THE DEPUTY OF THE RUSSIAN FEDERATION STATE DUMA: CONFLICT OF INTERESTS, UNJUST ENRICHMENT, CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY

Abstract. The grounds and limits of person's social and legal liability must correspond to the social significance of his/her activity (the more power a person has — the greater is his/her liability). The current legal status of the State Duma deputies and the Federation Council members does not conform to this rule. The parliamentarians' constitutional responsibility is minimized along with their wide powers and privileges. The author proves the necessity of fixing the full specification of grounds, procedures and sanctions, forming their constitutional responsibility, in the Federal Law «On the status of the Federation Council member and the RF State Duma deputy». The specification of the deputies' mandate deprivation grounds must include both companies' shareholding and existing undeclared luxury property. The deputies' legal possibility to be in the conflict of interests not being brought to legal liability is shown. The direct prohibition on business undertaking is leveled by the Constitutional Court decisions:

shareholders activity is not considered as entrepreneurial, but shareholding is allowed. The procedure of bringing to legal liability must be regulated by law and must provide verification of the facts being the grounds of liability. The ratification of Article 20 of the UN Convention against corruption by introducing the concept of «unjust enrichment» into the RF Criminal Code is considered to be an effective anticorruption measure making the constitutional responsibility inevitable. Thus, the liability measure is deputy's exemption from duties by the accusatory court sentence, the ground of liability is failure in duties to follow the RF Constitution and laws.

Keywords: legal liability, deputy of the State Duma, gainful occupation, constitutional responsibility.

Такая категория, как ответственность, во все времена служила мотивирующим началом любой социально значимой деятельности. Давно известно, что отсутствие ответственности за свои действия зачастую является фактором, парализующим регулирование общественных отношений. Наличие социальной ответственности во многом способствовало развитию цивилизованного общества: по мере становления государства и права меры ответственности приобретали все более конкретизированный облик, пока в итоге не стали носить силу юридически значимых предписаний. Таким образом, социальная ответственность, получившая нормативно-правовое закрепление, стала юридической ответственностью.

Необходимо отметить, что потребность в социальной справедливости всегда требовала от общества установления рамок ответственности таким образом, чтобы деятельность, имеющая большую социальную значимость, подразумевала и большую ответственность. Так, совершение тяжкого преступления предусматривает большую юридическую (в данном случае уголовную) ответственность, нежели совершение преступления средней тяжести, — это очевидная закономерность.

В той же мере наличие у определенного субъекта более широкого круга прав и полномочий должно закономерно предусматривать большую ответственность за свои действия. Так, например, владелец предприятия в случае успешной работы получает прибыль потому, что несет на себе все предпринимательские риски, в отличие от работника, который должен получить зарплату независимо от того, насколько прибыльным или убыточным окажется производство. Капитан морского судна имеет абсолютное право в принятии решений, связанных с безопасностью судна, груза и экипажа, не ограниченное никакими субординационными обстоятель-

ствами, однако в случаях, когда гибель судна неминуема, капитан оставляет судно последним*. Такие подходы к установлению объема (пределов) ответственности вполне разумны, оправданны.

Тем не менее обозначенный принцип установления (разделения) ответственности применяется далеко не ко всем субъектам права. Несложно выявить существование особого, закрепленного действующим законодательством правового статуса, предусматривающего широкий круг всевозможных прав, свобод, привилегий, а также различных полномочий наряду с минимальной юридической ответственностью за свои действия. Очевидно, что носителями столь исключительного правового положения являются депутаты Государственной Думы Российской Федерации, выступающие творцами законодательства.

Статус депутата Государственной Думы РФ, помимо ответственности, безусловно, подразумевает наличие прав, обязанностей, полномочий, а также гарантий деятельности депутата. Проанализировав меры ответственности депутатов Государственной Думы, А.А. Кондрашев пришел к выводу о том, что перечень конституционно-правовых санкций, установленных по отношению к депутатам нижней и членам верхней палат федерального парламента, значительно меньше, чем аналогичный перечень, установленный в отношении депутатов региональных и муниципальных представительных органов. Такое положение дел объясняется особенностями пропорциональной системы федеральных выборов, в соответствии с которой невозможно применять к депутату Государственной Думы такую конституционную санкцию, как его отзыв.

* Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апр. 1999 г. N 81-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. N 18. Ст. 2207; 2014. N 6. Ст. 566.

Кроме того, федеральные представители отказались от использования целого ряда процедурных санкций и мер, направленных на прекращение их статуса в связи с нарушениями депутатами режима осуществления депутатских полномочий [1]. Учитывая высокое социальное значение деятельности депутатов Госдумы РФ, вполне понятен широкий объем их полномочий, объяснимо наличие отдельных исключительных прав и привилегий, однако не выдерживает критики сведенная к минимуму юридическая ответственность названных лиц.

Этот вопрос уже поднимался в научной литературе. Отмечалось, что «...проблема создания эффективных и действенных механизмов ответственности каждого депутата как перед избравшим его населением, так и перед коллегами по законодательному (представительному) органу власти, приобретает в современных условиях особую актуальность и значимость для общего процесса повышения правовой культуры властных структур всех уровней Российской Федерации» [2].

В литературе выделяется четыре группы оснований для привлечения депутатов к конституционно-правовой ответственности:

1. Нарушение Конституции Российской Федерации и федеральных законов, а также иных нормативных актов.

2. Невыполнение или ненадлежащее выполнение депутатом своих профессиональных обязанностей.

3. Деятельность, не совместимая со статусом депутата.

4. Недостойное поведение депутата [3].

При этом существует необходимость конкретизации данных оснований для того, чтобы в дальнейшем избежать применения двойных стандартов при принятии решения о привлечении того или иного депутата к конституционно-правовой ответственности. Наглядным примером является лишение Г. Гудкова депутатского мандата за деятельность, не совместимую со статусом депутата (в данном случае предпринимательскую). В то же время аналогичная, более очевидная и масштабная деятельность других депутатов Государственной Думы не рассматривалась в качестве основания для лишения статуса.

Норма, предусматривающая запрет депутату Государственной Думы на осу-

ществление любой оплачиваемой деятельности, кроме преподавательской, научной и иной творческой, предусмотрена ст. 97 Конституции РФ*, а также статьей 6 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ»**. В частности, членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы запрещено заниматься предпринимательской деятельностью в любых ее формах, поскольку в данном случае также возможен конфликт интересов различных по своей правовой природе структур. Норма также запрещает вхождение депутатов Госдумы РФ в состав органа управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации (к перечню которых, безусловно, относится общее собрание акционеров), при этом немалое количество депутатов являются держателями акций различных компаний.

Такое положение дел становится возможным в силу двух постановлений Конституционного Суда РФ. Одно из них определяет, что «деятельность акционеров не является предпринимательской»***, а другое конкретизирует виды участия в деятельности коммерческих организаций, которые запрещены депутату Госдумы РФ, не упоминая среди прочего владение акциями: «депутат Государственной Думы не вправе участвовать в деятельности по

* Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. N 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. N 7-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 4. Ст. 445.

** О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 8 мая 1994 г. N 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. N 2. Ст. 74.

*** По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы: постановление Конституционного Суда РФ от 24 февр. 2004 г. N 3-П // Рос. газ. 2004. 2 марта.

управлению хозяйственным обществом или иной коммерческой организацией, в том числе входить в состав таких органов управления коммерческой организации, пребывание в которых невозможно без специального личного волеизъявления, или осуществлять в коммерческой организации управленческие функции без формального вхождения в состав соответствующего органа управления, а также участвовать в работе общего собрания как высшего органа управления хозяйственного общества»*.

Другими словами, закон прямо запрещает вхождение в состав органа управления, в то время как постановление Конституционного Суда РФ, определяя, что общее собрание является органом управления, предполагает запрет на участие в работе общего собрания. Следовательно, депутат фактически может владеть и контрольным пакетом акций, главное — не состоять в совете директоров и не участвовать в работе общего собрания.

Эта очевидная законодательная «лазейка» весьма похожа на ту, в которой использовалось слово «подряд» в тексте ст. 81 Конституции РФ. Однако в данной ситуации разрешение вопроса остается уже не в сфере толкования. Здесь закладывается откровенная правовая возможность (гарантированное и охраняемое право), которой непременно воспользуются отдельные парламентарии.

Для исправления ситуации представляется целесообразным напрямую закрепить на уровне закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» запрет на приобретение депутатами ценных бумаг хозяйственных обществ, а также обязать депутатов передать имеющиеся активы в доверительное управление по принципу «слепого траста» (*blind trust*) **без возможности влиять на принимаемые поверенным решения.**

* По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 27 дек. 2012 г. N 34-П // Рос. газ. 2013. N 1. Ст. 78.

Практика свидетельствует о том, что политическая воля при необходимости готова найти способ нейтрализовать любые противоречащие ее интересам нормы, какими бы конструктивными они ни были. «То, что орган власти является еще и элементом правовой системы, который обязан функционировать по ее правилам, — этот момент оказался на периферии внимания и законодателей, и руководства страны. Политика в очередной раз взяла верх над правом» [4, с. 7-8].

Вполне обоснованной мерой ответственности за грубое искажение сведений налоговой декларации о недвижимости будет являться лишение гражданина депутатского мандата. На данный момент за это предусмотрено лишь общественное порицание, вследствие чего в российских регионах депутаты один за другим отказываются подавать декларации о доходах. Так уже поступили депутаты Красноярского горсовета, трое парламентариев Законодательного собрания Томской области и шесть депутатов Новгородской областной думы. В свое оправдание они заявили, что все равно никакого наказания за это не предусмотрено. И действительно, все они продолжают работать в парламенте [5]. Депутаты сами публично признают свою безнаказанность, что является дополнительным аргументом в пользу ужесточения мер за данное нарушение.

Давно назрела необходимость ратифицировать ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, предусматривающую «признание в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»**. Как показывает успешный опыт борьбы с коррупцией в ряде зарубежных стран, нормы именно этой статьи обеспечивают эффективное действие антикоррупционного механизма. Интеграция этого правового установления в отечественное законодательство крайне затруднила бы всяческую возможность ве-

** Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 окт. 2003 г. Резолюцией N 58/4) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. N 26. Ст. 2780.

дения депутатами Государственной Думы противоправной деятельности.

В декабре 2011 года Д.А. Медведев публично поддержал ратификацию ст. 20 Конвенции ООН, однако в апреле 2012 года сам же выступил с резкой критикой этой инициативы [6; 7]. Вероятной причиной кардинального изменения во взглядах главы государства того времени стало мнение экспертов, сумевших переубедить его. Так или иначе в Российской Федерации названная антикоррупционная мера пока не принята. Хотя за ее ратификацию на сайте Российской общественной инициативы выступило уже более 12 000 человек [8]. В случае введения в Уголовный кодекс статьи «Незаконное обогащение» конституционно-правовая ответственность будет наступать для депутатов в виде досрочного прекращения полномочий депутата вследствие вынесения обвинительного приговора суда (неисполнение депутатом конституционной обязанности руководствоваться в своей деятельности Конституцией и законодательством Российской Федерации).

Следует констатировать, что институт конституционно-правовой ответственности депутатов Госдумы на данном этапе не развит в достаточной степени. Для повышения эффективности работы нижней палаты основания и механизмы такой ответственности необходимо пересмотреть.

В первую очередь в Федеральном законе «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» необходимо закрепить полный перечень

оснований конституционно-правовой ответственности депутатов нижней палаты парламента, а также полный перечень конституционно-правовых санкций. К основаниям лишения депутатского мандата обязательно должно относиться как владение акциями хозяйственных обществ, так и наличие незадекларированного имущества в крупном размере.

Более того, в этом законе должна быть также детально регламентирована процедура привлечения депутатов Государственной Думы РФ к конституционно-правовой ответственности, предусматривающая судебную проверку фактов, являющихся ее основаниями. Вопрос о лишении депутата мандата целесообразнее исключить из компетенции самой нижней палаты (во избежание политических расправ), отнеся его к компетенции Верховного Суда РФ.

Ратификация ст. 20 Конвенции ООН против коррупции, введение в Уголовный кодекс РФ состава преступления «Незаконное обогащение» также должны выступать мерой конституционно-правовой ответственности, поскольку являются основанием досрочного прекращения полномочий депутата вследствие вынесения обвинительного приговора суда.

Для реализации рассмотренных нововведений требуется не только политическая воля, но и политическая зрелость (законодатель должен ущемить собственное положение во имя долгосрочных парламентских интересов). Готов ли к этому действующий состав парламентариев?

Список литературы

1. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность депутата законодательного органа государственной власти, представительного органа местного самоуправления в Российской Федерации: основания классификации и проблемы реализации // Российский юридический журнал. 2011. N 1. С. 127-144.
2. Окулич И.П. Проблемы правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Челябинск, 2003. 199 с.
3. Окулич И.П. Депутат законодательного (предварительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: Правовой статус. Природа мандата. Проблемы ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 201 с.
4. Кадохов В.Т. Материалы круглого стола «Формы и механизмы ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления: перспективы законодательного обеспечения» // Аналитический вестник Совета Федерации. 2003. N 17 (210). С. 7-8.
5. Павликова О. Госдума устала от борьбы с коррупцией // Slon.ru. URL: http://slon.ru/russia/kak_deputaty_vykholaishchivayut_borbu_s_korruptsiei-942007.xhtml (дата обращения: 2 февр. 2014 г.).
6. Медведев предложил преследовать чиновников за незаконное обогащение. URL: <http://lenta.ru/news/2011/12/22/convention/> (дата обращения: 2 февр. 2014 г.).

7. Медведев: Уголовное наказание за незаконное обогащение повредит обществу. URL: <http://www.vz.ru/news/2012/4/28/576701.html> (дата обращения: 2 февр. 2014 г.).

8. Ратификации статьи 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. URL: <http://www.roi.ru/poll/petition/chinovniki-i-gos-uslugi/ratifikatsii-stati-20-konventcii-organizatsii-obedinennyh-natsij-protiv-korrupcii/> (дата обращения: 2 февр. 2014 г.).

References

1. Kondrashev A.A. *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost' deputata zakonodatel'nogo organa gosudarstvennoy vlasti, predstavitel'nogo organa mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: osnovaniya klassifikatsii i problemy realizatsii* [Constitutional and legal responsibility of the deputy of the legislative body of the government, the representative body of local self-government in the Russian Federation: the bases of classification and problems of implementation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* – Russian legal magazine, 2011, no. 1, pp. 127-144.

2. Okulich I.P. *Problemy pravovogo statusa deputata zakonodatel'nogo (predstavitel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti sub"ekta Rossiyskoy Federatsii* [The legal status of deputies of the legislative (representative) body of state power of the Russian Federation]. Chelyabinsk, 2003. 199 p.

3. Okulich I.P. *Deputat zakonodatel'nogo (predvaritel'nogo) organa gosudarstvennoy vlasti sub"ekta Rossiyskoy Federatsii: Pravovoy status. Priroda mandata. Problemy otvetstvennosti. Cand. Diss.* [Deputy of the legislative (preliminary) state authority of the Russian Federation: Legal status. Nature of the mandate. Problems of responsibility. Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2001. 201 p.

4. Kadokhov V.T. Materialy kruglogo stola "Formy i mekhanizmy otvetstvennosti organov gosudarstvennoy vlasti i organov mestnogo samoupravleniya: perspektivy zakonodatel'nogo obespecheniya" [Materials of the round table "The forms and mechanisms of accountability of public authorities and local self-government: Prospects for legislative support]. *Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii* – Analytical Bulletin Council of Federation, 2003, no. 17 (210), pp. 7-8.

5. Pavlikova O. *Gosduma ustala ot bor'by s korruptsiyey* [The State Duma is tired of fighting corruption]. Slon.ru. Available at: http://slon.ru/russia/kak_deputaty_vykhodishchivayut_borbu_s_korruptsiyey-942007.xhtml (Accessed 2 February 2014).

6. *Medvedev predlozhit presledovat' chinovnikov za nezakonnoe obogashchenie* [Medvedev proposed to prosecute officials for illegal enrichment]. Available at: <http://lenta.ru/news/2011/12/22/convention/> (Accessed 2 February 2014).

7. *Medvedev: Ugolovnoe nakazanie za nezakonnoe obogashchenie povredit obshchestvu.* [Medvedev: Criminal penalties for illicit enrichment hurt society]. Available at: <http://www.vz.ru/news/2012/4/28/576701.html> (Accessed 2 February 2014).

8. *Ratifikatsii stat'i 20 Konventsii Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy protiv korruptsii* [Ratification of Article 20 of the United Nations Convention against Corruption]. Available at: <http://www.roi.ru/poll/petition/chinovniki-i-gos-uslugi/ratifikatsii-stati-20-konventcii-organizatsii-obedinennyh-natsij-protiv-korrupcii/> (Accessed 2 February 2014).